

ОР

Б/18

Г. БАЙДУКОВ

801-43
2517

О ЧКАЛОВЕ

С 47
А07

Государственное Издательство
«Художественная литература»
Москва 1939

4524

08
5-18

Г. БАЙДУКОВ

801-13
2517

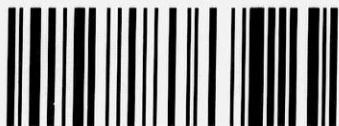
О ЧКАЛОВЕ

C 47
A07

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Художественная литература»
МОСКВА 1939

4524

2011094075

39-13478
0.9807

★

И. В. СТАЛИНУ,
вырастившему
бесстрашное
чкаловское поколение
советских летчиков

★

130-1

ГЛАВА I

1. ВОЗДУШНЫЙ БОЕЦ

После окончания школы летчиков в 1923 году Чкалов попал в Ленинградскую эскадрилью, которой командовал старый боевой пилот Антошин. Валерий быстро ознакомился с летным составом. Вскоре он подружился с опытным истребителем Павлушовым, а затем и сам глава эскадрильи полюбил молодого и напористого здоровяка Чкалова.

Как только Валерий начал работу в истребительной эскадрилье, он сразу же почувствовал, что школьной тренировки теперь недостаточно, что воздушный бой и особенно стрельба у него идут гораздо хуже, чем у старых пилотов этой части.

Он ревностно начал впитывать в себя весь опыт, не стесняясь, подолгу расспрашивал своих командиров о том, что было ново и неясно молодому летчику-истребителю. Высокоченный и добродушный Антошин сразу подметил любознательность Чкалова, стал чаще с ним беседовать, и скоро эти различные по возрасту и характеру люди навсегда заключили союз тесной дружбы.

Эскадрилья в начале лета перелетела в

лагеря. Отряды приступили к интенсивной тренировке. Самым любимым занятием истребителей была стрельба по воздушным резиновым шарам. Летчик поднимался на высоту пятсот — восьмьсот метров, зарядив пулеметы, покачивал машину с крыла на крыло и начинал напряженно искать черный шар, выпущенный с земли в воздух. Шарик быстро уходил вверх, пилот его отыскивал и, атаковав, обстреливал в упор эту маленькую мишень. Самыми ловкими охотниками оказались Павлушов и Леонтьев. Они быстро находили резко вздымавшиеся пузыри, настигали их и с первой очереди заканчивали упражнение. Чкалов зорко наблюдал за действиями своих командиров, стараясь не только перенять их методы, но и стать в первую шеренгу отличников эскадрильи.

В воздухе он тщательно целился через оптический прицел, выпускал пяток-другой пуль в мишень, выглядывал вперед и сокрушенно видел, как перед носом уходил вверх злосчастный шар. Валерий злился, повторял атаки, расстреливал все патроны и, наконец, настигал мишень, тараня ее винтом. Командир эскадрильи все это видел прекрасно. Улыбаясь, потирал он руки: «Напористый паренек, из него выйдет прекрасный истребитель».

Однажды вечером Валерий вошел в командирскую палатку.

— Товарищ командир, разрешите по личному вопросу?

Антошин встал и удивленно посмотрел на Чкалова.

— Что случилось?

— Совет держать пришел, — начал Валерий.

— Ну, ну, докладывайте.

— Стреляю плоховато, товарищ командир, как быть?

— Не горюйте, — научитесь, не все сразу.

Командир успокоился.

— Я уж думал, не закрутился ли мой молодой пилот. А это дело — поправимое.

— Ведь хуже Павлушова получается...

— Товарищ Чкалов, ведь Павлушов командир отряда, а вы младший летчик. Все-таки между вами есть разница.

— Все равно, я их перегоню...

Командир засмеялся. Ему понравилась эта спортивная жилка первенства. Антошин достал блокнот:

— Ну-ка, нарисуйте мне схему прицела?

Чкалов взял карандаш и быстро начертил пулемет, прицел и положение мишени. Командир рассматривал Чкалова, чувствуя в нем неимоверный запас силы. Антошин решил помочь молодому пилоту.

— Знаете, в чем дело? В оптическом прицеле слишком мал обзор, и потому вы невольно торопитесь стрелять, побаиваясь, что шар выскочит из поля зрения. Вам нужно поставить обыкновенный визирно-кольцевой.

Чкалов молчал.

— Вы понимаете меня?

— Так точно. Приказано заменить прицел. Завтра все будет готово, — ответил Валерий.

— Вот и замечательно, а я лично проверю

установку и вместе с вами пристреляю пулеметы.

Антошин, подумав, спросил:

— Что вы делаете в воскресенье? Не собираетесь ли ехать в Ленинград?

— Нет, я буду в лагерях, — неуверенно и настороженно ответил Чкалов.

— А не хотели ли бы вы полетать в выходной день и пострелять по шарам? А я уж сам для вас буду выпускать мишени и прослежу за всеми атаками.

Чкалов так обрадовался предложению, что не заметил, как назвал командира «батей». Чкалов говорил, как мало он летает, что ради полетов он готов сидеть на аэродроме день и ночь.

«Необычный человек», — подумал Антошин.

Он усадил Чкалова и начал расспрашивать о его жизни. В этот вечер товарищеская беседа затянулась до поздней ночи. С рассветом Чкалов потащил своего механика на аэродром. Вдвоем они быстро сняли оптический прицел и установили новый, кольцевой. Чкалов сотню раз заглядывал через ствол пулемета, видел, как в концентрических кольцах проектировалась какая-то сосна, затем, перекинув глаз к прицелу, убеждался, что та же сосна точно посередине разрезает кольцо прицела. Вскоре пришел Антошин. Он тщательно проверил расчеты Чкалова, внес некоторые коррективы и шутовно заметил:

— Ну, уж теперь и Павлушова побьете...

— Непременно, товарищ командир, побью, — ответил Чкалов.

— А ведь вы, кажется, приятели, не жалко товарища гробить?

— От этого дружба не расстроится, а окрепнет. И уважать будет больше, — ответил Чкалов.

— Ну, если так, приготовьтесь к полету. — И Антошин начал серьезным, официальным тоном давать задание на стрельбу.

Вскоре командир увидел самолет Чкалова. Антошин выпустил первый шар. Короткая пулеметная очередь. «Молодец», — заключает командир. Выпустил второй. Вновь слышен треск пулемета.

— Скажите, пожалуйста, — усмехнулся Антошин и выпустил еще шар, а за ним сразу же другой.

«Что ты будешь теперь делать, молодой человек?!»

Валерий заметил эту проделку командира. Не выпуская из поля зрения шары, он быстро атаковал один и сразу же накинудся на другой.

Чудесный стрелок, — заключил Антошин, отдавая распоряжение выложить сигнал: «Следовать на аэродром».

— А то будет целый день висеть в воздухе. Он теперь все шары готов перестрелять.

После полета Чкалов, торжественно сияя, шел к командиру, чтобы отблагодарить за товарищескую помощь.

Через две недели Чкалов стал лучшим стрелком по шарам, а в воздушном бою он не уступал первенства ни Павлушовой, ни Ле-

онтьеву. Оставалась лишь одна загвоздка — научиться стрелять с оптическим прицелом Альдеса. В этом он еще уступал многим. Чкалов долго ломал голову, как все-таки освоить Альдеса. Достав визирный и оптический прицелы, он укрепил их рядом на одно полено, смастерил себе подобие треноги и все это тщательно спрятал от товарищей. Он не хотел, чтобы над ним подшучивали, твердо решив добиться успеха.

Командир эскадрильи сегодня проснулся рано. Он вышел из палатки, сделал несколько глубоких вдохов и затем не спеша побегал по узенькой дорожке, тянувшейся вокруг роши. Он делал зарядку ежедневно и, несмотря на солидный возраст, выглядел молодым.

Дорожка круто заворачивала вправо, огибая кусты. Антошин в этом месте всегда усиливал темп бега... Вдруг перед его глазами появилась широченная загорелая спина какого-то человека в трусах. Антошин остановился и замер. «Что это за личность? Что ему тут нужно?»

Человек в трусах был увлечен. Он явно целился в самолет, пролетавший в стороне. «Шпион! Наверное, фотографирует». И Антошин начал отступать назад, прячась за дерево. «Я тебе дам», — думал командир, вглядываясь в странную фигуру, повернувшуюся в профиль. «Чкалов?! Фу ты, чорт! Что же он тут делает?» Антошин увидел, как на самодельной треноге Валерий поворачивал

полено, на котором были укреплены два прицела: один оптический, другой визирный. Командир сразу же понял все. Он больше не мог удержаться от смеха. Звонкий хохот раздался по лесу. Чкалов быстро сообразил — кому он принадлежит. Антошин подошел к Валерию.

— Чем же ты занят, почему рано встал?

— Тише, «батя», не кричи, узнают ребята, подначивать начнут.

— Я спрашиваю, почему не спите?

Чкалов почувствовал строгий тон, вытянулся в струнку.

— Товарищ командир, ведь спокойно потренироваться можно тогда, когда наш отряд спит, а другие летают...

— Ну и ну, настойчивый какой! — покачивал головой Антошин, разглядывая неогнестрельное оружие Чкалова.

Валерий стоял смущенный, покусывая губы.

— Так, так, ну расскажи, чего же ты достиг?

— Я тренируюсь: прицелюсь в самолет через кольцевой, а затем сразу гляжу в Альдес и вижу, как должна располагаться мишень.

— Хорошо придумал, молодчина! Вон самолет летит, — дай-ка, я посмотрю, — и Антошин серьезно увлекся чкаловским изобретением.

— Здорово, нужно всех ознакомить, — заключил он, поглядывая на Валерия.

— Только ты, «батя», не скажи ребятам... А прибор для эскадрильи я сделаю мировой.

— Хорошо, будь по-твоему. — Антошин заспешил и скрылся за деревьями.

Чкалов начал ожидать появления очередного самолета для прицеливания.

Прошел месяц, и результаты серьезной тренировки дали себя знать. Чкалов вышел по всем видам стрельб на первое место. Даже Павлушовой было трудно состязаться со своим настойчивым подчиненным, и командир отряда стал еще больше уважать Валерия. А Антошин гордился Чкаловым и часто похваливал его за успехи.

Наступили осенние маневры Балтийского флота. Эскадрилья Антошина работала на стороне красных, обслуживая морские силы. На третий день условной войны разведка обнаружилла противника. Но, как назло, радиосвязь с флагманом эскадры красных оборвалась. Антошин ходил мрачный, проклиная и изобретателя радио, и всех метеорологов мира. Погода стояла отвратительная. Море штормило, а из низких свинцовых туч непрерывно лилась влага. Командир вновь получил категорическое требование связаться с линкором «Марат», чтобы предупредить его о намерениях противника. Антошин вышел из палатки.

«Добрый хозяин собаку не выгонит в такую погоду», — подумал командир, оглядывая тусклое и скучное небо.

На старте стояли дежурные истребители, под крыльями которых пилоты и механики

прятались от дождя. Но как бы то ни было, а приказ нужно выполнить. Командир вызвал лучших летчиков эскадрильи: Чкалова и Лентьева. Он объяснил им обстановку.

— Понятно, товарищи? Нужно найти «Марата» в открытом море и сбросить на него вымпел. Я посылаю двоих, чтобы гарантировать выполнение приказа. Предупреждаю, дело опасное и смотрите в оба: в море погода еще хуже, чем у нас.

Чкалов улыбнулся.

— Бойшьясь, товарищ командир?..

— Немного имеется и этого сорта, — ответил шутливо Антошин.

— Выполним, будь уверен! — серьезно заговорил Чкалов, складывая карту полета.

— Ну, счастливо, ребята!... — тихо и ласково попрощался командир.

Минут через пять Антошин увидел, как оба самолета скрылись во мгле на высоте всего лишь двадцати метров. Он посмотрел на часы и нехотя повернул в штабную палатку. Командиру казалось, что часы его идут неверно — медленно. Через каждые пять минут он опрашивал всех присутствующих — сколько прошло времени с момента взлета. Вот уже два часа. Погода вконец расстроилась, и вместе с ней испортилось настроение Антошина. Вдруг воздух задрожал от грохота откуда-то появившегося самолета. Все выскочили узнать, в чем дело. Из туманной дымки неожиданно показался самолет и пошел на посадку.

«Почему один, кто же не вернулся?» — ло-

мал голову Антошин, пока летчик подруливал к штабу.

Вскоре подошел Леонтьев. Командир увидел его усталое и измученное лицо.

— Товарищ командир! Флагманский корабль не обнаружен. Бензина в баках осталось немного...

— А где Чкалов?..

— Как только вышли в море и разошлись на поиски, я больше Чкалова не встречал..

— Как погода?

— Жуткая, в море видимости совершенно нет.

Антошин вновь взглянул на часы. «Задание не выполнил и человека угробил, — думал Антошин. — Придется послать Павлушова». Он вновь вышел из палатки. Туман закрыл весь аэродром. Командиру стало ясно, что выпустить Павлушова бесполезно: он убьется в первую же минуту полета. Антошин в тяжелом раздумьи шагал по аэродрому, не замечая ни ветра, ни грязи, ни дождя, промочившего насквозь одежду.

«Неужели сдал мотор? А может, просто врезался в корабль или в воду? Ах, как жалко, — парень очень хороший».

— Товарищ командир, товарищ командир!

Антошин очнулся от тяжелых дум. Только теперь он заметил, как темнота прикрыла летное поле, как холодно и сыро.

— Товарищ командир, к телефону! Просят срочно из Ораниенбаума.

С тяжелым чувством командир подошел к полемому аппарату.

— Алло, алло, Ораниенбаум, Ораниенбаум! У телефона Антошин!

Не описать мгновенной перемены выражения лица и глаз командира, когда он услышал:

— «Батя», это ты? Чкалов говорит! Слышишь?..

Командир совсем забыл официальность.

— Слушаю, милый, слушаю, говори!

— Нашел «Марата». Погодка была, «батя», скверная. Леонтьев вернулся?

— Дома уже давно, да ты говори о себе, — торопил Антошин.

— Все в порядке, «батя». Читал на бортах надписи и, пока не нашел флагмана, боялся опустить вымпел. Их не отличишь, где синий, где красный. В такую погоду все кошки серы, и так же корабли.

Антошин уже усмехался:

— Ну, ну, дальше...

Чкалов докладывал:

— Я решил искать до тех пор, пока у меня в баках хватит бензина, оставив в запасе лишь столько, чтобы не сесть на воду, не насмешить моряков и добраться до берега.

— Почему же ты не вернулся раньше?

— Как я мог, «батя», вернуться, не выполнив задания?

Антошин слышал твердый и немного обиженный голос.

— Да ты не обижайся, молодец! Ну, а где же ты сел?

— В нескольких километрах от Ораниенбаума, прямо у берега.

— Сильно разбил машину?..

— Ни царапины, «батьа». Пришли-ка бензинчику и моториста, завтра прилечу, сам увидишь, — закончил Чкалов.

Командир положил трубку, сел за стол, вытащил из полевой сумки блокнот и начал писать:

«Чкалов в этом полете проявил все наилучшие качества боевого летчика: силу воли, настойчивость, сознание ответственности за порученное дело, умение ориентироваться в любой обстановке, отличное знание материальной части и способность взять от самолета все, что он только может дать».

2. ИГРА СО СМЕРТЬЮ

Ночные сны не давали покоя. Чкалов, потирая виски, быстро вскочил с постели, накинул халат и подошел к окну. Перед глазами расстилались бесконечные крыши домов Ленинграда, над которыми как-то по-детски упрощенно повис красноватый диск солнца, задержанный пеленой тумана.

«Фу, чорт возьми, опять туман!» — подумал Валерий, оглядывая начинающийся день.

Жена еще спала с малышом Игорем. Валерий подошел к койке, поправил одеяло мальчика и тихонько, на цыпочках, вышел из комнаты в маленький садик. Глухие шорохи города еле доходили до слуха, и лишь разноголосые гудки заводов господствовали в утренней тишине. Валерий несколько раз согнул

спину и руки. Он чувствовал, как крепкий запах сирени и утренняя прохлада освежали еще сонное и немного вялое тело. Сорвал цветок, с улыбкой поднес его к лицу, как вдруг вспомнил, что босые ноги и кальсоны, торчавшие из-под ночного халата, могут ввести в заблуждение вездесущих соседок. Он быстро окинул взглядом горизонт и спешно скрылся в парадном.

«Может, разорвет туман», — думал Чкалов, одевая бриджи и гимнастерку.

Тем временем проснулась жена. Она быстро собрала на стол.

— Садись, покушай, Валерий.

— Напрасно беспокоишься, не хочется. Я захожу на аэродроме.

Ольга подняла глаза, пытаясь определить настроение мужа. По какому-то изменению интонации голоса, по торопливому движению угадала, что Валерий не так уж спокоен, как говорит его сильная фигура, и эта медленная походка, и его упрямый взгляд, и десятки движений, изученные за несколько лет совместной жизни.

— Ты что сегодня так рано вскочил? — спросила Ольга.

Валерий чувствовал скрытую тревогу в голосе жены, повернулся.

— Вчера рано лег, а ночью все сны лезли, вот и проснулся.

Он подошел к жене, поцеловал ее в щеку, затем приоткрыл одеяло и осторожно коснулся губами белокурой головы разоспавшегося сына.

— Пойду на аэродром. Кажется, туман поднимается, сегодня у нас полеты, — спокойно прощался Валерий.

— Счастливо! Да приходи скорей, вечером родные приедут!

— Ладно, — ответил Чкалов и скрылся за дверь.

Он шел по той части города, где большинство жителей еще спало и лишь дворники оживляли улицы громкими приветствиями и разговорами между собой. Валерий любил этот красивый и огромный Ленинград за его историю, прославленную веками, за стройность и чистоту и за ту сырую прохладу летнего утра, которую щедро разносят ветры Финского залива. Валерий шагал не спеша. Медленно качающаяся походка, сопровождаемая неторопливым взмахом рук, и задумчивое лицо говорили, что этот человек наверняка объят кучей неотложных дел, которые должны быть решены немедленно, сейчас, еще до подхода вон к тому переулку, где он ежедневно воспринимает в трамвай. Он был похож на школьника, который в день экзамена, выйдя рано из дому, вдруг обнаружил, что запаматовал самую главную формулу, и теперь, завидев школу, он нарочно делает зигзаги в пути, чтобы выиграть время, успев восстановить в памяти нечаянно забытый урок.

Валерий долго и упорно думал о том, сколько трудов и сил пришлось положить для достижения мечты стать летчиком, как упорно и методично он шел к своей цели, упиваясь наслаждением борьбы. Он вспомнил всю свою

жизнь — с бойким и озорным детством у берегов широкой Волги, вспомнил и затон, где малышом в двенадцать лет, рядом с отцом, вскидывал тяжелый молот, чтобы прокормить себя и выйти в жизнь во всеоружии. Перед глазами вставали картины прошлого, иногда ясно и отчетливо, а иногда туманно и необразно. Так у начинающего художника иногда из всего портрета хорошо вырисовывается лишь рука, а лицо очерчено смутными контурами, и еще неизвестно, каким оно будет в конечном счете.

...Вот он прыгает через полыньи, перескакивает с льдины на льдину, перебираясь на тот берег по-весеннему разбухшей Волги. А у калитки садика он видит отца, наблюдающего проказы смелого сына, и мать, стоящую на берегу, — она то тревожно машет рукой, то утирает слезы волнения...

Да еще идут заплывы и нырянье под плотами, дерзкие нападения затонских ребят, школа и куча тех трогательных и дорогих воспоминаний, которые заставляют человека в любом возрасте невольно улыбнуться, дав повод к различным догадкам соседу, который видит новое выражение вашего лица.

Валерий свернул на широкую и, как стрела, прямую улицу, конец которой терялся в тумане, сливаясь с серым горизонтом. Затем сбросил кожаную куртку и, положив ее на левую руку, торопливо закурил. Он слегка был взволнован, и потому папироза натошак не казалась ему приторной и горькой, как это бывает всегда. Навстречу шел невысокий подросток в про-

масленной блузе, блестящей от накопившегося мазута, гари и металлической пыли.

Мальчик, поглядывая на военного летчика, неожиданно остановился перед ним.

— Дядя летчик, дай прикурить!

Валерий протянул папиросу. Мальчик достал кусок замусоленной бумаги, подсыпал махорки и, разглядывая золотистую птицу на рукаве пилота, быстро вертел неуклюжую цыгарку. Чкалов, усмехаясь, нежно смотрел на подростка, все еще не обрывая нить воспоминаний.

— Ты что же это так замазался?

— Работаю, дядя, в фабзавуче учусь, скоро слесарем пойду на завод, — с достоинством ответил мальчик.

— А меня тятка порол за то, что мазался. Еще молод, вот и мажешься, а выучишься, и не будешь чумазы, — поучал Валерий.

Мальчик от сердитого баса немного опешил и поднес руку к губам.

— И куришь зря, вредно. Мал ведь, поди... — продолжал Чкалов, просовывая руку в карман пальто.

— На вот, затянись, если уж слаб на курение, — и он протянул мальчику коробку папирос.

— Нет, дядя, не надо, я махорку...

— Ну, ну, а то не дам прикурить, бери.

Мальчик взял папиросу, прикурил, умело выпуская через нос густые клубы дыма.

— Спасибо, дядя!

— За что, чудак ты этакий?

— За папиросу!

— Ну, брат, за это не говори спасибо. Отец мой никогда не курил и тебе не советовал. Ну, прощай, пацан!

И он, хлопнув мальчика пониже спины, неторопливо пошел дальше.

«Вот такой же чумазый возвращался и я с парохода «Баян», — подумал Валерий, вспомнив свою профессию кочегара.

Не чище выглядел он и в мастерских в свои первые дни работы слесарем в 4-м авиационном парке тогда еще молодой Красной Армии. Он представил себе длинного и худощавого Хрисанфова, начальника мастерской по ремонту воздушных колымат самых разнообразных марок, которые в руках пилотов революции словно преображались, выделявая чудеса на фронте. И он, как сейчас, увидел картину неоднократных представлений перед добродушным и туберкулезным Хрисанфовым. Начальник по нескольку раз в день выгонял Валерия из кабинета за то лишь, что Чкалов просился направить его в авиационную школу.

— Мал еще, тебе же ведь только шестнадцать, сморчок ты этакий.

— ...Ну, брысь отсюда!

И когда Валерий, насупив брови, угрюмо поглядывал на своего командира, Хрисанфов делался мягким и ласковым. Он садился перед юным добровольцем, и из его охрипшего горла лились сотни замечательных рассказов о первых полетах, о первых самолетах, о боевых действиях, которые познал в своей жизни этот старинный пилот. Не знал Хрисанфов, как и

не знал механик Фролищев, что их рассказы возбуждали тысячи новых мыслей в голове молодого Чкалова. Валерий не забыл день, который навсегда повернул его жизнь лицом к воздушной стихии, которую он так хотел побеждать.

«И чорт возьми долгоязого дядьку Хрисанфова, как долго он не отпускал этого хорошего слесаря в авиационную школу». Потребовались уговоры целой делегации, и, больше того, потребовались такие доводы, что Чкалов не спит по ночам, что он осунулся, стал хуже работать и что «неизвестно, как перенесет этот упрямый, настойчивый парень ваш отказ».

Хрисанфов трижды, а может быть, и больше, плюнул и, подмахнув путевку на имя Чкалова, сказал:

— Хороший слесарь, хороший парень, ну, будь и хорошим летчиком и не забывай старика!

Нет, Чкалов не забыл долгоязого.

И через два года в школе, опьянившей горячую голову Валерия силой знаний и властью над стихией, борьба с которой требовала выдержки, смелости, воли и уверенности, он все чаще вспоминал напутствие старого командира.

Уже прошло больше пяти лет с тех пор, как Валерий узнал сладость первой победы. Но этот миг жизни все еще оставался самым дорогим воспоминанием для пилота.

Как мать, однажды родившая сына, навеки хранит о нем светлую память, невзирая

на все невзгоды, перенесенные ею в жизни из-за непутевого отрока, так и Чкалов никогда, без теплой ласковой мысли, не вспоминал о первых днях своей летной работы, хотя она ему, помимо радости, несла и много огорчений. А огорчения эти накапливались так, как накапливается пар в закрытом сосуде, готовом взорваться, если во-время не открыть крышки или не погасить огонь. Именно, вечно подогреваемый неутомимой энергией, смелостью и стремлением дерзать, познавая новое, Чкалов чувствовал, что он все больше и больше начинает ощущать оболочку непроницаемого сосуда, в которую он влез, и теперь ему нехватает воздуха, чтобы дышать в полную силу своих богатырских легких.

Только неделю тому назад он отсидел свою норму на гауптвахте лишь за то, что пофигурял у земли. «Говорят, не по уставу. Но если устав неправильно определяет для меня нормы? Да и не бесполезное дело — пофигурять у земли, — воздушный бой часто заставляет спускаться к самым низкорослым травам, а если ты не сумеешь этого сделать, то враг тебя убьет. Но я хочу сам быть победителем! И я к этому именно готовлюсь. А меня считают чуть ли не хулиганом. Говорят, что заражаю других. Но почему же все ребята спрашивают, как я дерусь, хотят выучиться и втихомолку одобряют мои неуставные действия?»

Неужели я преступник, выделяющийся своими антиобщественными действиями из массы, вредящий воздушному флоту? Неужели я не

заслужу доверия у командиров? Да ведь сами командиры всегда дают мне отличную летную характеристику, но при аттестации так же дают почувствовать и мои стремления выйти из рамок, определенных наставлением. Или это зависть? А может, просто — боятся новшества? А может, хуже: может быть, не хотят, чтобы истребители как следует дрались»... Но Чкалов сердито отбросил эту неприятную мысль. Десятки вопросов ставил себе Валерий, анализируя весь свой путь летчика, и часто не находил ответа. Одно было ясно — то, что требовалось для хорошего пилота строевой части, Чкалов давным-давно освоил, и теперь, мучаясь однообразием и простотой своей профессии, этот неугомонный пилот, с чутьем птицы и с сердцем воина, нащупывал новые формы летной работы, изыскивая свежие способы борьбы в воздухе в наиболее трудных и опасных условиях.

«Ничего, когда-нибудь поймут меня», — успокаивал себя Чкалов и, несмотря на аресты и выговоры, плохие аттестации и уговоры, его непреклонная воля не сгибалась, кидая пилота от сладости победы к неожиданному выговору за очередной трюк.

— Валька, Валька! — Чкалов услышал знакомый голос товарища, с которым они часто на углу этого переулочка поджидали трамвая, чтобы доехать до аэродрома.

— Здорово, Валерий! Что это ты сегодня насупил? — заметил красивый, стройный блондин, щеголевато затянутый, в крагах и черной короткой куртке,

— Погоды нет... — ответил Чкалов.

— Ну, черт с ней, с погодой, а ты посиди и не лети! Хочется тебе: один полет — несколько суток «губы». Ты бы оставил свои исследования, а то, чего доброго, еще и выгонят.

— Ну, да, выгонят! Я им выгоню, чай, не они воздушный флот строят, — а на что правительство? Доберусь до главного, все расскажу... — успокаивал больше себя, чем отвечал приятелю, Валерий.

— А ты знаешь, уже многие твоим методом боя пользуются. Ничего, ребята потихоньку осваивают. Правда, летать для этого нужно крепко. Между прочим, я читал воспоминания об асах империалистической войны. Вот это, брат, орлы были, чего они только не творили, но зато дрались здорово.

— А ты про Сапожка слышал? — перебил Валерий.

— Нет, а что?

— Ну, ты тогда ни черта не знаешь. В гражданскую войну был такой Сапожков. Вот это летчик! Как фигуриал, а как дрался! — И он, вздохнув, добавил: — Такого бы к нам в эскадрилью, да на фронт. Эх, и дали бы!.. — Чкалов задумался, лицо застыло в какой-то блаженной улыбке.

— Тронулись, Валя, — приятель дернул за руку Чкалова. Летчики прыгнули в трамвай. В вагоне сидела только одна старушка. Она поминутно выглядывала в окно, зевала, торопливо обмахивая крестным знаменем свой посиневший рот. Летчики уселись на противоположной скамье, продолжая беседу.

— И сейчас у нас есть орлы, — говорил Чкалов. — Взять хотя бы киевского Анисимова: летает, как бог. Но там за эксперименты не так ругают его, а вот у нас, никак не пойму, чего навалились?..

— А наши боятся, чтобы летчики не разбились, подражая твоим полетам. Ты должен признаться: для таких полетов нужна отличная и своеобразная техника, — спокойно возразил блондин.

Чкалов пристально всматривался в соседа, напряженно поднимая брови.

— А ты знаешь, если завтра вызовут на фронт, я буду драться, как зверь. А вот ребята, которые не владеют этой нелегальной техникой, будут учиться с потерями.

Валерий усмехнулся, и его лицо впервые за этот день украсилось сиянием, довольством и задорным блеском голубых глаз. Резкие складки отодвинулись от пухлых и ярких губ, вытянувшихся в улыбку при мысли, что все же анализ итогов последних лет дает неплохие результаты.

— Это верно, Валерий. Если мы не научимся сейчас, то будет куда хуже учиться тогда, когда смелость и техника должны стать непременным условием победы. Лишние жертвы все равно заставят принять то, за что теперь гоняют нашего брата. Но ты, очевидно, понимаешь психологию нашего командования — они боятся катастроф. Ведь за это их как подтягивают.

— Медвежья услуга, браток, сейчас летчики сохраняют, а попадет на фронт, его распо-

трошат, как быка на бойне, привязанного к столбу. Поэтому, мирное время на то и существует, чтобы успеть, до войны, закалиться и овладеть оружием, — сердито, не слушая возражений, говорил Валерий, и вновь резкая складка над переносом сделала его суровым и мрачным.

— Ну, а ты думаешь, начальство глупо и ни черта не понимает?

— Про какое начальство идет разговор?.. Уверен, что вверху — правительство, еще не все знает. Когда узнают, — увидишь, что не так будет смотреть на нас — обязательно станут на нашу точку зрения.

Чкалов вздохнул и как-то мечтательно произнес:

— Эх, мне бы поговорить с главными, уж ежели они сказали бы, что я бандит, ушел бы из авиации, а если сказали бы — молодец, я, брат, такую бы жизнь начал... — и он, не дожидаясь, вскочил и выбежал в тамбур.

Трамвай шел через Троицкий мост. Валерий выпрыгнул из вагона, оставив в недоумении товарища. Чкалов помахал приятелю рукой, подошел к перилам моста, разглядывая красивую, затянутую в гранит Неву.

Всегда эта бурная река напоминала о Волге, о своеобразном народе родного края, и каждый раз он заряжался какими-то новыми силами жизнерадостности, идущей от вольного детства.

— Товарищ, проходите... Здесь нельзя останавливаться..

Перед Валерием стоял молоденький милиционер.

— А ты думаешь, я прыгну в речку? Так не бойся — выплыву, — вот с такой высоты, с пароходов, брат, прыгал, — решил шутливо успокоить милиционера Чкалов.

— Товарищ командир! Здесь нельзя оставиваться, — старался выговорить построжее человек, призванный следить за порядком.

— А ты не сердись. Я посмотрю и уйду... — и он отвернулся от милиционера, который нетерпеливо оглядывался кругом, словно искал помощи или побаивался, что кто-нибудь из прохожих заметит подрыв его авторитета.

Чкалов перегнулся через перила и, крепко держась за поручни, разглядывал переплет фермы. Он старался запомнить форму нижнего обвода и расстояние от воды до ажурного пояса моста.

Валерий вдруг повернулся к милиционеру:

— Как думаешь, браток, под мостом можно пролететь?

Милиционер смутился от неожиданности и, забыв про строгость, покраснел, не зная, как ответить на такой странный вопрос.

Чкалов повеселел, разглядывая в упор молодого паренька в форме.

— Ну, так как же? Браток?!

— Не знаю, товарищ командир! Пароходы-то вот ходят... — растерянно пробормотал милиционер.

— Вот и хорошо... Значит, разрешаешь... Ну, пока, желаю скорой смены... — Чкалов громко засмеялся, а добродушный парень удивленно и подозрительно смотрел вслед прыгнувшему на ходу в трамвай летчику.

«Летчик, а чудак какой-то... под мост... тоже сказал... под мост можно? Тут буксир еле проходит», — думал милиционер, и, невольно зараженный этой мыслью, впервые сам перевернулся через перила, оглядывая ферму и бурные воды Невы, стесненной широкими каменными устоями.

Пробираясь в утренней тесноте ленинградского трамвая, Чкалов заговаривал то со смазливой девчонкой, поощренной вниманием здорового и энергичного парня, то с каким-то рабочим, добивавшимся от командира: «Что делать с сыном, который все ищет хода быть летчиком?»

Трамвай дошел до конечной остановки. Валерий при выходе из вагона заспорил с водителями:

— Дергаешь, дергаешь еще, — ты плавней давай ручкой... Не хвались, браток, а попробуй, как тебе говорят, да тормоз отпускаяй вовремя. Ну, пока...

Вагоновожатый не успел возразить и оправдаться, как летчик скрылся в людском потоке.

Чкалов шагал быстро, часто взглядывая на небо. Серая пелена приподнявшегося тумана во многих местах стала отливать синевой. Вот-вот, и солнце разорвет на клочья шторы, закрывающие голубое небо.

Ворота аэродрома. Пропуск часовому. Чкалов, одев куртку, туго затянулся ремнем, поправляя наган. Открытое поле, поросшее травой, было приветливо и чисто, словно стол, накрытый зеленой скатертью и еще не застав-

ленный кучей приборов. Из ангаров только что начали выводить крошечные истребители, так разжигающие воображение и кровь пилота. Валерий подошел к командиру и, по-военному козырнув, доложил, что прибыл на полеты. Затем он поспешил к товарищам, которые курили в сторонке, делясь впечатлениями дня.

— Чкалов! — вот здесь мы спорим: на какой скорости лучше делать «бочку»?

— Смотря где — на земле одно дело, а вверх — другое. На земле нужен запас кленовых досок, а вверх запас скорости. Остальное все зависит от умения.

Валерий здоровался за руку, часто отпуская по адресу товарищей шутки. Было заметно, как уважают товарищи Валерия. Одни предлагают папиросы, другие уступают место на скамейке. Чувствовалось, что это влияние завоевано не красивыми рассказами о себе, а летным авторитетом, когда слово заменяется делом, когда красивый жест уступает место настоящей храбрости и мастерству.

— А ты, Витяшка, брось над землей фигурировать, оставь, говорю, рано еще, не подучился... Обязательно убьешься, если не припомнишь моего слова.

Чкалов любил говорить прямо и открыто в глаза тому человеку, которого касались его мысль и слово.

— Ишь ты, а тебе можно? Ты не убьешься, — вспылал стоявший рядом младший летчик с курносым розовым лицом и с нервными, торопливыми движениями рук.

— А чего же кричишь, браток? Не хочешь — не буду с тобой совсем говорить, — и Валерий, поглядев из-под широких бровей на обидевшегося товарища, замолчал.

— Чкалов, ну как, подеремся? — прервал молчание приятель Валерия, Павлушов.

— Нет, сегодня я не дерусь...

— Что, много выпил вчера?..

— Как назло — ни одной рюмки...

— Почему же не хочешь?..

— Тебя жалко — смеяться над тобой будут...

Стоявшие рядом захохотали, а Валерий, серьезно поглядев на приятеля, встал, взял его под руку, и они тихо зашагали, перешептываясь.

Через час Валерий сел в свой самолет. Привязываясь ремнями к сидению, он нагнул голову вниз и глухо закричал из кабины:

— Механик! Что ж ты, дорогуша, пряжку пристяжного ремня не почистил? Нехорошо, нехорошо. Или ты, браток, из-за синяка, может, плохо видишь?..

Механик виновато поглядывал на самолет, и хотя он видел лишь затылок командира, все же вытянулся в струнку, держа в одной руке ключ, а в другой какую-то длинную трубку.

Валерий любил механиков и очень редко их ругал, но было больно смотреть на того человека, который хоть однажды слышал порицания этого командира.

И не боязнь наказания заставляла краснеть и потеть провинившегося, а этот густой бас, спокойный тон, юмор, насмешливые глаза и

укоризненный вид действовали сильнее окриков и выговоров. Многие говорили про Чкалова, что этого летчика трудно не уважать — уж больно душевный и прямой человек. Вот почему стоит навтыжку этот старый специалист: ему стыдно, и он не знает, как ответить командиру.

— Слышишь меня, механик?!

Валерий, выглянув из кабины, заметил смущенного и красного моториста.

— Запарился, Валерий Павлович, забыл...

— Ну, ладно, — прилечу — почисти обязательно.

Валерий любил свою неодухотворенную птицу и ревностно следил за ее состоянием, хотя и доверял людям, обслуживающим его самолет.

— Все готово?

— Можно заводить, товарищ Чкалов! — ответил механик, подойдя к винту.

— Выключено?

— Выключен! — крикнул Валерий.

Механик повернул несколько раз винт.

— Контакт!

— Есть контакт!

Мотор тихо заработал на малых оборотах.

Приборы показывали нормальную температуру. Чкалов дал на несколько секунд полный газ и, вновь сбавив обороты, взмахнул рукой. Тормозные колодки убрали. Валерий взял под козырек, прощаясь с механиком, затем, сдвинув на глаза очки, поглядел влево и вправо и начал быстрый разбег. Как только самолет оторвался от земли, он сделал двойной пере-

ворот и, как ни в чем ни бывало, вновь продолжал набирать высоту. Весь аэродром, как всегда, следил за полетами Чкалова, ожидая чего-нибудь новенького.

Лишь командир сердито грозил в небо кулаком, пуская нелестные словечки об этой бочке на взлете.

Валерий, поднявшись на двести метров, видел, как клочья тумана на мгновение закрывали от него землю, а крылья, словно вспотев от напряжения полета, слезились тонкими, быстро стекающими струйками влаги.

Чкалов опустился ниже. Теперь липкие влажные тучи не мешают видеть огромный и широкий Ленинград, над которым несется самолет. Русский великан спокойно дышал сотнями мощных труб заводов, а вылетающий из них дым напоминал густые черные волосы, пошевеливаемые ветром на голове величавого богатыря. Пилот развернулся вдоль Невы и, следуя ее изгибам, любовался красивой рекой, буксирами, упорно продвигающимися против течения, пристанью, где усаживались пассажиры, и всем разнообразием большого города, жизнь которого сверху можно увидеть в короткий миг как-то особенно обобщенно. На секунду Валерий подумал: «Что, если бы было возможно подняться высоко над всем миром и сфотографировать его жизнь? С одной стороны получилась бы ночь, с другой — день, в одной части мира муки и слезы, в другой — радость и смех, в одном месте убийство, в другом — зарождение жизни, и все это в одну и ту же секунду...»

Но вдруг взгляд Чкалова остановился на узкой ленте, пересекающей Неву. «Ну, конечно, это тот самый мост, на котором нельзя останавливаться, но под который...» Пилот улыбнулся, вспомнив, как он выпросил у милиционера разрешение пролететь под мостом. Валерий мягко положил самолет в вираж и, точно на карусели, начал кружиться над мостом. От густого движения подвод, трамваев и пешеходов сверху казалось, что мост не стоит на месте, а как лента конвейера, движется вместе со всем грузом, взваленным на его плечи. Летчик снизился метров на пятьдесят, вспугивая людей неожиданным ревом мотора. Люди вскидывали головы вверх, часто останавливались обмениваясь с соседом парой авиационных словечек, двигались дальше, затем вновь оглядывались на самолет.

Чкалов, бросив виражи, начал пролетать вдоль моста, опускаясь подле берега к самой воде. Пролетая сбоку, он разглядывал строение фермы.

«А что, если попробовать сейчас?» — вдруг мелькнула в его голове дерзкая мысль.

«Пройдет! Если точно нацелюсь — обязательно пройдет». Он еще раз снизился и еще раз прикинул. «Да, страшновато малость. Ну, ничего, выдержу!»

И чем больше крутился он около этого надводного сооружения, тем сильнее разгоралась страсть, тем напряженнее работали нервы, глаза и мысль.

«Только угадать нырнуть точно по середине — иначе врежусь или в воду, или в ферму

крылом или шасси». Он вертелся, как ласточка около гнезда, которая долго принаравливается, пока с лета не угодит в свою норку, сделанную на обрыве берега.

Но вот самолет свечой полез в небо, уходя вдоль реки. Пешеходы останавливались, строя самые разнообразные предположения, а успокоившись, шли своей дорогой, обусловленной неизменными человеческими заботами.

А летчик уже был в том состоянии сосредоточенности и напряжения, при котором опасность казалась фантазией, а трусость — никогда не сбывающимся сном, когда непостижимое превращалось в действительность. Чкалов и сам, час тому назад, не мог бы сказать, что полет под мостом возможен, а вот теперь ему ясно, как он это сделает, хотя все условия остались теми же, какими были прежде. Уверенность, словно сильно действующее лекарство, наполняла Валерия все больше и больше.

«Попробую», — окончательно решил Чкалов, разворачивая свою металлическую крошку. Самолет и летчик — это неразделимое целое. Тысячи мельчайших деталей холодной стали точно наполняются кровью пилота, и каждый толчок сердечного насоса передается послушной машине. Рука чувствует силу и ловкость, ноги направляют туда, куда подсказывает мозг, а глаза ясно видят цель.

Вот от левого берега, описав в воздухе несколько дуг, перекинулся мост на другую сторону. Подобное изображение чуть ниже в во-

де — это тень, утонувшая в реке. Самолет идет ниже, ниже, вот колеса еле прошли над трубой перепуганного буксира, закричавшего своим резким и пискливым гудком. Но пилот не слышит гудка и все ниже опускает машину. В глазах рябит мелковолнистая поверхность воды. «Еще чуть ниже. Так, хорошо». Самолет летит над самой водой, глаза с нечеловеческой точностью, непрерывно, следят за расстоянием. «Чуть ниже — в воду, чуть выше — в ферму». Глаза и рука нераздельно связаны напряженной работой нервов. Мост надвигается с огромной скоростью. «Точно ли по середине?» — сомневается мозг. Молниеносный взгляд на ферму. «Нужно чуть влево». Осторожное и быстрое движение ноги. «Все! Пройду!» — мелькнуло в голове Валерия.

Узкая щель между фермой и водой налетела на самолет с фантастической неожиданностью. Послышался взрыв многократного эха от рева мотора, какая-то тьма на мгновение ошарашила глаза, и вновь пилот видит игристую поверхность вечно подвижной реки. Раздирающая боль в ушах не дает пилоту понять — пролетел ли он под мостом, не произошла ли ошибка?

«Ах, как болят уши! Кажется, вот-вот, лопнут барабанные перепонки. И еще — вялость, похожая на состояние сна». Чкалов медленно и неуверенно берет высоту.

Он озирается по сторонам — город мелькает домами, улицами, зеленеющими садами. «Скорее бы аэродром. Как долго я лечу», —

думает Валерий, ощупывая левой рукой уши.

Ангары. Земля. «Вот так, моя крошка, садись, не капризничай», — пилот прекрасно сажает машину, необычно тихо рулит к ангару, где ждет его механик. Мотор выключен. Ремни отстегнуты. Чкалов вылез из самолета усталый, словно после большого перелета. Он подошел к механику:

— Пролетел все-таки, браток... — сказал Чкалов, доставая папиросу.

— Куда пролетел? — спросил механик, недоумевая, почему командир говорит «все-таки».

— Куда, куда, тоже мне закудакал... Прямо под мост, — закончил Валерий, не понимая, что бедный старик совсем не знает о новой проделке своего пилота.

— Валерий Павлович, что это с вами? Вы очень побледили!

— А ты под мостом летал? Ну! Летал? Попробуй — пролети, а я посмотрю, как ты будешь выглядеть.

Механик понял, что его командир Чкалов совершил трюк, страшнейший по риску.

Пилот лег на траву. Закрыв глаза, он пересиливал вялость всего тела. Боль в ушах проходила медленно. Валерий успокоился, но перед глазами еще изредка, на мгновение, выростал мост, обрушиваясь на его крошечный самолет.

По аэродрому быстро разнеслась весть об очередном трюке Чкалова. Группами обсуж-

дали механики и мотористы поступок бесстрашного пилота. Завистливо выслушивали мнение своих товарищей пилоты—соперники Валерия. А к вечеру и среди жителей города пронесся слух про летчика, нырнувшего под мост.

Маленький комочек снега, подталкиваемый ребятишками по зимнему покрывалу, быстро обрастает, превращаясь в огромный вал, из которого можно сделать и бабу, и медведя, и слона, и тысячу всяких забавных фигур. Точно так и слух, перебегая из уст в уста, изменялся поминутно, обрастая новыми деталями, превращаясь часто в противоположность своему началу. По городу ходили уже легенды, окутанные любопытством, наивностью, а иногда и невежеством.

Одни убеждали, что мост закачался и ферма чуть не сорвалась с устоев в тот момент, когда самолет проскользнул вниз. Другие уверяли, что самолет легонько задел за нижний пояс, оторвав кусок плоскости, который сразу же утонул в реке. Были и такие горе-очевидцы, готовые ради клятвы пожертвовать честью своего прадеда, чтобы убедить собеседника в том, что самолет, пролетев под мостом, сразу же грохнулся в воду и только пожарный катерок спас и машину и пилота.

Мы часто любимся красотой и прелестью молодого орешника, пользуемся его плодами и никогда не восхищаемся необыкновенной силой корней, скрытых в земле и подающих сок, без которого немислима жизнь этого замечательного дерева. Точно так же и люди, обсуждающие полет, редко обращали внимание

на трудности и опасность, которые пилоту пришлось преодолеть при совершении своего трюка. Большинство увлеклось лишь самим эпизодом, блистающим необычайной новизной и дерзостью. И только партийная организация и командование части поставили перед собой основной и главный вопрос — а что же Чкалова заставило совершить такой смелый, но неуставный полет?

Чкалов стоял в кабинете, мрачный, словно провинившийся ученик перед директором школы. По комнате шагал командир, изредка он останавливался перед летчиком, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Да, теперь я понимаю вас, товарищ Чкалов. Вам не по размеру эта рубашка, и вы, как растущий ребенок, ежегодно вылезаете из той одежды, что была сшита для вас раньше. Вас не удовлетворяет часть, где нужно летать просто в строю, по наставлению. Но вы на минуту представьте себе, что завтра попытаются сделать то же самое все наши летчики. Что из этого выйдет?

— Побьются... — в раздумьи ответил Чкалов, не поднимая опущенной головы.

— Вот в этом-то и дело — побьются. И мы не имеем права подавать малейшего намека, что ваш поступок должен иметь подражателей. Ни в коем случае. Вы согласитесь сами: то, что вы делаете, сумеет сделать не каждый пилот, ибо вы виртуоз, от природы одаренный смелостью и выдержкой. Вы не насилуете себя — для вас все просто. А для некоторых ваших подражателей потребуется насилие над

своим характером, и ошибки, как следствие этого, приведут к многим катастрофам.

— Нужно учить людей, — прервал Чкалов, стоя навытяжку перед взволнованным командиром.

— Да, в этом я с вами согласен! И мне кажется, что многие будут у вас учиться. Но только требуется одно условие — постепенный переход от трудного к сложному, исключая всякие трюки, нарушающие дисциплину.

— Товарищ командир! Разрешите мне?

— Пожалуйста, только давайте сядем.

Чкалов, медленно обдумывая каждое слово, начал:

— Товарищ командир! По совести скажу тебе — переросток я у вас. Мне скучно заниматься тем, что я уже прошел давным-давно. Ведь не будете вы отрицать, что в строю я хожу хорошо, дерусь прилично, любого из наших пилотов бью без труда, стреляю отлично. Я все ожидал — вот-вот мы отправимся в настоящую драку... А сила-то во мне есть, задор остался, и вот неожиданно, вдруг, придумаешь себе сложную задачу, о поучительности которой не задумываешься в момент ее разрешения... Я понимаю отлично, что нельзя мой проступок оправдывать, иначе пойдет своеволие, недисциплинированность. Я не боюсь взыскания, потому что знаю, что я его заслужил, и снесу без ропота. Но, признаюсь прямо, — я ищу другого пути, другой работы, где бы все мои качества совпадали со стилем работы. Я вас прошу — помогите перевестись в Испытательный институт. Чувствую, что эта

работа будет ближе, и, кто знает, может, там и потребуются все, что здесь часто неуместно и неприменимо. А уж если война — буду проситься к вам, в первую истребительную, воевать буду вместе с вами...

Чкалов редко говорил такие длинные речи, порядком разволновался, часто сбивался, кашлял, вскидывая заблестевшие глаза на улыбавшегося командира.

— Чкалов, а вы прекрасный человек, вы самокритичны. Я думал о вас иначе. Признаюсь, одно время считал вас неисправимым человеком, который не может осознать того, что он творит.

— Котелок варит, товарищ командир!

— Теперь я вполне в этом убежден. Ну, что же, хорошо! Наказание вы отбываете, а я буду в Москве — поставлю вопрос перед Управлением, чтобы ушли ваше желание. Только одно прошу — помогите нам воспитывать людей, не давайте превозносить ваши поступки как доблесть и героизм. Вы еще очень молоды, у вас слишком много энергии, отваги, но вы берегите их — они пригодятся нашей стране. А тратить их на удовлетворение лишь собственных чувств слишком мелко, не нужно. Играть со смертью по пустякам не следует.

Чкалов вышел из кабинета веселый и довольный, несмотря на то, что ему предстояло отсидеть несколько суток на гарнизонной гауптвахте за свой рискованный эксперимент. Его радовала мысль, что командир уже не считает его злостным хулиганом, понимая, от-

куда идут его воздушные фокусы, а обещание учесть просьбу по-детски веселило воображение этого сурового и смелого пилота-испытателя.

Домой он пришел поздно и застал кучу родственников, пожаловавших в гости. Валерий словом не обмолвился о своем полете под мост и об очередной порции гауптвахты, отпущенной командиром. Лишь жена по лицу определила, что муж чему-то рад. Она в городе слышала про его полет и теперь не знала, как приступить к разговору на эту тему. Ольга вспомнила, как Валерий с ней договаривался «на всю жизнь», чтобы она не лезла в лётные дела и тем более не занималась нравочениями по этому поводу. Уговор «на всю жизнь» часто всплывал в памяти, и жена, вздохнув, только заметила:

— Устал как ты сегодня... Наверное, много летал?

— Нет, почти не летал, — ответил Валерий, внимательно вглядываясь в глаза жены, и сразу же понял, что здесь до его прихода разговор шел о нем.

— Обсудили уже... заседали... — смущенно бормотал Валерий, хлопая по спине здоровенного дядю и усаживаясь рядом с ним за стол, чтобы впервые за этот день утолить свой голод.

ГЛАВА II

1. РАЗВОРОТ ПО ДУШЕ

Летний вечер угасал спокойно, не торопясь. Небо переливалось оранжевыми и фиолетовыми красками, затем потемнело, и мрачные тона затушевывали горизонт, а золотистая, мерцающая Венера разгоралась все ярче. Солнце скрылось и откуда-то издали бросило свой прощальный луч на спокойную и одинокую гряду облаков, повисшую над аэродромом. На ангарах вспыхнули красные неоновые огни заграждения, и ночь бесповоротно вступила в свои права. Сильные прожекторы выхватывали из тьмы длинные белесые полосы. В световых конусах прожекторов купались мириады мельчайших частиц пыли, мошки, ночные бабочки, назойливые комары, резвые летучие мыши, и все это ярко вспыхивало и мелькало в воздухе. Зеленое поле казалось серебристым и фантастичным — бесконечные капельки росы переливали свет прожекторов, как изумруд, а небольшие шероховатости поля превращались то в глубокие пропасти, то в неожиданно возникающие бугры и горы.

На старте в темноте бегали привыкшие ко

всему механики, подготавливая самолеты к вылету.

Недалеко от самолетов стоит Анисимов, рядом с ним Чкалов. Лица их на секунду освещаются от вспышек папирасы. Валерий говорит тихо и недовольно:

— Мне, Саша, все прошлые грехи вспоминают.

— А ты сдерживайся и не горюй. Подожди, осматрятся—таких нарасхват будут брать. Не горюй, старик, — мы скоро с тобой на фронт отправимся. Эх, тогда держись, небушко!.. — И Анисимов нервно, покусывая папиросу, засмеялся.

— Еще покажем свое искусство.

Валерий бросил окурочек и по старой, давным-давно установившейся привычке тщательно его затоптал ногой. Забыв о разговоре, он медленно пошел к самолетам, оставив своего друга.

— Становись! — слышался чей-то голос.

Привычные люди аэродрома, несмотря на темноту, быстро выстроились в две шеренги. Командир части вызывал по очереди летчиков, отдавая распоряжения о порядке прохождения сегодняшних ночных полетов.

— Товарищ Чкалов! Вам сегодня надлежит провести полеты с молодыми инструкторами, прибывшими к нам в Испытательный институт из строевых частей. Проверьте, как они летают ночью; если нужно, потренируйте и затем выпустите самостоятельно.

— Есть, товарищ командир! Проверю и, кого нужно, выпущу.

— Действуйте — вот ваша группа.

Командир показал на четверку молодых летчиков, в которой я стоял на левом фланге и, слегка волнуясь, внимательно прислушивался к каждому слову командира.

Чкалов подошел к нам и низким, немного осыпшим голосом спросил:

— Как фамилия?

— Байдуков.

— Сколько лет летаешь?

— Пять!

— На чем летал?

— На разведчиках.

— Да не то я спрашиваю. На Р-1 летал?

— Так точно, — ответил я, слегка пораженный грубоватым тоном и тем, что он обращается на «ты», и его слишком выделяющимся «о».

— Ну, так бы и сказал, что летаю на Р-1, а то на разведчиках!

И он, помолчав, добавил:

— Садись в самолет, а я сейчас приду.

Не сказав, где стоит самолет и какой его номер, Чкалов скрылся. Мы растерянно стояли, как истуканы, не зная, что предпринять дальше, хотя по строгому и суровому голосу чувствовали, что наш новый инструктор особенно нянчиться не любит, надеясь на сообразительность подчиненного.

— Сердитый мужик, — сказал рядом стоящий со мной товарищ.

— Да, странно, как это он смело и просто обращается на «ты», как будто знает нас уже давным-давно.

— Э, я про него слышал столько, что и не верится, — добавил другой.

Я заспешил к самолетам, чтобы отыскать, а вернее, угадать машину, на которой должен был отправиться в экзаменационный полет.

Аэродром стих. В темноте замигали прерывистые сигналы связи, иногда вырисовывались огромные огненные круги выхлопа какого-то истребителя, ночной воздух вздрагивал от грохота моторов, винтов, нещадно рассекающих мглу.

Пробегаю вдоль ряда машин, я старался услышать хорошо запомнившийся мне голос Чкалова, чтобы узнать, где же наш самолет. Но гул работающих моторов не позволял мне быстро отыскать инструктора, хотя я уже подбегал к десятку групп, прислушиваясь к говору летчиков и механиков.

В одном месте мне кто-то ответил: «Что ты, не видишь, что нет здесь Чкалова», — таким тоном, от которого мне стало совестно, хотя я мог бы пояснить, что Чкалова в лицо я еще не знаю, так как темнота помешала разглядеть его как следует.

Тем не менее я все еще продолжал шнырять между самолетами и, не пропуская ни одного силуэта, подбегал к нему ближе и громко кричал на ухо:

— Чкалова к командиру!

Эту фразу я придумал сам, надеясь таким авторитетным заявлением вызвать своего инструктора на голос.

Вскоре я натолкнулся на двух пилотов и,

повторив свой старый номер, вдруг услышал окаяющий голос:

— Чего орешь? К какому командиру?

Это и был Чкалов. Я замолчал, соображая, как выкрутиться из глупого положения.

— К какому командиру? — вновь повторил вопрос Чкалов и, чувствуя что-то неладное, подошел вплотную, зажег спичку. Освещая лицо, он вдруг засмеялся: — Байдуков, ну, чего молчишь?

Суровые черты и резкие складки лица на мгновение размякли, но спичка угасла, и я в темноте видел лишь силуэт, короткий, широкоплечий и какой-то спокойный в движениях.

— Закури! Сейчас пойдем к самолету. — И он, то ли забыл, что я ему успел соврать о вызове к командиру, то ли догадался о моей проделке, спокойно продолжал разговор с рядом стоящим:

— Молодых сегодня буду возить.

— Ишь ты, из тебя совсем думают сделать учителя.

— Да, видно, некому, иначе не дали бы, все-таки еще побаиваются, как бы не привил свою школу. Командир намекнул...

Чкалов сердито обругался.

Пока друзья продолжали беседу, я припомнил множество рассказов про летчика-истребителя Чкалова.

— Ну, Шурка, пойду, а то ребята застались, скажут еще про меня — шкурега, — и, повернувшись ко мне, кивнул: — пошли, Байдуков!

Шумело от свиста рассекаемого воздуха, на небе появились синие, красные и белые блуждающие огоньки самолетов. Пыль от взлетающих машин двигалась стеной, сгущая темноту, засоряя глаза. Вскоре подошли к двухместному биплану. Я облегченно вздохнул — этот тип машины мне был знаком по строевой части, и я его знал лучше себя.

— Чего вздыхаешь? — спросил инструктор и как-то особенно добавил: — Почему тебя перевели к нам?

— Приказом, товарищ командир! — ответил я, не понимая существа вопроса.

— Все мы приказом, да все по разным причинам, — и, оборвав, спросил: — Давно не летал ночью?

— Давненько — полгода будет, с осенних маневров, — ответил я, думая, что этого вояж на мякине не проведешь.

— Ну, давай в кабину... Задание — простой полет по кругу.

— Есть, товарищ командир!

Я подозвал механика и вместе с ним, освещив фонариком, тщательно осмотрел узлы шасси, хвостовое оперение.

Чкалов залез в самолет и, высунув голову через борт задней кабины, что-то насвистывал, изредка покрикивая:

— Скоро вы кончите? Засмотритесь!

Мы уже заканчивали осмотр, как мне на ухо, шопотом, сказал несколько слов механик:

— Смотри, не подкачай, — Чкалов не любит, чтобы потихоньку, а то будет «возить», страшно не любит трусливых полетов.

Я влез в машину, раздумывая над фамильярным советом механика. Запустил мотор. Длинное голубоватое пламя выхлопа мягко плескалось вдоль фюзеляжа. Взял переговорный аппарат:

— Товарищ командир, я готов!

— Ну, осторожно выруливай и взлетай! — послышался в телефон ответ.

Я попросил старт. Дежурный дал сигнал: «разрешаю взлет». Огляделся по сторонам — огней, говорящих о близости самолетов, я не увидел. Дав полный газ, начал разбег в темноту. Через несколько секунд мы уже неслись над крышами ангаров. Красный отблеск заградительных огней на мгновение сделал крылья прозрачными, через полотно смутно выделялись темные контуры лонжеронов и нервюр. Отблеск ли спокойно ожидающих глаз инструктора, которые я заметил в переднем зеркале, или совет механика действовал на мою психику — после ангара я положил самолет в такой глубокий разворот с невероятным подъемом, что даже самому показалось странным, как это самолет так терпеливо исполняет все капризы летчика.

Самолет, впиваясь в тьму, с причудливым зигзагом заворачивал влево, а я настороженно и хитро поглядывал в зеркало, откуда ждал одобрения или осуждения моих действий. И совершенно неожиданно перед носом вырос огромный палец руки инструктора, задранный вверх. Этот преднамеренно смелый и грамотно выполненный разворот на малой высоте решил участь новичка. После посадки Чкалов

вылез из задней кабины и, перевесившись через борт ко мне, сказал:

— Хорошо, ничего не скажешь. Лети в зону и потренируйся сам, в чем чувствуешь нужду. А мне нечего с тобой возиться.

— Есть, товарищ командир!

— Ну, ты заладил — «товарищ командир», зови просто — Чкалов, ты ведь тоже командир и такой же инструктор, как и я.

— Хорошо, товарищ Чкалов! — ответил я, улыбаясь.

— Да! А зовут-то тебя как?

— Георгий!

— Ну, ну, значит Егор, а по-нашему, по-волжскому, Егорушка... Вот и дуй, Егор, да недалеко летай, я еще с другими должен заниматься на этой машине.

Чкалов при освещении огней кабины выглядел сурово, резкие складки на щеках говорили о решительности и твердости, а орлиный изгиб носа придавал ему немного хищный вид, хотя синеватые глаза смотрели ласково и мягко.

На следующее утро я узнал, что остальных товарищей нашей четверки Чкалов так и не выпустил в ту ночь, когда я сделал разворот «по душе инструктора», не любившего трусливых полетов.

2. ДВОЕ УПРЯМЫХ

Меня перевели в истребительное звено Анисимова, пилота наивысшей категории. Служить в таком звене очень лестно, но и не так просто.

В этом же звене работает и молчаливый Валерий Чкалов. Анисимов и Чкалов — большие друзья и в то же время большие соперники. В воздух вместе их пускать опасно: могут побить друг друга. Да и на земле они часто пикируются. Зато вечером, за воротами аэродрома, эту пару не разлучить.

Я среди них, отважных истребителей, кажусь птенцом. Только постепенно я схожусь с Чкаловым, затем с Анисимовым. Время берет свое, и они признают меня летчиком. Наконец, я знакомлюсь с воздушным боем одиночных самолетов.

Высшим пилотажем занимался я и прежде, но Анисимов требовал, чтобы я фигуры делал на высоте не в две тысячи метров, а очень низко — всего только в ста или в пятидесяти метрах от земли.

Над самой крышей здания начальника Московского аэродрома, чуть не задевая эту крышу колесами, несется крошка-истребитель. От бешено вращающегося пропеллера дрожат стекла ангаров. Вот четвертая по счету «бочка», самолет делает четыре витка горизонтального штопора и вновь проносится над крышами зданий.

Нет! На это я, пожалуй, неспособен! Выказываю свои соображения Анисимову. Он страшно ругается и немедленно дает задание итти в зону и пилотировать на малой высоте так, чтобы моей машины не было видно с аэродрома. Я сообразил, что это можно сделать только в том случае, если я буду кувыряться за лесом, на высоте, не превышающей

ста метров. Слегка волнуясь, я направился к самолету.

Чкалов стоит сбоку и, насупившись, следит за моими нерешительными действиями.

Я аккуратно надеваю парашют, плотнее призываюсь плечевыми ремнями и запускаю мотор. Когда я вырулил на старт, как рукой сняло с меня и вялость и нерешительность.

Я взлетел, набирая скорость, и заложил над головой Анисимова глубокий разворот. Затем перешел в непрерывную восходящую спираль.

Анисимов погрозил в мою сторону рукой и ушел с поля. Это я ясно видел. Кроме того, я точно знал, что он следить за мной не будет. На высоте пятисот метров я сделал серию разнообразных фигур, затем штопорнул, выскочил из штопора в трехстах метрах от земли и вновь проделал тот же набор из иммельманов, боевых разворотов и двойных переворотов. Опустившись на двести метров, вновь повторил то же самое.

Я осмелел. Теперь мне уже приходилось сдерживать себя. Я ринулся вниз еще стремительней — только сто метров отделяли меня от земли.

Ох, как мало в этих ста метрах настоящих метров! Неужели это метры парижского мериана? Уж очень близко проходила под крылом моего самолета труба кирпичного завода. От мачт радиостанции я должен был повернуть. Они были выше линии моего полета. Я разогнал машину и сделал иммельман. Меня сразу отбросило. Одинарный переворот

вновь осадил мой самолет на сто метров. Я добавил скорость, двойной переворот вышел очень хорошо. Я чувствовал себя превосходно и поэтому сделал еще несколько «бочек» и иммельманов. Я устал и решил пойти на посадку.

Оказывается, Анисимов все время следил за мной со своего самолета. Перед самой посадкой я видел его перевернутый полет через аэродром.

Похвал от Анисимова я не получил, но и замечаний тоже.

Я знал, что в таких делах летчика хвалить опасно: он сам должен знать свой предел.

В этот день я понял, что земля хоть и страшна, но я перестал ее бояться, как раньше.

Дни шли. Я совершенствовался в истребительной технике. Однажды Валерий Чкалов предложил мне подраться в воздухе. Самолеты наши были различных систем, но это было неважно. Чкалов хотел мне показать лобовые атаки истребителей.

Мы поднялись в воздух и разошлись на положенную дистанцию. Когда я развернул самолет в его сторону, Валерий был километрах в двух от меня и шел навстречу. Его мотор слегка дымился. Я смотрел в калематор и изредка стрелял фотопулеметом. С каждой секундой расстояние между мной и Чкаловым сокращалось. Ведь встречные скорости огромны. Вот осталось каких-нибудь пятьсот метров, а мы шли точно нос в нос.

Я сжал крепче ручку, готовясь отвалиться влево и вверх. Я вспомнил пространство

смерти, когда никакие эволюции не спасают самолеты от столкновения, и выглянул влево. В тот же момент, чтобы перепрыгнуть через самолет Чкалова, я полез на петлю и в верхней ее точке сделал переворот. Получился классический иммельман. Спустя мгновение я потерял из виду Чкалова и быстро сел.

Механики с земли наблюдали нашу дикую забаву, называемую боем на встречном курсе. Они рассказывали потом, что наши самолеты, подойдя друг к другу в лоб, одновременно полезли вверх, идя вертикально. Все ближе и ближе сходились их колеса. Казалось, вот-вот они пожмут друг другу лапы. И только затем самолеты иммельманами разошлись в разные стороны.

Валерий сел через минуту после меня. Он был немного взволнован. Первым словом по моему адресу было:

— Дурак, так убьют тебя!

— По-моему, и ты не из умных, если лезешь на рожон! — сказал я. — Тебе нужно было ложиться в вираж!

Вместо ответа он показал мне кукиш и, отойдя на два шага, буркнул:

— У тебя такой же упорный характер, как и у меня. Мы с тобой обязательно столкнемся. Лучше ты, Байдук, сворачивай первый, а то так по глупости и гробанемся.

Я понял чкаловскую тактику и решил, что на своих летчиках ее применять не следует. Лучше уж я оставляю ее для настоящей драки с настоящим врагом. То же посоветовал и Валерию.

3. ВОЛЕВОЙ КОМАНДИР

— Скорее вы, смертоносцы, — немного лениво, спокойно окая, по-нижегородски, говорит летчик.

— Сейчас заканчиваем, товарищ Чкалов! — отвечает молодой оружейник, поворачивая хвостовую часть огромной бомбы, только что подвешенной на замок бомбодержателя.

Чкалов стоит под крылом двухмоторного бомбардировщика, вглядываясь то в степь, распластавшуюся до смутного горизонта, то посматривая на бомбу, похожую на шуку, высоко вздернутую рукой умелого рыболова.

— Ну и рыболовы! Час подсекаете и никак не вытаскиваете! — подзуживает Валерий своих подчиненных, снимая с себя последнюю одежду. Он сбросил комбинезон, поправил трусики и растянулся на горячей земле. Огромная грудь и надувшиеся бицепсы рук говорили о необычайной силе этого волжского богатыря.

— Валерий Павлович, тебе бы борцом быть, — заметил бортовой механик, подходя к командиру.

— Если глаз выбью, пойду бороться, а с тобой — хоть сейчас, — и он ловким движением схватил механика за ногу. Тот грохнулся на землю, а Валерий, взгромоздясь верхом, начал так щекотать его, что бедный малый то визжал, словно связанный поросенок, то, изнемогая, жалобно пищал, как заяц в летнюю ночь.

— Товарищ командир корабля! Бомбы подвешены, можно лететь.

— Охота в такую погоду лететь, от одной жары сдохнешь! Эх, только вот разделся! — сокрушенно добавил Валерий, отпуская механика.

— Ну, живо заводи моторы! Да в оба смотрите — бомбить только в пятачок.

Валерий одел вновь свой матерчатый комбинезон. Перед ним выстроились: инженер, испытывающий бомбы, бортмеханик и оружейник.

— Чего же ждете? Я уже сказал — летим! Или оглохли от жары? Живо по местам!

Валерий скрылся внутри бомбардировщика. Раскаленный металл, словно печь, излучает тепло, подаренное южным и щедрым солнцем, от которого все сразу покрывается потом, склеивающим тело с одеждой.

Летчик повернул штурвал, потрогал ножное управление и, убедившись в их исправной работе, свистнул. Внизу зашипел воздух, левый мотор вяло повернул раза два винт и затем, вздрогнув на крыле, принялся ровно продолжать начатую работу. Так же пошел и второй мотор. В кабине было просторно: правое место второго пилота давно уже никем не занималось, и Валерий часто в полете изобращал двух летчиков, ловко пересаживаясь с левого на правое сиденье. От этих перемен иногда пробегали мурашки по телу механика, который, сидя сзади Чкалова в своей рубке, вдруг не обнаруживал пилота на своем месте. И, только высунув перепуганное лицо в руб-

ку пилота, механик замечал проделку Валерия Павловича.

Мимо Чкалова в переднюю кабину, прозванную «Моссельпромом», пролезал инженер — старый и опытный бомбардир. Летчик протянул перед ним руку.

— Ты скажи — не взорвутся твои игрушки под самолетом на взлете?

— Не думаю!.. Не должны, товарищ командир корабля!.. — уклончиво ответил бомбардир.

— Прямо говори, — а чорт их знает, для того, мол, и летим, чтобы испытать!

Инженер, промолчав, скрылся за дверью своей рубки.

Вскоре показался и механик. Летчику не нужно было спрашивать старта, так как аэродром их был просто степью, которую они с воздуха выбрали неподалеку от шоссе. Они были единственными представителями на этом естественном летном поле.

Чкалов осторожно дал газ обоим моторам. Перегруженный взрывчатыми материалами, самолет постепенно разбежался по степи, оставляя после себя стену взбудораженной пыли.

Через час показалось море. Валерий, свернув вправо, облегченно вздохнул — кончилась зверская раскачка над дышащей жаром степью. Спокойная темносиняя вода точно рада была появлению самолета, пропуская по своей поверхности мчащуюся тень металлической птицы. Валерий долго наблюдал за тенью, пока, наконец, из рубки бомбардир, высунув руку,

подал записку: «Свернуть вправо». Летчик без особого энтузиазма сворачивал от моря, положив свой самолет в мелкий и длинный вираж.

Машину снова начало трепать, а могучие мускулы пилота стали продуктивно затрачивать свою силу. Степь сменилась на перелески и изрытые оврагами поля. Внизу, под крылом, прятались селения и зеленеющие пашни. Чкалов сильно застучал по металлической обшивке самолета, вызывая механика.

— Колхозы, наверное, смотри, поширели поля, — кричал летчик механику, у которого пугливый и настороженный взгляд сменило приятное недоумение. Механик, успокоившись, махнул головой в знак согласия и скрылся в своей рубке. Валерий напряженно приглядывался к земле, стараясь раскрыть секреты жизни тысяч людей, которые сейчас заняты своим трудом. Опытный взгляд пилота находил сверху по общим контурам панорамы изменения, внесенные дыханием ежедневных забот партии о крестьянстве.

Вот это село наверняка еще переживает родовые муки перехода к коллективному труду. Столетиями держали миллионы людей в теле черном, как эта земля. История ковала цепи, опутывая ими радость человеческой жизни. И вот теперь эти миллионы вырываются из пут подчинения традициям проклятой частной собственности на новый путь коллективизации. Сколько трагедий и слез, сколько радости и счастливых надежд заключены в каждом населенном пункте, мелькающем внизу.

В памяти Валерия всплывали слова, которые год тому назад он вычитал из брошюры Сталина «Головокружение от успехов», и он как-то особенно тепло улыбнулся при появлении очередного села, приближавшегося к крылу.

Вдруг резкий удар слева. Самолет сильно качнуло. «Неужели бомба сорвалась?!» — мелькнуло в голове пилота. Но белый пар и невероятная тряска левого мотора вскоре выявили истинную причину столь неожиданного сюрприза.

Чкалов выключил неисправный двигатель, направляя все усилия к тому, чтобы на одном правом удержать самолет без снижения. Через минуту механик доложил, что на левом моторе лопнул шатун.

На одном моторе, перегруженная бомбами, машина шла на предельно малой скорости, постепенно теряя высоту. Лицо Чкалова было спокойно, хотя глаза быстро оглядывали землю, расстилавшуюся внизу. Крутые и глубокие овраги, словно морщины на лице старика, в различных направлениях перерезали поверхность, и трудно было найти хотя бы маленький кусочек земли, пригодной для посадки самолета. А бомбардир только сейчас понял сложность обстановки, в которой оказался экипаж. Он ясно представил себе вынужденную посадку в овраге и даже вздрогнул, когда вообразил взрыв нескольких сот килограммов бомб, висевших под фюзеляжем машины. Он открыл люк бомбового отсека и уже приготовился освободиться от опасного груза, как

вдруг услышал стук. Оглянулся назад и сразу увидел в стеклянном пролете дверей штурманской рубки здоровенный кулак командира корабля.

«Чорт, вызывает, не дал сбросить бомбы», — думал хозяин опасного груза, снимая руку с гашетки метания. Он спешно кинулся к командиру.

Чкалов сразу же, по поведению самолета, узнал о спешных приготовлениях в передней кабине, и его лицо сделалось настолько мрачным и злым, что бомбардир немного побледнел, когда предстал перед этим суровым командиром.

— Зачем открыл бомбовой люк?! — во всю мочь закричал Чкалов.

— Освободиться от бомб... иначе при вынужденной посадке взлетим на воздух... — волнуясь и немного вздрагивая, ответил молодой человек, затаенный в кожаное пальто.

— Дурак, ты же в деревню можешь залезть!

Чкалов на секунду отвернулся, чтобы взглянуть, как летит самолет, затем отстегнул кобуру, достал пистолет и положил его на колени.

— Ложись и ни с места, пока не сядем, — добавил уже спокойно Чкалов.

Бомбардир улегся в проходе между сидениями летчиков рядом с дверью своей кабины.

Тем временем самолет опустился до трехсот метров, летя в направлении к морю. У берега летчик надеялся отыскать хотя бы небольшую площадку. Чкалов слегка отворачи-

вал от селений, попадавших по пути, зорко оглядывая мельчайший клочок ровной земли. Правый мотор, работая с полной мощностью более часа, стал сильно греться, — вот-вот запарит, как вскипевший самовар, и тогда придется садиться куда попало. Высота двести метров. Уже видно темносинее море, испещренное светлыми полосками пенистых глив на верхушках волн.

«Хорошо, что ветер есть», — мелькнуло в голове пилота, и он с надеждой взглянул на последний мотор. Термометр воды показывал 100°, пар вылетал из пробки радиатора, слышался неровный выхлоп мотора, машина вздрагивала, точно в лихорадке.

Чкалов нехотя выключил зажигание последнего мотора. Сразу стихло, и только свист и шелест обтекавшего воздуха разгоняли напряженное безмолвие, воцарившееся на корабле.

Самолет с грузом бомб быстро скользил вниз. Каждая секунда подводила самолет к земле на десяток метров, и с каждой секундой тревога за неблагоприятный исход разрасталась в голове бомбардира, побелевшего, как снег.

— Всем в хвост! — рявкнул Чкалов.

Бомбардир пулей скрылся в задний отсек самолета. Механик же медлил, раздумывая: уйти ли действительно в более безопасное место, или остаться здесь, вблизи командира, и, в случае чего, оказать ему помощь. Он осторожно подошел к Чкалову.

— В хвост, сукин сын! — еще строже закричал командир корабля, не отрывая глаз от

площадки, на которую он окончательно решил посадить аварийный корабль.

Механик метнулся назад. «Жалеет, а о себе не подумал», — ворчал он про себя, пролеза через переплеты фюзеляжа к встревоженному бомбардиру.

Только сто метров отделяли самолет от земли, когда он очутился над обрывом берега Черного моря. Чкалов круто повернул машину влево. Крыло чуть-чуть не коснулось земли. Летчик выравнивал самолет, направляя его вдоль прибрежной полосы выгоревшей земли. Пилот спокойно, точно на аэродроме, коснулся колесами земли. Через несколько секунд бомбовоз стоял рядом с обрывом берега моря, слегка покачиваясь от порывов ветра нахивавшегося шторма.

Валерий вылез из пилотской кабины и, растегнув комбинезон, подставлял грудь под чистое дыхание морского воздуха, освобождая тело от влаги, накопившейся за день.

Волны с яростью бились об утесы. Небо заволакивалось тучами. Вдали вспыхивали раскаленные нити молний.

— Вот оно, наше море... — задумчиво сказал Валерий. Рядом стоял механик, вглядываясь в лицо командира. Его поражало спокойствие, которым дышала вся мощная фигура Чкалова.

— Товарищ командир, а ведь чуть не гробанулись? — решил заговорить механик.

— «Чуть» в авиации не считается... — шутиливо ответил Чкалов. — Ты скажи-ка вот, что это за чертовщина у нас с самолетом?

— Моторишки старые, вот и летит все.

— Не унывай, милоч, не унывай! Слышал, как пятилетку-то задумали, — будем на своих моторах летать, а свои, брат, понадежней. Эх, золотое время только наступает...

Валерий сел, спустив с обрыва ноги, наблюдая за морем. Механик скрылся в корабле. А старый бомбардир неловко кружился около Чкалова, боясь приступить к разговору.

— Товарищ командир, что же будем делать с бомбами?

— Рыбу буду глушить в Черном море... А ты чего о них беспокоишься? — поглядывая на инженера, с иронией спросил Валерий.

— Как же, товарищ командир, ведь это же ценные опытные бомбы...

— Ведь ты их хотел сбросить куда попало, а может, даже в село?

— Да... Но... по уставу, нельзя садиться с бомбами.

— Эх, ты, инженер! Образования-то в тебе вагон, да голова не так приварена. А вдруг, да в дом запузирил бы? Сколько бы гробанул?.. Ну? А нас ведь всего-то трое... Любви в тебе не видно к людям... Как бы ты глядел в глаза матери, у которой отнял жизнь ее детей?.. Подумай... и не беспокойся о своих бомбах — их мы еще испытаем как следует...

Валерий неожиданно пригнулся вниз — на террасный обвал берега, затем, перескакивая с камня на камень, забрался на утес, вздрагивающий от ударов штормовых волн Черного моря.

ГЛАВА III

1. ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

С тех пор как Валерий попрощался с Научно-испытательным институтом, прошел год. Но не было дня, чтобы его не вспоминали летчики и командиры, продолжавшие испытывать сложную материальную часть для воздушного флота. Заходил ли разговор о маневренности истребителя, поднимался ли спор об устойчивости разведчика, обсуждался ли метод воздушного боя на новом самолете— всегда Чкалов показывался на горизонте памяти своих друзей, которым привил он чувство бесстрашия.

Работая в частях воздушного флота Красной Армии, Чкалов летал на изведанных самолетах, и все же часто он находил неиспользованные излишки, талантливо выжимал из боевых машин то, что даже не снилось конструктору этих самолетов. Чкалов был новатором, исправляющим теорию экспериментом, человеком, который мог устанавливать собственные нормы.

И естественно, вступив на завод, где зарождались идеи новых самолетов, где металл перековывался в сложнейшие конструкции для

машин, где каждая деталь дышала новшеством и прогрессом, Чкалов нашел полное признание и удовлетворение своему пытливному и критическому уму, своей талантливой технике вождения самолетов, своему стремлению познавать новое, не считаясь с традиционными взглядами на твердость существующих норм.

Но каким сложнейшим путем побед и поражений Чкалов, наконец, нашел то, чего искал в течение двух десятков лет своей сознательной жизни. Казалось бы, как просто: поступить бы Чкалову с самого начала на авиационный завод, и он сразу нашел бы применение всем своим силам и способностям.

А как же с опытом? Разве Чкалов не получил образования и воспитания в Красной Армии? Разве Чкалов мог стать испытателем, если бы Страна Советов не построила авиационной промышленности?

Именно советская действительность создала условия для расцвета жизни Чкалова, развив его ум, воспитав в нем лучшие черты человеческого характера.

Чкалов это чувствовал тем сильнее, чем ярче разгоралась его жизнь, и он часто в мыслях благодарил партию и Красную Армию, которые вывели его на твердый путь. И теперь, работая на заводе, он прилагал все силы и способности, чтобы отблагодарить страну. Мелкие стычки с отдельными лицами, приносившие в прошлом Чкалову много неприятностей, тонули в том общем подъеме жизни страны и завода, в которую Валерий окунулся с головой.

С утра Валерий забирался в цеха, где стучали сотни клепальщиков, и присматривался к их работе; в полдень он сидел в чертежной конструктора, помогая разместить оборудование в тесной кабине скоростного истребителя, а к вечеру он уже заканчивал очередной испытательный полет. С каждым днем Чкалов расширял знакомство с жизнью, сталкиваясь с сотнями рабочих и инженеров промышленности, приглядываясь к их труду. Чем больше вникал он в дела завода, тем становилось яснее, что машина, которая создается годами напряженнейшего труда тысяч людей, для окончательной проверки доверяется лишь одному человеку — летчику. Что скажет летчик? Как справится летчик? От этого зависит оценка результатов труда коллектива, от этого зависит — будет ли страна иметь хороший боевой самолет для воздушного флота.

Какая огромная ответственность! Какая должна быть чистота у человека, которому доверяют разрешение вопросов государственной важности. «А ведь я только летчик! Я не нарком, не директор завода, я не конструктор, я не начальник цеха, я — простой, самый обыкновенный летчик, маленький винтик на этом заводе», — часто думал Чкалов, сопоставляя нигде не писанную, моральную ответственность и свое официальное положение.

Своим богатым жизненным опытом и умственным чутьем Чкалов вскрыл важность работы, которую ему доверила родина. Он стал строго и критически относиться к полетам, отбросив напрасный риск. Не боязнь смерти за-

ставила Валерия отказаться от опасных трюков, которые он выделывал раньше, а боязнь разбить машину, от которой зависит успешная оборона страны, в которой сконцентрированы силы огромного коллектива людей — творцов нового самолета.

Чкалов стал сдержанным и осторожным, хотя отвага и смелость в каждом движении этого человека выпирали наружу. За двенадцать лет летной жизни через руки Валерия прошло около семидесяти типов самолетов самых разнообразных фирм и стран. Здесь были неуклюжие и тихоходные французские Анрио и Вуазены, здесь были английские Фейри, итальянские Чиэр, русские самолеты Дукса, немецкие Фокера и Хенкели, и лишь за последнее пятилетие пилот увидел самолеты советского производства, которые он полюбил больше всего, в творчестве которых он принимал активнейшее участие.

Вместе со страной, поднимающейся в гору, расцветала и жизнь Валерия Павловича. Он стал разговорчив, и его суровые черты терялись в частой улыбке — будь это в семейном кругу или среди товарищей, на работе. Он стал внимательней приглядываться к политической жизни страны, часто зачитываясь беллетристикой, газетами и брошюрами. Пытливый ум анализировал события сложной жизни, и Чкалов с каждым днем обогащался теплым чувством любви к своему народу, верой в будущее, ради которого стоит честно поработать до конца жизни.

Особенно на Валерия влияли частые встре-

чи с Серго Орджоникидзе, которого он видел и слышал на многих заседаниях, посвященных авиации. Чкалов был влюблен в Серго и тайно старался подражать ему во всем. Валерий быстро рос политически, вникал во все дела завода, в общественную жизнь страны.

Особенно остро Чкалов чувствовал всякие осложнения, грозившие родине опасностью войны. Он со всей страстью начал укреплять оборону страны, обучая пилотов без отрыва от производства, затрачивая на это свои часы отдыха. Позже замечательная инициатива Чкалова воплотилась в сотнях аэроклубов, готовящих кадры для нашей авиации.

Вот почему Валерий Павлович улыбается, оглядывая огромный аэродром, заставленный сотнями самолетов, перед которыми, четкими рядами, выстроились пилоты родной страны. В этом наземном параде Валерий видел силу и мощь своей родины. Чкалов стоял перед маленьким краснокрылым самолетом, похожим на ласточку. Сзади его перед винтом расположился механик.

— Сила-то какая... — обратился Валерий.

— А как же... — ответил молодой человек.

— Да ты в авиации сколько лет?

— Три года.

— Вот ты и говоришь — «а как же»... А я, брат, знаю, сколько у нас было десять лет тому назад, — несколько десятков самолетов и чуть больше летчиков. А вот еще раньше, в гражданскую войну, помню такой исторический парад, когда была всего-то единица. Вот тебе «а как же»...

— Да я ничего не говорю, Валерий Павлович... — отбивался механик.

— Ну вот и обиделся, капризный какой. А ведь ты правильно сказал: «а как же!» — только вот осмыслить это нужно. Сколько трудов нужно было вложить, чтобы теперь увидеть тысячи пилотов и самолетов. Сколько трудов и усилий! А ты говоришь просто: «а как же»...

— Тсс... Тише... Смирно! — послышалась команда. Аэродром затих.

Среди рядов выстроенного парада шли Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе. Чкалов подтянулся, по-военному приложил руку к летному шлему, плотно облегавшему большую голову.

Валерий был взволнован, сейчас он увидит Сталина. Вот уже он различает улыбку Иосифа Виссарионовича. Сталин кивает головой Клименту Ефремовичу, который показывает в сторону, где стоит Чкалов.

Вскоре товарищ Сталин остановился перед Чкаловым. Товарищ Ворошилов представил его Иосифу Виссарионовичу. Чкалов отвечал коротко и четко на вопросы вождя. Товарищ Сталин вглядывался в лицо пилота, затем подходил к краснокрылому истребителю, часто обращаясь к летчику. Очевидно, товарищи Ворошилов и Орджоникидзе уже достаточно рассказали о бесстрашном пилоте товарищу Сталину, и Иосиф Виссарионович тепло и внимательно оглядывал Чкалова, любясь его энергичным лицом и крепкой широкоплечей фигурой, прислушиваясь к простой и открытой речи.

— А почему вы не пользуетесь парашютом, а обычно стараетесь спасти машину? — задал вопрос товарищ Сталин.

Чкалов, немного подумав, ответил:

— Я летаю на опытных самолетах. Они весьма ценны, и губить их очень жалко. Обычно стараешься спасти машину, а тем самым и себя. Во время испытания самолета мысль направлена к тому, чтобы узнать все... — и, секунду помолчав, Валерий добавил: — Я признаю парашюты, но предпочитаю обходиться без них.

Иосиф Виссарионович улыбнулся. Ему понравилась эта открытая и сильная натура, и он, подойдя вплотную к Валерию, по-отечески просто заговорил о том, что надо обязательно пользоваться парашютом.

— Ваша жизнь дороже нам любой машины, — закончил Иосиф Виссарионович, прощаясь с взволнованным Чкаловым.

Чкалов провожал товарища Сталина глазами, затуманившимися от слез счастья и радости. Чкалов был потрясен простыми человеческими словами подлинного вождя народов. «Человек — дороже машины! Человек — выше всего». Неужели я действительно дорожу вот этого красавца с красными крыльями?»

Чкалов потрогал холодную обшивку истребителя.

— Дорогуша, неужели моя жизнь дороже?.. — раздумывая, обратился Валерий к механику.

— А как же ты думал? — просто ответил бойкий комсомолец.

— Тыфу ты! А как же! — передразнивая, накиннулся на него Чкалов.

— Ясно, Валерий Павлович, правильно сказал товарищ Сталин — жизнь-то не возвратишь, сколько ни трудись.

— Говоришь, не возвратишь? Неверно. Вот эти шесть слов Сталина прибавили мне целую жизнь...

Валерий замолчал, отвернулся от механика. В голове пронеслась вся жизнь. Что в ней ценного? Чем я заслужил такое отношение?

— По самолетам!.. — послышалась новая команда.

Чкалов быстро вскочил в кабину истребителя, запустил мотор. Волнение приятно щекотало нервы. Во всем теле ощущалась какая-то подтянутость и свежесть. Чкалов получил задание показать товарищу Сталину в полете самолет, который выпустил недавно их завод.

В коротком наборе сложнейших фигур Валерий показал исключительное мастерство летчика и прекрасные качества новой машины. Он вложил все свое искусство, весь свой многогранный опыт, чтобы полетом отблагодарить вождя.

День 2 мая 1935 года Чкалову запомнился как грань новой жизни, зовущей к счастью победы.

Чкалов стал неузнаваем — в нем появилось столько энергии, настойчивости и отваги, что даже близкие часто удивлялись такой значительной перемене.

2. ЗА ЖИЗНЬ МАШИНЫ

Работая летчиком-испытателем на заводе, Чкалов вместе с конструктором создал много прекрасных боевых машин. И теперь с улыбкой наблюдал полеты сотен истребителей, испытанных его крепкой рукой. Он видел результаты своего труда и вместе со всеми радовался успехам авиации.

Но мало кто знает, сколько нужно упорства и выдержки, чтобы довести опытный самолет до состояния, когда он отработается окончательно и станет надежной машиной, пригодной к массовому выпуску. Сколько опасных и сложных моментов преодолевает пилот, чтобы выявить несовершенство конструкции, сохранив самолет, сколько раз встречается испытатель с глазу на глаз со смертью!

Чкалов презирал смерть, не раз умело обходя ее, в тот момент, когда она уже протягивала костлявую руку к его горлу. Он выходил из самых, казалось бы, безвыходных положений, сохраняя жизнь себе и машине. После замечательной встречи с вождем народов Валерий стал еще более тщательно и придирчиво испытывать самолеты, зная, что после него будут летать тысячи его товарищей, жизнь которых также дороже всего на свете.

Вон, высоко в небе, гудит крошечный самолет, поминутно переворачиваясь с крыла на крыло. Это Чкалов. Он испытывает самолет на прочность. У заводского ангара стоят механики, наблюдая за полетом.

— Здоров же он... — говорит бас.

— Как бык... — подтверждает сосед.

— Недавно при выходе из пике кровь у него брызнула...

— А он на это полагает...

— И как не надоело ему — ведь пятнадцать лет кувыркается.

— Этот на всю жизнь связался, — переговариваются рабочие, поглядывая на небо.

Валерий сидел в закрытой и тесной кабине, прислушиваясь к звуку мотора и записывая показания множества приборов. Осталось последнее — проверить самолет в пике. Он плавно отдал ручку, и маленькая машина, как ястреб, ринулась отвесно к земле. Скорость росла с каждой секундой. Скоро шестьсот. Земля приближается и словно увеличивается в размерах. «Что, если сейчас не выдержит крыло? Конеч. Здесь уж ничего не спасет — струя прикончит человека», — подумал Чкалов, оглядывая крылья. «Ишь ты, как вздулась обшивка!» «Пора, — шестьсот пятьдесят километров в час». Валерий плавно взял ручку на себя. На плечи уселась невидимая сорокапудовая тяжесть, вдавливая пилота в сидение. Спина гнется под страшной тяжестью, глаза стремятся вылезть из орбит, появляются разноцветные круги и бесконечная россыпь звездочек. «Терю сознание — значит, перегрузка хорошая», — думает пилот, вновь вскидывая взгляд на приборы и на крылья, испытывающие неимоверную подъемную силу.

«Ну, вот и выдержали крылышки», — улыбнулся Чкалов, медленно набирая высоту. Ноет поясница — это пошаливают почки. «Да они

уже давно шалят», — успокаивает себя пилот, записывая последние цифры испытаний. За двадцать минут полета Чкалов вспотел, хотя температура в кабине была не так уж высока. «Устал, пойду на посадку». Пилот взглянул вниз, отыскивая аэродром. Красные лампы шасси ярко выпячивались, предупреждая летчика об опасности. «Сейчас выпущу», — словно живому существу ответил Валерий, взявшись за выпуск шасси. Одна нога быстро стала на место, и красная лампа погасла, угасив свету зеленой.

«Что такое, почему вторая не загорается?» Валерий выглянул из кабины. Земля быстро приближалась. Летчик дал газ, мотор взревел, унося самолет вверх.

— Не ладно что-то, одна нога не выпустилась, — заговорил механик внизу, с тревогой поглядывая на удалявшийся самолет.

— Опять не ладно с шасси.

— Валерий Павлович сядет на одно колесо.

— Сам бы сел. Понимать должен — убить, ся человек может, ведь это же скоростная, как черт над землей несется.

— Все равно, сядет.

— Затвердил свое. Лучше бежи-ка на старт да предупреди санитарную машину и дежурного.

— Ну что ж, я мигом.

От группы заводских рабочих быстро отделился человек.

Валерий набрал две тысячи метров. Сколько он ни работал аварийным спуском, все же одна нога так и не хотела выпускаться. Чка-

лов взглянул на бензинометр. Горючего оставалось на пятьдесят минут. «Вот ведь везет!» — подумал пилот, вспоминая недавнюю посадку на одно колесо. Но эта машина была и опасна и в то же время ценна, чтобы ее бросить или заставить садиться на одно колесо.

«Ваша жизнь дороже машины», — Чкалов улыбнулся и сразу же стал спокойнее. «Обязательно спасу машину», — решил пилот, вдвигаясь в тросы, идущие к шасси. На одном из них была видна петля. «Трос ослаб и захлестнулся», — догадался Валерий. Он отстегнул ремни, освободился от парашюта, стараясь достать трос. Забыв, что это происходит в воздухе на самолете, пилот настойчиво добирался к проклятой неисправности. И только гул и свист заставили Чкалова отступить от своего занятия, и он быстро выбрался на сидение. Самолет, теряя высоту, приближался к земле. «Так и гробануться можно, — мелькнуло в голове пилота. — Значит, не распутано, и следовательно...»

«Но как же я прыгну? Ведь это же последнее испытание! И самолет похвалил сам Сталин! Машину ждет весь воздушный флот, вся Красная Армия! Нет, не смогу я бросить, не хватит у меня сил».

И здесь Чкалову пришла мысль попробовать резкими фигурами выбить упрямое шасси, силой раздавив петлю. Он сделал переворот — один, другой. Повторил их в более резком темпе еще и еще. Но нет, красная лампа горит попрежнему упрямо-ярко.

Полчаса непрерывных фигур вконец измота-

ли пилота, самолет все еще носился высоко над встревоженным заводским аэродромом.

Чкалов устало глядел на приборы, соображая, что же еще можно сделать за те десять минут, которые позволит продержаться в воздухе остаток бензина.

Он был готов отдать часть своего тела и крови, чтобы спасти машину. Но беда заключалась в том, что пилот не знал, что же еще можно сделать, кроме посадки на одно колесо, грозившей смертью машине и увечьем летчику.

Чкалов посмотрел на пулеметы, грозно торчавшие вперед, и вдруг его осенила мысль — пикнуть. «Пикнуть и резко дернуть». — «Так и так сломаю машину — нужно попробовать». В этот момент Валерий не думал о том, что этот риск связан не только с увечьем, но может обернуться гибелью. В тот момент в голове держалась одна мысль: «Спаси хорошую машину, которую ждет армия».

Самолет резко перешел в пике, опустив нос отвесно к земле. Чкалов из последних сил напрягал покрасневшие глаза. Какая была скорость в момент, когда пилот резко рванул ручку, Чкалов не знал. Он сразу же потерял сознание от нечеловеческой нагрузки на все тело. Валерий очнулся неожиданно, слабо представляя, что произошло секунду тому назад. Самолет шел с креном. Первое, что сделал летчик, — выравнял машину на прямую. Постепенно он пришел в себя. На доске приборов горели две зеленые лампы.

Чкалов ожил — значит, шасси выпустились.

Он медленно убрал газ, планируя на аэродром. Внизу проплывали улицы Москвы. Вдали виднелся чистенький и светлый Кремль. Чкалов улыбнулся: «Ваша жизнь дороже машины»... «Ну, вот и жизнь и машина спасены». Под крылом проскочил дом, где жили жена, сын и дочь, затем мелькнула зеленая крыша ангара — и, наконец-то, долгожданная земля...

У заводского ангара Чкалова радостно встретила дружная семья рабочих, чей труд ценил он дороже всего на свете.

ГЛАВА IV

1. Я ВСТРЕЧАЮ СТАРОГО ДРУГА

В эту осень я встретился с Чкаловым сразу после неудачной попытки перелета через Северный полюс в 1935 году.

Из экипажа я остался один, — Леваневский и Левченко уехали в Америку.

Передо мной стоял несложный выбор — идти в Академию и продолжать прерванную учебу или вновь заняться своим прежним ремеслом летчика-испытателя. Другие варианты я заранее отвергал. Но, заразившись идеей перелета через полюс, я уже не мог спокойно сидеть за учебной партией и решил во что бы то ни стало добиваться участия в решении задачи, над которой бились многие умы человечества.

В моей голове идеи будущего переплетались с заботами настоящего дня, куча сомнений не давала мне покоя. Я искал друга, которому можно излить все.

В памяти своей я перебирал товарищей, и мой выбор пал на Валерия Павловича. Поздно вечером я подошел к дому на Ленинградском шоссе, отыскал квартиру и постучал в дверь. Жена Чкалова, Ольга Эразмовна,

провела меня в комнату, где сидело много гостей и вместе с ними сам хозяин. Я давно не видел своего старого приятеля, и потому наша встреча приняла весьма необыкновенную форму. Валерий долго тряс мою руку, затем обнял и усадил за стол. Я вглядывался в его лицо — оно изменилось с тех пор, как я его видел в Испытательном институте, глаза стали живее и не такие задумчивые, суровые складки размякли. На отвороте кожаной куртки сиял золотистый орден Ленина.

— Ну, вот, Байдук! Встретились...

— Да, ты немного изменился, — заметил я.

— Постарел, брат, да и что же ты хочешь — отец семейства, у меня дочь недавно родилась, пойдем посмотрим.

И он увел меня смотреть маленькую Лерочку, которая свободно умещалась в широких ладах отца.

— Оставь, Валерий, — вмешалась жена, отнимая ребенка, которого Валерий зацеловал.

— А ты говоришь, Егор...—и, посмеиваясь, потащил показывать свою новую квартиру.

— Живу, как бог...— повторял Чкалов, показывая свое несложное домашнее хозяйство.

— Ну, а как ты? — участливо спросил Валерий, заметив на моем лице то ли тень зависти, то ли недовольство.

— Так себе, Валериан. — Я назвал его Валерианом по старой памяти.

— А что?

— Видишь, разговор есть к тебе...

— Ну, ну, давай, что ж ты не сказал раньше?

— Здесь неудобно, народу много.

— А у меня всегда, брат, народ, люблю компанию...

— Ты знаешь, самолет, на котором мы с Леваневским пытались перелететь полюс, сейчас находится в переделке?

— Ну и что ж, мне какое дело, ведь это ваш самолет...

Я немного опешил, не зная, как подойти к Чкалову.

— Видишь ли, вчера на заводе я встретил Михаила Моисеевича Кагановича, он мне сказал, что NO-25 в корне переделан и теперь стоит готовый в ЦАГИ, не находя себе применения. Я чуть его не обнял за это сообщение и заявил, что мы найдем ему хорошую работу.

Ольга Эразмовна настороженно прислушивалась к нашему разговору. Ей явно не нравилась эта тема — она смутно чувствовала опасность, и я уловил ее недовольный и упреждающий взгляд. Я умолк. Валерий еще не понимал всего, что таилось в моих словах, и терпеливо ждал объяснений.

— Валерий, тебя же ждут гости? — пыталась оторвать Валерия жена.

— Что же ты, Егор, замолчал? Говори дальше.

Я ему подмигнул, качнув головой в сторону жены. Он догадался.

— Ладно, пойдем на улицу, я тебя провожу...

Он заглянул в столовую, предупредил гостей, быстро оделся. Мы вышли на аллею Петровского парка.

— При женах нельзя вести такие разговоры, будут напрасно волноваться, — заметил я.

— Ясно. Ну, продолжай.

— Значит, самолет есть. Нужны лишь экипаж и разрешение.

— А как же Леваневский?

— Перед отъездом в Америку Леваневский заявил мне, что он намерен лететь на другой машине.

— Ну и что же?

— Тьфу, какой же ты, чорт, несговорчивый!

— Как несговорчивый? Ты, Егор, что-то лепечешь непонятное...

— Вот я и говорю, — давай-ка, берись за это дело, а я помощником, мы и махнем через Северный полюс!

— Эх, и дуралей же ты, Байдук! Ты так бы и сказал.

Валерий оживился, подробно расспрашивал об опыте, который я уже имел в таких делах.

Мы уселись на скамью и так увлеклись разговором, что не заметили, как стрелка часов перешла за полночь.

— Вот как случается, вновь пути наши сошлись, — сказал Валерий, не отпуская моей руки.

— Ну, ну, ты торопись, тебе попадет дома, — уговаривал я разгорячившегося Валерия.

— Нет, давай, Егор, твоего штурмана, и завтра же пойдем в ЦАГИ.

— Не сразу, не торопись, Валериан, нужно переговорить с Михаилом Моисеевичем и с Серго.

— Не беспокойся, завтра же переговорю, и составим бумагу.

Мы расстались с ним, объятые одной и той же думой. В эту ночь я спал спокойно: мой старый друг был попрежнему храбр и силен.

С помощью Орджоникидзе и М. Кагановича, в течение зимы, в свободные часы от службы, Чкалов, Беляков и я начали готовить самолет к перелету. К весне все уже было готово, и только разрешения на полет мы еще не имели.

2. В ЦК

В первых числах июня мы получили счастливую возможность беседовать с товарищем Сталиным — лучшим другом советских летчиков, изложить ему наш план полета и получить от него подробные и точные указания, куда нам лететь. Эта короткая беседа навсегда запала нам в душу, придала нам энергии, бодрости и смелости в выполнении ответственной летной задачи, которую поставил перед нами Иосиф Виссарионович Сталин.

Это было на одном из заседаний Центрального Комитета ВКП(б). Во время перерыва мы подошли к Серго Орджоникидзе и спросили его о судьбе проекта нашего дальнего перелета.

— Не сидится вам, — засмеялся Серго, — все лететь хотите. Машину нужно хорошо проверить.

Мы живо ответили, что машина, на которой собираемся лететь, — проверенная, хоть сегодня лети...

— Ладно, — сказал Серго, видя наше нетерпение. — Я вас с товарищем Сталиным сведу. Что он скажет...

Открывается дверь. Входит товарищ Сталин. Он подошел к нам, поздоровался, крепко пожал руки. И, улыбаясь, спрашивает:

— В чем дело? Чего вы хотите, товарищ Чкалов?

Товарищ Сталин, видимо, по нашим возбужденным лицам понял, что мы чем-то взволнованы. В самом деле, настала решающая минута объяснения с товарищем Сталиным. Одобрит он наш проект или отвергнет?

— Просим вашего разрешения, Иосиф Виссарионович, сделать перелет к Северному полюсу.

Товарищ Орджоникидзе обращается к подошедшим товарищам — Молотову, Ворошилову, Кагановичу, и указывает на нас:

— Вот хотят лететь на Северный полюс!

Мы стоим смущенные и, волнуясь, ждем сталинского ответа.

Товарищ Сталин шутливо бросает:

— Зачем лететь обязательно на Северный полюс? Летчикам все кажется не страшным — рисковать привыкли. Зачем рисковать без необходимости?..

— Да ведь машина хорошая, мотор хороший и риска мало, товарищ Сталин.

Сталин продолжает чуть-чуть подшучивать над нами, затем уже серьезным тоном объясняет нам, что условия полета у Северного полюса мало изучены. Надо хорошо и подробно все изучить, чтобы наверняка уже лететь... Наш Союз необъятен. Летайте через нашу территорию.

И, помолчав, внимательно взглянув на нас, неожиданно добавляет:

— Вот вам маршрут для полета: Москва—Петропавловск-на-Камчатке.

Это было столь неожиданно, что мы не сразу могли ответить. Мысленно каждый из нас охватывает предложенный Сталиным маршрут полета. Какие огромные пространства, сколько белых пятен, сколько новизны в этом пути. Товарищ Сталин выдвинул перед нами новую летную задачу, связанную с нашей родиной. Он знал, что предложить советским летчикам. И мы с радостью, горячо приняли сталинский проект перелета.

3. СТАЛИН СЛЕДИТ ЗА ПОДГОТОВКОЙ

11 июня, то есть через день после разрешения перелета, Чкалова пригласили в ЦДКА на вечер орденосцев. Здесь он встретился со старинными друзьями и сослуживцами. Необыкновенной простотой, мужеством и прямо-той натуры Чкалов моментально завоевывал

симпатии окружающих. На вечере его обступили товарищи, и в группе, где находился Валерий, поднялся смех и громкий веселый говор.

Но вот в дверях главного зала показался Сталин и его боевые соратники. На секунду наступила тишина, затем горячие аплодисменты долго и дружно звучали в огромном зале.

— Позвольте считать наш вечер, посвященный приему командиров-орденосцев, открытым, — начал товарищ Ворошилов.

Всегда веселый и жизнерадостный Климент Ефремович сразу же придал простой и ненавязнутый тон обстановке встречи. Начались тосты и пожелания. Затем встал Иосиф Виссарионович. Ему предоставили слово. В этот вечер товарищ Сталин говорил о могуществе и успехах Красной Армии, о том, что наша армия — верная и несокрушимая стена, за которой мы можем безопасно строить бесклассовое общество.

Чкалов стоя слушал вождя, боясь пропустить не только слово, но даже малейшее движение великого человека.

— В нашем народе, — продолжал Иосиф Виссарионович, — скрыты неисчислимые источники новых побед. В ближайшее время мы организуем беспосадочный полет по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке.

Чкалов взволнованно дышал, вглядываясь в улыбающегося Сталина. Ему хотелось сейчас крикнуть на всю залу, чтобы весь мир его услышал. Чкалов сказал бы о том, как бес-

конечно дорог Сталин каждому летчику, что советские орлы не знают преград, которых они не в состоянии были бы преодолеть.

Иосиф Виссарионович увидел в зале Чкалова и жестом подозвал к себе. Валерий еще больше заволновался. Смущенный, оч подошел к вождю.

— А я думал, что вы уже на Камчатке, — с теплой улыбкой встретил Чкалова Сталин.

— Машина подана на горку аэродрома, мы приступили к тренировке, — ответил Валерий.

Товарищ Сталин дружески притянул летчика к себе и обнял его.

С этого дня Сталин полюбил Валерия, как сына великого народа, преданного умом, силой и чувством делу коммунизма, а Чкалов навсегда понял, что этому человеку он готов в любую минуту отдать свою жизнь.

4. КОНТРОЛЬНЫЙ РЕЙС

Утром Чкалов, Беляков и я собрались в ЦАГИ. Нам предстояло решить легкую задачу — выбрать командира. Чкалов долго упирался, пока мы с Беляковым единогласно не утвердили его кандидатуры. Мы знали, что в этом человеке, помимо воли, ума и храбрости, есть замечательное чувство товарищества и доверия к людям, а это играет огромную роль в работе экипажа самолета.

В тот же вечер мы распределили обязанно-

сти и, не теряя ни минуты, стали готовиться к полету.

Сколько бессонных ночей прошло за картой перелета! Сколько людей втянулось в нашу подготовку!

Руководитель перелета М. М. Каганович вникал во все наши дела, по-отечески сдерживая наш пыл, требуя тщательности и четкости во всей организации полета.

После полутора месяцев усиленной тренировки и испытаний нам предстояло сделать последний контрольный рейс.

Погрузив в кабину NO-25 имущество, мы приняли на борт инженера и радиста и поднялись в воздух. Нас обдало перегаром желтого дыма, валившего из труб шелковских заводов.

Вдруг откуда-то снизу послышался треск. Все встрепнулись. Я посмотрел на сигналы положения шасси. На доске приборов ни одна лампочка не горела. Ось лебедки, поднимающей шасси, не вращалась, хотя рубильник электромотора был включен.

Чкалов в это время сидел за рулем и наблюдал высоту. Беляков и радист настраивали радиостанцию. Я присел на масляный бак и задумался.

— Что-то неладное с шасси, — сказал я подошедшему инженеру. — Сигнальные лампочки не горят. Хотя сеть исправна, но лебедка не вращается.

— Не понимаю, что случилось, — ответил инженер, хватаясь за голову и направляясь к подъемнику и тросам шасси,

Вскоре он вернулся опечаленный.

— Дело плохо. Оборвались тросы подъема и спуска шасси...

— Надо посмотреть, в каком положении находятся ноги самолета, — перебил я.

При помощи навигационного прицела мы убедились, что левая и правая ноги самолета были в подогнутом положении. Земля зеленела где-то далеко внизу, переливаясь лесами и пашнями.

Что же делать? Как спасти при посадке машину, чтобы выполнить маршрут? Что мы скажем Иосифу Виссарионовичу? Столько труда и времени потратили на подготовку и... вот простая развязка: посадка без выпущенного шасси, обломки вместо самолета.

Я сказал о случившемся Чкалову. Мы стали всесторонне обдумывать, какие нужно принять меры для сохранения самолета. Может быть, сесть на воду? Опробовать кстати приспособление пловучести самолета? Но как его из воды вытащить целым? Да и где найти подходящее водное пространство?

NO-25 между тем продолжал лететь на высоте около двух тысяч метров. Солнце стояло еще высоко, до наступления темноты оставалось добрых четыре часа, а горючего хватало на двое суток непрерывного полета.

Чтобы легче разобраться в повреждении лебедки, я нарисовал ее схему и, сменив Чкалова, сел на заднее пилотское кресло. Беляков сообщил по радио о повреждении самолета и просил летчиков не подлетать к нам

близко, так как нам некогда было наблюдать за окружающим воздушным пространством.

Инженер тем временем поднял переднее сиденье пилота и еще раз убедился в том, что лебедка, поднимающая шасси, повреждена. Но он тотчас же нашел выход, который, казалось, разрешал все. Если бы удалось покрепче захватить чем-нибудь за выпускные тросы и потянуть, — может быть, ноги шасси тогда дошли бы до переднего положения.

Чкалов разорвал единственный парашют, прикрепил лямки к выпускному тросу и начал тянуть изо всех сил.

Но даже огромной силы Валерия Чкалова оказалось недостаточно. Натянутый трос подвинул ногу шасси вперед только на несколько сантиметров.

Чтобы облегчить тяжелый труд Чкалова и инженера, я убавил скорость полета. Но и это не помогло. Друзья совершенно выбились из сил: пот катился с них градом. Беляков и радист начали им помогать. Но нога оставалась в прежнем положении.

Стала ясной бесполезность наших усилий. Инженер прилег. Он был бледен, у него кружилась голова.

Я подозревал Чкалова и предложил ему летать до тех пор, пока хватит горючего, хоть двое суток, но все же что-то придумать.

— Вот, Егорушка, милый, полетели... Что мы скажем Иосифу Виссарионовичу? — с сокрушением сказал Валерий.

— Садись теперь ты за управление, — попросил я.

Чкалов сел на переднее кресло и начал осторожно пилотировать поврежденный корабль. Я пошел к масляному баку и, присев рядом с инженером, стал ждать, пока он отдохнет.

— Ну, как? — обратился я после долгой паузы.

— Ох-хо-хо... тяжеловато... Вот так штука... — и он, вздыхая, полез снова в карман за схемой.

— А что, если удержать чем-нибудь ногу, когда при помощи рывков троса она будет подаваться вперед? Может быть, мы ее потихоньку и поставим в крайнее положение?

Инженер уже улыбался. Он оставил меня руководить бурлацкой работой — тянуть трос, а сам взял маленький ломик и скрылся внутри левого крыла.

В крыле было тесно. Инженер с трудом пробирался вперед сквозь переплет лонжеронов и подкосов. Ломиком он пробил крыло и увидел злосчастную стойку шасси. Обратно из крыла он выбрался радостный, хотя его лицо и руки были в крови. Он начал отдавать мне последние распоряжения.

Следуя им, я закрепил лямки за трос, позвал на помощь Белякова и радиста. Инженер скрылся опять в крыле, а мы вдвоем за широкой спиной Чкалова принялись за свою работу.

— Раз, два, взяли! — кричал я и изо всех сил тянул вместе с товарищами трос.

Каждый завоеванный сантиметр троса за-

креплял инженер. Когда мы отпускали лямку, трос уже не ускользал из наших рук. Я перехватывал его лямкой и вновь кричал: «Раз, два, взяли!» Так мы тянули долго, сколько — не помню. Помню только, как вспыхнула зеленым огоньком лампочка левой ноги самолета.

Чкалов радостно крикнул:

— Егорушка! Ребята! Все в порядке!

Я сел на масляный бак. Ныли спина и бок.

Но где же инженер? Уж не вывалился ли он? Я схватил переносную электролампу, полез в крыло и увидел жуткую картину: весь исцарапанный, запачканный кровью, он лежал в ажурном переплете нервюр и подкосов. Он застрял в них и не мог освободиться от бесконечных крючков. Я помог ему.

Только тут мы заметили, что солнце уже скрылось за горизонтом и над лесами ложилась вечерняя пелена тумана.

Принялись за вторую ногу шасси, но несмотря на все усилия, — нога не выходила.

Я полез в передний пилотский отсек к Чкалову.

— А что, если попробовать сесть с одним колесом? Помнишь, Валерий, как ты садился раньше? Покажи свое мастерство и на этот раз, и самолет будет спасен.

Чкалов посмотрел на меня веселыми глазами и буркнул:

— Пошли на посадку, а то ночью будет садиться похуже!

Затаив дыхание, ждали мы встречи с землей. Вот мелькнули верхушки сосен. Мотор резко оборвал свой рокот — Валерий выключил зажигание. Замелькала трава. Мгновение — и самолет плавно коснулся земли одной левой ногой и хвостовым колесом.

Он бежал ровно, слегка кренясь набок, с каждой секундой замедляя бег. Наконец, остановился.

Мы вылезли из кабины. Самолет был цел — подломился только узел правой ноги, которую нам в полете не удалось вытянуть.

Присутствовавшие на аэродроме М. М. Каганович и конструкторы самолета пообещали исправить поврежденный узел в два-три дня. Под шестерней подъемной лебедки самолета мы обнаружили сверло. Оно-то нам и испортило много крови, а на голове Чкалова из-за него появилась лишняя седая прядь.

Изумительный художник полета ни разу не обмолвился, что благодаря его искусству самолет NO-25 был спасен от тяжелой аварии. Я знал эту скромность в Чкалове и уже в комнате отдыха, поздней ночью, искренне пожал мужественную руку своего друга, в знак глубокой благодарности.

Спустя пять дней мы совершили последний контрольный рейс, после которого отправились к нашему любимому вождю Иосифу Виссарионовичу, чтобы сказать ему:

— Мы готовы к полету!

Войдя в кабинет, мы увидели товарищей Сталина, Молотова, Орджоникидзе и М. М. Кагановича.

Товарищ Сталин поздоровался с нами и сразу начал журить за чрезмерную доверчивость — он говорил о злосчастном сверле, которое оказалось в лебедке.

— Проверять нужно всегда, а в таком деле — особенно тщательно, — закончил Иосиф Виссарионович.

Расспросив, как все же удалось нам спасти машину, товарищ Сталин попросил Чкалова доложить о подготовке.

Чкалов повесил карту и стал подробно объяснять маршрут.

Иосиф Виссарионович увидел, что линия полета из Москвы шла прямо на север и лишь на 82° северной широты она свернула вправо, на острова Земли Франца Иосифа, и, наконец, через Северную Землю пошла на бухту Тикси и Петропавловск-на-Камчатке.

— Почему вы избрали такой северный вариант? — спросил товарищ Сталин.

— Это путь самый интересный — он даст возможность проверить экипаж и самолет в полете над Арктикой, про которую так много рассказывают страшного. Во-вторых, этот вариант позволит лететь при солнце, а это очень важно для астрономической ориентировки, — доложил Валерий.

— А почему не хотите лететь над Транс-

сибирской магистралью? Ведь здесь мы лучше вас обеспечим! — забеспокоился Молотов.

Мы с Беяковым стали убеждать Вячеслава Михайловича в том, что эта трасса «истоптана» нашими рейсовыми самолетами, а потому, с точки зрения исследований, она не представляет интереса.

В течение часа товарищ Сталин внимательно проверял наши расчеты и решения, и, когда убедился, что мы готовы, он уже шутливо спросил, указывая на сердце:

— Ну, говорите по совести, как у вас там, все в порядке? Нет ли там у вас червяка сомнения?

— Нет, товарищ Сталин, мы спокойны, мы готовы к полету.

Товарищ Сталин тепло и дружески заключил:

— Ну, хорошо, пусть будет по-вашему.

Пожелав нам в дорогу «ни пуха, ни пера», он подолгу задерживал наши руки в своих, заглядывая в глаза, и улыбался, как отец, управляющий сыновей в далекий и опасный путь.

Мы вышли из Кремля радостные и взволнованные, переполненные чувством любви к своему вождю, чей маршрут нам предстояло выполнить.

А после нашего ухода товарищ Сталин принял все меры к тому, чтобы обеспечить безопасность нашему экипажу. Было отдано распоряжение Северному и Тихоокеанскому флотам выделить дежурные корабли, Глав-

севморпути мобилизовать все средства на случай помощи.

Мы чувствовали эту искреннюю заботу и знали, что с нами в полет отправится страна, имя которой несут красные крылья нашего самолета, страна, идущая по Сталинскому маршруту.

ГЛАВА V

1. ПО СТАЛИНСКОМУ МАРШРУТУ

Через пять дней после совещания у товарища Сталина Чкалов приказал приготовиться к вылету.

К вечеру 19 июля все, что готовили многочисленные предприятия страны, было погружено в самолет. Здесь были радиостанции и лыжи, астрономические приборы и ружья, карты маршрута и набор разнообразнейших бутербродов, спальные мешки, резиновая лодка, пуд соли, заказанной лично Валерием Павловичем, и много всякой всячины, нужной в полете и для жизни на льду в случае вынужденной посадки. Все это тщательно раскладывалось в крыльях и фюзеляже огромного моноплана NO-25, поставленного на весы.

В ночь механики стали наполнять баки самолета всесильным эликсиром современной авиации — бензином.

А в это время врач, наблюдавший за нами, кричал на нашу тройку, укладывая спать.

И верно, с рассветом, в два часа, мы должны быть на аэродроме. Пора в постель.

Я с Валерием неразлучно жил в одной комнате, а Саша Беляков — в соседней.

Часов в одиннадцать вечера Беляков спалном праведника, а мы с Чкаловым завистливо прислушивались к безмятежному храпу своего товарища.

— Ну и Саша, как он умеет: приказал себе и уснул, вот это характер, — Чкалов завозился на постели и потянулся за трубкой.

— Накуриться нужно, трое суток придется воздерживаться.

— Да, брат, кури, я все выбросил из крыла, ни пачки табаку.

— Неужели, Егор, все выбросил? Врешь, поди? Наверное, где-нибудь оставил?

— Даю слово... — поклялся я.

— Ну да, ведь ты доктор! — и Валерий, посмеиваясь над моей новой профессией, вылез из-под одеяла.

— Знаешь, я думаю взять прокуренную трубку, будем хоть сосать, и то ладно.

— Это разрешаю, — и я потянулся за папиросой.

До рассвета оставалось два часа, а мы все еще не спали, рассказывая друг другу шутки и небылицы.

— Валерий, давай спать!

— Все равно — два часа не устроят.

— Это верно. Да нам не привыкать, — согласился я.

— За нас Саша выпится... — и мы деся-

тый раз открывали дверь, чтобы поглядеть на безмятежное лицо спящего Белякова.

— Валериан, а как думаешь насчет полюса?

— Не разрешат, Егор.

— А если дать радиограмму с Земли Франца Иосифа: «Просим прямо до полюса»?

— Неудобно. Но на всякий случай карты нужно иметь.

— У нас все приготовлено — и карты, и справочники, и даже расчеты к полюсу, — ответил я.

Валерий улыбнулся.

— Эх, с Иосифом Виссарионовичем поговорить бы сейчас, а?

Чкалов сел на койке, подобрав под себя ноги.

— Знаешь, Егор, пролетим по этому маршруту, экзамен перед Сталиным и страной выдержим, — тогда уж обязательно разрешат прямо через полюс...

— А всего-то от полюса пройдем в пять часов полета...

— Верно, почти рядом.

Но как ни велико было желание в этот полет подойти к полюсу и оттуда свернуть на Камчатку, мы все же ни на секунду не подумали нарушить слово, данное вождю.

Вскоре мы подняли с Валерием такой шум и гам, что даже Беляков проснулся раньше времени и приступил вместе с нами к купанию под душем.

Утро подкрадывалось медленно, расталки-

вая темноту. Мощные прожекторы освещали самолет, гостей, провожающих нас в перелет, и длинную бетонную полосу, заставленную автомобилями.

Мы приехали раньше срока, и, естественно, многое еще не было готово. Валерия Павловича, одетого в меховые унты и теплые обмундирование, начали атаковать многочисленные корреспонденты. Он был попрежнему спокоен, весел.

— Подождите, пролечу, тогда и расскажу, а сейчас не приставайте, — сдерживал Чкалов ретивых представителей прессы.

Над аэродромом засинело утреннее небо. Руководитель перелета М. М. Каганович взволнованно расспрашивал Чкалова о старте. Его пугал утренний туман, украдкой подбирившийся из-за леса и болотистых ложин.

Наконец, стало светло. Краснокрылый гигант послушно тащился за маленьким буксиром-тягачом. Вслед за самолетом шла процессия многочисленных гостей, прибывших из Москвы в Щелково.

В 2 часа самолет забрался на горку и, подняв высоко нос, гордо смотрел на белую стрелу бетона, по которой ему предстояло сделать разбег для прыжка в несколько тысяч километров.

Ну вот, пришла пора садиться в самолет. Прощаясь, Валерий подолгу трясет руки провожающих. Мы следуем его примеру.

В 2 часа 44 минуты 20 июля 1936 года тяжело перегруженный самолет NO-25 надол-

го отделился от Щелковского аэродрома и лег курсом на север.

Я сидел сзади Чкалова и по-детски радостно пожимал сильные плечи пилота за хороший взлет. Сколько перелетов начиналось и тут же заканчивалось при старте! Сколько катастроф и неудач были финишем печального начала! Вот почему в моем дневнике первые строки признания и уважения относятся к Чкалову.

Итак, прямо на север, к острову Виктория! Какое странное спокойствие на корабле! Чкалов сидит за штурвалом, часто поглядывает вниз, любуясь красивыми перелесками. Беляков ложится отдыхать. Я записываю очередную радиограмму. словно тысячу раз мы летали в такие рейсы — все идет уверенно, гладко, без тени напряжения.

Но это лишь обманчивая видимость.

На самом деле в голове каждого роятся десятки восторженных мыслей, воспоминаний, связанных с этим полетом.

Но у летчиков не принято изъясняться в чувствах во время полета: самолет — неподходящее место для такого дела, и поэтому каждый из троих думает об одном и том же про себя, прислушиваясь к ровному звону металла. А лица по-деловому сухи, и только глаза при встрече с глазами друга говорят об уверенности в победе, которую вселил экипажу сам товарищ Сталин.

2. НОЧЬ НАД ЗЕМЛЕЮ ФРАНЦА ИОСИФА

21 июля... Хотя часы показывали гринвичскую полночь, но над Землей Франца Иосифа солнце стояло высоко над горизонтом. Нашим взорам открылась сказочная панорама. Разбросанные ледниковые острова архипелага. Грозные льды, хаотически громоздящиеся под нами, — они как будто размолены силой невидимого титана. Чувствовалось безмолвие, оно страшит и в то же время манит ледяной красотой. Высота полета — три тысячи метров, местами — четыре тысячи.

Беляков усиленно работал по радио. Ему страшно хотелось связаться с зимовщиками Земли Франца Иосифа, с бухтой Тихой — единственными хозяевами островов, где погребено немало пионеров Арктики. «Привет славным зимовщикам от экипажа самолета NO-25», — посылает радиограмму Беляков. Я старался запечатлеть виденное фотоаппаратом. Острова уходят один за другим под самолетом. Валерий Павлович просит сменить его. Я сажусь на место летчика. Из передней кабины мысленно простился с Землей Франца Иосифа. Валерий Павлович лег в спальный мешок за моей спиной. Он хочет уснуть. Но я знал наверняка, что это самообман, а не сон. Действительно, не прошло и тридцати минут, как мой товарищ поднялся и начал подкачивать масло. Это трудоемкая, важная работа. Он ее успешно закончил и, вздраги-

вая от холода, вновь кутается в спальный мешок, Спи, спи, Валерий, скоро и я запрошу смены.

От кислородного голодания ныли ноги, точно у ревматика. Но это забылось, когда Беляков написал записку об уточнении курса на Северную Землю.

Все внимание — на компас. От сплошной белизны льдов и снега режет глаза... Мотору дан напряженный режим работы. Если это сердце нашей машины перестанет биться, значит — посадка на необитаемых льдах. Но эта мысль не возникла, так как мы верили в наш мотор. Верили не слепо. Мы знали многотысячный коллектив завода и верили в славных мастеров своего дела. Слушая работу мотора, мы чувствовали, что создатели мотора переживают перелет особенно остро. Не беспокойтесь — все до единого винтика будет четко до конца работать.

Прошли три часа. Чкалов попытался поест шоколада, но отложил его в сторону. Нет аппетита. Это признак начавшегося кислородного голода. Он выпил три рюмочки воды и полез в темноте сменять меня. Я выскользнул из передней кабины и пошел к Белякову. Он устал, но, как всегда, сосредоточенный, склонился над своими картами и компасами. Он определил Сомнерову линию по солнцу. Солнце ему улыбается полярной улыбкой, я замечаю улыбку и на его лице. Довольный, что у штурмана все в порядке, я пошел на маслобак — наше постоянное место отдыха, — чтобы попытаться уснуть.

В 19 часов 30 минут экипажу самолета была послана следующая радиোগрамма:

«Самолет NO-25

ЧКАЛОВУ, БАЙДУКОВУ, БЕЛЯКОВУ

Вся страна следит за вашим полетом. Ваша победа будет победой Советской страны. Желаем вам успеха. Крепко жмем ваши руки.

СТАЛИН
МОЛОТОВ
ОРДЖОНИКИДЗЕ
ДИМИТРОВ».

Нет слов, чтобы описать радость, охватившую Чкалова. Нет мерила, которое бы подсказало, сколько сил прибавили эти простые человеческие слова экипажу, продолжавшему полет над вечными и безмолвными льдами суровой Арктики.

3. ЧЕРЕЗ ОХОТСКОЕ МОРЕ

22 июля, три часа по Гринвичу. После надоевших облаков неожиданно открылось «окно». Внизу — город. Мы над Петропавловском — у цели. Пункт, указанный вождем нашей родины, Сталиным, достигнут. Перелет на Восток через суровую Арктику совершен!

Радость и волнение охватили экипаж. Срочно написали привет жителям Петропавловска

и сквозь нижнее окно самолета опустили выпел.

Саша вычислил курс на Николаевск. Я сменил Валерия и повел самолет по курсу 277° на Николаевск. Справа торчала окутанная густой курчавой шапкой облаков Корякская сопка, дальше — бескрайнее море облачности. Облака закрывали всю Камчатскую землю и видимую часть Охотского моря. Лишь временами появлялось «окно» в облаках, и сквозь него, с высоты четырех тысяч двухсот метров, мы видели волны одного из самых бурных морей.

Наш сухопутный красный самолет был надежен. Он имел крепкое сердце и твердые нервы, заключенные в стальных цилиндрах нашего мотора.

Шли напряженные часы, последние часы перелета. Запросили Николаевск и Хабаровск о погоде. По радио дали совсем не то, что нам нужно. Охотское море — штормовой ветер, туман с дождем.

Николаевск — нулевая видимость, густой дождь с туманом.

Экипаж напрягал все силы и нервы, стараясь трезво взвесить обстановку.

Моя вахта истекла. Вновь штурвал в руках Чкалова. Время — 6 часов 38 минут. Я подошел к Беякову, и мы совместно оценили обстановку. Предложили командиру опуститься к воде, чтобы войти в Амурский лиман и ночью идти над Амуром. Чкалов пошел на крутое снижение, и перед Сахалином мы выскочили на высоте пяти-

десяти метров. Началась неимоверная болтанка.

Усиленно стараемся вызвать Николаевск-Амуре, но он молчит. Очевидно, здесь местность такова, что не все радиоволны проходят. Ох, эти законы прохождения волн! На десятки тысяч километров они пробираются, а на сотни не могут. Но теперь не до технических рассуждений.

Самолет резко треплет, хвостовое оперение вздрагивает. Дождь стал настолько сильным, что определить расстояние до воды было трудно. Чкалов впился в руль, напряженно всматриваясь в туманную мглу. Но вот мелькнуло восточное побережье Сахалина. Мы точно вышли на маршрутный пункт. Земля облегчила вожделение самолета. Но остров кончился, и вновь буруны Татарского пролива перед нашим взором.

Погода настала такая, что уже в двух метрах воду различить было трудно. Вдруг слева, выше плоскостей, мелькнула земля. Очевидно, гора мыса Меншикова. Есть опасность врезаться в скалу. Приняли решение пробиться вверх и своим излюбленным методом — полетом над облаками — пойти на ночную посадку в Хабаровск. Чкалов набирал высоту. Быстро двигалась стрелка альтиметра. Тысяча пятьсот метров. Сплошное молотиво тумана. Начиналось быстрое падение температуры воздуха. Стабилизатор покрывался льдом. Признак весьма скверный.

Тянулись тяжелые секунды. Высота — две тысячи пятьсот. Я сидел на радиопередатчике.

Чувствую резкие удары и сильную тряску. Обледенение прогрессировало. Окна затянулись слоем льда. Я радировал в Хабаровск и Николаевск об обледенении самолета. Чкалов срочно убавил газ и пошел на снижение. Удары стихли, самолет летел ровно.

С высоты пятнадцати метров увидели воду, а через секунду какой-то островок, прикрытый туманом. Дождь и туман попрежнему преследуют нас. Стало еще темнее. Войти в таких условиях в горы Приамурья было бы нелепостью. А пройти облака невозможно. В борьбе с обледенением техника еще не добилась удовлетворительных результатов. Что же поделаешь? Мы сделали еще попытку связаться по радио с Николаевском. Безрезультатно. Дали радиogramму в Хабаровск. Через несколько секунд ловим слова: «Приказываю прекратить полет, сесть при первой возможности. Орджоникидзе». Выбираем место посадки. Чкалов уверенно ведет машину на остров Удд.

4. ПОСАДКА

Мотор утих, слышен только шелест винта. Да, идем на посадку... Сначала бурное море с кипящими волнами, затем осока, песок, галька. Я сижу за спиной Чкалова, сквозь узкую щель открытого бокового окна передней кабины наблюдаю место посадки. В момент, когда самолет чуть не коснулся земли, замечаю овраг, кричу об опасности Вале-

рию, но он этот овраг видит сам и быстро дает газ. Мотор, как всегда, безотказен. Делаем небольшой прыжок в воздухе, затем газ убран, и снова земля мелькает под нами. Сплошное полотно постепенно превращается в быстрый бег гальки, песка, травы. Скорость гаснет.

Самолет постепенно идет вниз. Быстро перехожу к радиорубке и укрепляюсь, занимая позицию на случай аварии. Но вот первое касание, довольно плавное. Через несколько секунд мы, усталые, вылезает из машины и кидаемся к шасси. Все в порядке, самолет цел.

Погасло солнце — молчаливый наш спутник во время счастливого перелета по Сталинскому маршруту.

Солнце мы полюбили по-особенному, оно стало нашим близким товарищем. Да и есть за что полюбить его! Ведь фактически по нему в течение почти всего беспосадочного перелета мы вели общую ориентировку. И кто знает, что бы могло случиться, если бы не было его с нами на ответственном участке перелета: остров Виктория — Якутия...

При морозящем тумане в меховых унтах мы выглядим чудовищами. Подходят гиляки, русские рыбаки и смотрят настороженно — очевидно, смущает иностранная надпись на крыльях. Начинаем с ними заговаривать, и, когда островитяне узнают, что мы советские летчики, их радость безгранична.

До темноты мы пришвартовываем самолет к земле. Нам не верят, что мы из Москвы через Петропавловск прилетели на их остров.

Я еще не могу осмыслить всего значения нашего пути. То же и товарищи. Усталость берет свое, и, прислонившись к крылу, несколько минут с закрытыми глазами отдыхаем. Чкалов двигается медленно. Сказывается полет и последние минуты необычного напряжения воли и нервов...

Задание правительства выполнено. Сталинский маршрут претворен в жизнь, благодаря настойчивости и максимальному старанию экипажа, чуткой и дружной помощи всей страны. Эта мысль будит в нас новые силы, и мы с колхозниками, оставив охрану у самолета, дружной семьей идем в темноте на огоньки поселка, которые так манят нас, утаивших от работы в воздухе.

Но вот и чей-то домик. Бросается в глаза, как несуразно он построен, хотя и покрыт кажется, железом. Нас приветливо встречают Фетинья Андреевна Смирнова и ее муж. Мы медленно раздеваемся. Керосиновая лампа тускло освещает скромно, но со вкусом обставленную комнату; Фетинья Андреевна оказалась аккуратной и культурной хозяйкой. А когда увидели на стене портреты товарищей Сталина и Ворошилова, мы сразу почувствовали себя как дома в этой комнате, так далеко отстоящей от столицы необъятного Союза.

Бутылочка коньяку, галеты, шоколад, кормеф окончательно переключили строй наших мыслей, хотя в ушах еще гудела веселая, ровная песнь советского мотора и звенели позывные РТ и УО. Однако после первой же

рюмки коньяку и плотной закуски мы все как-то раскисли, захотелось спать. Вскоре, развалившись на полу на спальных мешках, мы уже спали как убитые. Снов никто из нас не видел, и мы не жалели об этом: ожидавшая нас действительность была лучше самого прекрасного сна.

5. ПОСЛЕ ПОЛЕТА

На следующий день все газеты Советского Союза опубликовали официальное сообщение:

«Беспосадочный дальний перелет летчиков

ЧКАЛОВА, БАЙДУКОВА и БЕЛЯКОВА

Экипажу самолета NO-25 было дано задание: пролететь без посадки по маршруту Москва — Баренцево море — Земля Франца Иосифа — мыс Челюскина до Петропавловска-Камчатке. В дальнейшем, при наличии благоприятных условий и погоды, самолету следовать дальше по направлению Николаевск-на-Амуре — Чита.

Экипаж самолета блестяще справился с поставленным заданием. Пробыв в воздухе пятьдесят шесть часов двадцать минут, самолет покрыл расстояние в девять тысяч триста семьдесят четыре километра, из них восемь тысяч семьсот семьдесят четыре километра по заданному маршруту и шестьсот километров

на обход циклонов в районе Северной Земли и Охотского моря.

При полете экипажу самолета пришлось преодолеть исключительные трудности. В районе Северной Земли NO-25 попал в сильный арктический циклон с многоярусной облачностью. В течение пяти с лишним часов экипаж пробивался на высоте более четырех тысяч метров слепым полетом при лобовом ветре, временами достигающем до семидесяти километров в час, при обледенении самолета.

Героический экипаж NO-25 преодолел все трудности перелета через Становой хребет.

Успешно достигнув Петропавловска-на-Камчатке, самолет, сбросив над городом вымпел, взял курс на Николаевск-на-Амуре.

В Охотском море на пути из Петропавловска на Николаевск NO-25 попал в исключительно сильный южный циклон, с густым туманом и сильной облачностью, что привело к сильному обледенению самолета.

Как только Наркомтяжпром получил сообщение об исключительно тяжелых метеорологических условиях полета, Народный комиссар тяжелой промышленности товарищ Орджоникидзе, считая, что задание уже выполнено экипажем, отдал командиру NO-25 товарищу Чкалову по радио приказ прекратить дальнейший полет.

В тринадцать часов сорок пять минут товарищ Чкалов с исключительным мужеством и мастерством, в сплошном густом тумане, совершил посадку западнее Николаевска-на-

Амуре, на маленьком прибрежном островке Удд.

Из девяти тысяч трехсот семидесяти четырех километров пройденного пути самолет NO-25 пролетел над Баренцевым морем, Северным Ледовитым океаном, Охотским морем около пяти тысяч ста сорока километров.

Самочувствие товарищей Чкалова, Байдукова и Белякова, несмотря на колоссальное напряжение сил, которого потребовал беспримерный перелет, хорошее. Самолет в порядке.

Главное управление авиационной промышленности Наркомтяжпрома.

Постепенно мы начали понимать, какую радость принесли родине.

Сотни телеграмм и тысячи приветствий посыпались к нам от граждан всей нашей необъятной страны. И только Валерий не на шутку всполошился, побавляясь, верно ли нас поняли и не ввели ли мы в заблуждение народ.

— Неужели так велико значение полета? Ну, что мы особенного сделали? — часто обращался к нам Валерий. — Я, ребята, думаю, что каждый бы так выполнил задание товарища Сталина, как мы, грешные, — и Чкалов, посасывая трубку, долго ходил по маленькой комнатухе, о чем-то раздумывая...

24 июля, ранним утром, с самолета, прилетевшего из Николаевска, к нам пришла самая дорогая весть: приветствие и поздравле-

ние Сталина, который вместе с народом радовался нашему успеху.

«Экипажу самолета НО-25

ЧКАЛОВУ, БАЙДУКОВУ, БЕЛЯКОВУ

Примите братский привет и горячие поздравления с успешным завершением замечательного полета.

Гордимся вашим мужеством, отвагой, выдержкой, хладнокровием, настойчивостью, мастерством.

Вошли в Центральный Исполнительный Комитет Советов Союза с ходатайством о присвоении Вам звания Героев Советского Союза и выдаче денежной премии командиру самолета Чкалову в размере тридцати тысяч рублей, летчику Байдукову и штурману Белякову — по двадцать тысяч рублей.

Крепко жмем вам руки.

СТАЛИН, МОЛОТОВ,
ОРДЖОНИКИДЗЕ,
ВОРОШИЛОВ, ЖДАНОВ».

Чкалов десятки раз перечитывал телеграмму. Его руки слегка вздрагивали, а мысль вникала в каждое слово.

— Вот оно что... А ведь мы и не думали, что в нашу жизнь столько вольют силы и радости...

И он вновь начал просматривать сообщение.

— Егор, а может ли кто-нибудь из зару-

бежных летчиков даже мечтать о таком счастье?..

— Не думаю, — ответил я, разглядывая сияющую физиономию командира.

— Вот то-то и оно... В силе всего народа сила наших летчиков.

Валерий вдруг засуетился, забежал по комнате.

— Ребята, где мой летный шлем с очками? — кричал он веселым, задорным голосом.

— Ты это куда заспешил?

Валерий подошел к столу.

— Я думаю, что нужно сейчас слетать в Николаевск и передать ответ товарищу Сталину.

Мы с радостью отпустили Валерия, зная, что высокие человеческие чувства прекрасно-го пилота будут руководить им, когда он, от имени всех, поблагодарит страну и товарища Сталина за ласку и внимание.

6. ДЕНЬ НА ОСТРОВЕ УДД

29 июля. Прошло только шесть дней, как мы сели на острове. А кажется, как много прошло времени! Мы так быстро обвыклись, осмотрелись. У нас за день бывают десятки различных представителей района, области, и мы совершенно не чувствуем отдаленности острова, отстоящего от города на десятки километров.

Каждый день по утрам и вечерам здесь стоят густые туманы, а к полудню, когда ту-

ман рассеивается, открывается штормующее море. Волны яростно набрасываются на берег, постепенно увеличивают нанос гальки у нашего островка. Куда ни посмотришь, кругом виден песок и горы круглых, отполированных водой камешков.

Из Николаевска ежедневно курсируют амфибии-вездеходы, а также два крупных морских самолета. Летят с советами, помощью, с телеграммами, продовольствием. У самолета на вахте стоят моряки-пограничники, они ревностно оберегают машину, крепко помогают нам.

Сторожевой корабль пограничников «Держинский» стоит на якоре вблизи острова. Моряки — самые частые и дорогие гости. Сегодня пограничники снабдили нас мелкокалиберными ружьями для охоты. Чкалов подстрелил кулика. Мне посчастливилось подстрелить кулика из маузера. Наша хозяйка квартиры, Фотя, собирается приготовить из дичи вкусное блюдо. А. В. Беляков продолжает работать над своими записями и корреспонденциями. Приходится охотиться вдвоем.

Днем с очередными самолетами прибывает много корреспонденции, в большинстве приветствия. Они нас радуют, бодрят. Через них мы глубоко чувствуем нашу связь с родиной, с каждым гражданином Советской земли. Повседневно чувствуем заботу не только местных организаций, но и Центрального Комитета партии и правительства. Мы сейчас совершенно не ощущаем отдаленности от цен-

тра нашей родины, в этом, я думаю, самая замечательная черта нашего социалистического отечества. Жизнь во всех уголках Союза бьет с одинаковой силой и энергией. Здесь только чувствуется больше настороженности, но это вполне понятно.

Гиляки, колхозники-охотники, встретившие было наше появление на острове недружелюбно, так как полагали, что это «чужой самолет», теперь дружно помогают нам, когда требуется. Никто не остается дома, все идет к самолету, работают, стараются изо всех сил, готовя площадку для взлета.

7. ФИНИШ

Наш путь от Хабаровска до Москвы был настоящим триумфальным шествием советской авиации.

Мы останавливались в Чите, Красноярске и Омске. И всюду нас встречали криками «ура» в честь великого Сталина, по маршруту которого мы летели, встречали приветствиями в честь победы советской авиации.

Летать дальше и выше всех — этого желали нам все встречавшие нас, весь народ горит желанием, чтобы наша авиация была еще сильнее, об этом нам писали и на остров Удд, когда мы там ожидали, пока будет сделан помост для взлета.

На далеком острове, чувствуя заботу и любовь наших сограждан, провели мы незабываемые минуты, читая драгоценные строки,

подписанные родным товарищем Сталиным, товарищами Молотовым, Ворошиловым, Ждановым и Орджоникидзе. Велика была наша радость. Мы счастливы были, что страна удостоила нас звания Героев Советского Союза.

В дни нашего вынужденного отдыха на острове Удд каждый из нас, счастливых пилотов сталинской эпохи, много передумал и перечувствовал. В полете над льдами Арктики, над суровыми горными хребтами Якутии, над бурным и туманным Охотским морем, над сопками Забайкалья и Уральскими горами — всегда и везде мы непрерывно ощущали ласковую руку родины, готовую в любую минуту опасности поддержать нас.

«Мы были бодры и уверены в себе. И эту бодрость вселил в наши сердца товарищ Сталин. Великий Сталин указал нам маршрут. Великий Сталин приветствовал экипаж в полете. И поэтому мы могли только победить, победить во славу нашей любимой страны, во славу величайшего человека нашей эпохи.

Это состояние радости и благодарности мы сохраним на всю жизнь, с этим чувством мы летели в обратный путь, ощущая, как каждый оборот винта, приближая нас к родной Москве, заставляет все чаще и чаще биться наши сердца».

Но вот, наконец, и Москва. Замкнулся географический четырехугольник Москва — Земля Франца Иосифа — Петропавловск-на-Камчатке — Хабаровск — Москва.

Самолет плавно катится по знакомому аэродрому, подпрыгивая на невидимых бугорках и кочках. Пробег у нашей машины порядочный. Поэтому терпеливо ожидаем, когда она остановится. Дюралевые листы обшивки и баков похрустывают, как косточки. Мотор на малом газу работает тихо-тихо. Наконец, самолет останавливается.

Перелет окончен.

Все, кроме Чкалова, выпрыгнули на землю. Надо освободить самолет, чтобы легче было рулить.

Чкалов выглядывает сквозь окна пилотской кабины. Сейчас подбежит или подъедет борттехник. Но вот мы видим, как от дорожки отделяется легковая машина, а за ней еще несколько. Авто останавливаются около хвоста самолета. И из первой машины выходят товарищи Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. Мы не верим своим глазам. Нас, трех обыкновенных летчиков, всего лишь выполнивших свой долг, встречают члены Политбюро и правительства.

Машу рукой Чкалову и кричу ему:

— Спрыгивай!

Но он опережает меня. Быстро выскочив на крыло и в спешке не нащупав ногой стремянки, он скатывается по красной полированной обшивке на землю. Чкалов взволнован: почти бегом, крупными шагами, он идет навстречу вождю народов.

— Товарищ Сталин, маршрут окончен. — старается, поборов волнение, рапортовать Чкалов, но товарищ Сталин, весело и дружески

улыбнувшись, широко раскинул руки, крепко обнял его и расцеловал. Смеясь, он передал Чкалова в объятия товарища Ворошилова, а сам шагнул к растерянному Белякову и расцеловался с ним и со мной. Мы переходили из объятий в объятия.

— Климент Ефремович! Я воспитан Красной Армией. Мои успехи есть успехи Красной Армии, — отвечает на приветствия товарища Ворошилова Чкалов.

— Знаю, знаю, — говорит, улыбаясь, товарищу Ворошилов, — идемте к трибунам.

Товарищу Сталин расспрашивал нас о пути, о последнем этапе, о самочувствии. Он ласково обнимал Чкалова.

Чкалов пытался рассказать все подробно и обстоятельно.

Товарищу Сталин, смеясь, поднял руку:

— Вам надо отдохнуть. Ведь вы устали, — сказал он.

К месту посадки подбежали пионеры с цветами. Увидев товарища Сталина, они на минуту замешкались, а затем беспорядочной гурьбой кинулись к нему. Иосиф Виссарионович обнял детей, ласково потрепал их по волосам и пошел вместе с ними вперед к автомобилю. Дети передали товарищу Сталину букеты цветов.

— Это героям. Дайте все цветы Чкалову, Байдукову и Белякову, — сказал Иосиф Виссарионович.

Тогда вся эта армия пионеров с восторженными лицами и горящими глазенками кинулись к нам. Вмиг Чкалова облепила це-

лая группа. Цветов так много, что их некуда девать.

В это время нас «атаковали» фоторепортеры.

Медленно пробираемся к трибунам. Среди встречающих наши близкие: жены, сестры, отцы, братья и дети. И здесь видна та же заботливая рука, доставившая наших родных на аэродром не только из Москвы, но и из других мест Союза.

Появление на трибуне вождя народов вызвало такую овацию собравшихся, что в едином возгласе восторга потонул даже шум пролетающих самолетов.

Товарищу Сталин, товарищи Ворошилов, Серго Орджоникидзе, Л. М. Каганович вместе с членами ЦК и правительства поднялись на трибуну.

Под бурные аплодисменты Серго открыл митинг и произнес приветственную речь:

— Эти товарищи, — Серго указал на нас, — получив путевку у великого Сталина, получив у него маршрут, начертанный его рукой, на нашем самолете, с нашим мотором, построенным из наших материалов, нашими инженерами, нашими рабочими, покрыли огромное пространство при невероятно тяжелых условиях. Никогда еще в истории авиации не было такого перелета...

Под руководством нашей партии, — продолжал товарищу Орджоникидзе, — мы победили в Октябрьские дни. Под руководством нашей партии в годы гражданской войны мы отстаивали и отстаивали советскую власть от белогвардейцев и интервентов. Под руковод-

ством нашей партии мы победоносно строим социализм в нашей стране. С путевкой товарища Сталина наша страна идет от победы к победе.

— Да здравствует вдохновитель наших побед, организатор наших побед — наш великий Сталин! — под гром аплодисментов, крики «ура» и звуки «Интернационала» закончил свою речь товарищ Орджоникидзе.

Затем взял слово товарищ Ворошилов. Климент Ефремович сказал:

— Наша страна — страна великих Ленина и Сталина, страна непрерывных побед — обогатилась еще одной новой победой, и притом в области наиболее трудной, в области завоевания воздуха...

Нет сомнений, — продолжал товарищ Ворошилов, — что эта великая победа, этот подвиг наших летчиков, является первым камнем в фундаменте того величественного здания, которое будет построено из новых, еще более замечательных побед и подвигов людей нашей славной родины.

Наши герои — плоть от плоти, кровь от крови нашего великого народа. Они росли вместе с ним под руководством партии большевиков, под непосредственным личным руководством Сталина и выросли в героев нашей Великой Советской Страны.

Эти герои — сыны нашей славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, выращены и воспитаны в ее рядах. Красная Армия гордится ими, передовыми борцами за наше общее дело.

Все мы знаем, что если придется с оружием в руках отстаивать строительство социализма в нашей стране, грудью встать на защиту ее границ, эти герои будут в первых рядах наших бойцов, они проложат путь туда, откуда враг посмеет напасть на нашу социалистическую родину.

И таким же громом аплодисментов и криками «ура» были покрыты заключительные слова товарища Ворошилова:

— Да здравствует великая партия Ленина — Сталина!

— Да здравствует вдохновитель и кормчий нашей великой страны, великий Сталин!

И опять овация в честь товарища Сталина и его ближайших соратников.

Затем к микрофону подходит Чкалов. Волнуясь, он стоит под градом приветствий и осматривается по сторонам, ожидая, пока ему удастся начать говорить.

Чкалов, часто прерываемый аплодисментами и криками «ура», говорит медленно, обдумывая каждое слово, словно проверяет, согласны ли мы с ним. Ведь он говорит за всех нас.

— Товарищи, — тихо и волнуясь, начал Чкалов, — на долю нашего экипажа в составе трех человек выпала великая задача выполнить задание великого вождя, нашего отца, учителя — товарища Сталина. Возложенную на нас задачу мы выполнили.

Мне здесь хочется сказать, товарищ

Сталин, что нас не три человека, а нас тысячи людей, которые так же могут выполнить любой ваш маршрут, товарищ Сталин.

Товарищ Народный комиссар обороны, каждый юноша сумеет встать на защиту нашей великой родины и заветов Ильича по первому слову великого нашего товарища Сталина.

Товарищ Народный комиссар тяжелой промышленности, то, что мы выполнили Сталинский маршрут, показывает, что Наркомтяжпром работает хорошо и делает прекрасные вещи. NO-25 построен предприятиями Главного управления авиационной промышленности, и мотор также построен ГУАП. Этот мотор переработал все свои сроки. И мы его не сняли на обратном пути, на этом же самом моторе полетели сюда.

Товарищи, кое-кому из наших соседей нужно призадуматься. С такой материальной частью мы сумеем покрыть любое расстояние. какое укажет наш великий Сталин.

Да здравствует ЦК партии, да здравствует великий вождь товарищ Сталин!

Последние слова нашего командира тонут в криках «ура», буре аплодисментов и «Интернационале».

Товарищ Орджоникидзе объявил митинг закрытым. Товарищ Сталин тепло прощается с нами.

— Товарищ Сталин, — говорит Чкалов, — я привез вам подарок от амурских охотников.

— После, после, успеется, — отвечает Иосиф Виссарионович и спускается с трибуны к машине.

Чкалов достает папиросу, закуривает и глубоко затягивается.

— Пятнадцать часов не курил, — словно извиняясь, говорит он.

Я хорошо понимаю Чкалова. Наш самолет еще шел на посадку, а я уже приготовил папиросу и, как только машина остановилась, опрометью выскочил из нее и успел сделать несколько затяжек.

Мы сели в машины, украшенные гирляндами цветов, и двинулись в Москву. Огромное впечатление производили многотысячные толпы народа, встречавшиеся по всему пути от Щелкова до Москвы и в особенности в самой Москве. Вот тысячи и тысячи приветственных листовок, словно снег, сыплются на улицу с крыш и балконов. Однако и тут мы остались верными себе. Мы заметили, что листовки медленно падают на асфальт. Бросающие их, повидимому, не знают аэродинамических свойств листов бумаги, падающих сверху на узкую улицу. Листки падают так медленно, что попадают, главным образом, в задние машины...

Триумфальный полет в Москву, радость новой встречи на Щелковском аэродроме с вождем народов товарищем Сталиным, членами ЦК и правительства, ужин в Наркомтяжпроме, устроенный в честь участников пе-

релета, радость и гордость за советскую авиацию и ее новую победу переполнили наши сердца. Мы искали слов, чтобы передать наши чувства, и не находили их.

Лучше всех это состояние определил Чкалов, который в своей речи на вечере в Кремле сказал, что те чувства, которые испытывали мы и тысячи других людей в связи с перелетом, нельзя выразить никакими словами, кроме одного.

«В богатом многообразном русском языке, — сказал Чкалов, — нет другого более глубокого, более теплого слова, чтобы выразить наши чувства, чем слово СТАЛИН».

Вечером следующего дня нас пригласили в редакцию газеты «Правда» к товарищу Мехлису.

В отношениях с «Правдой» мы как-то незаметно перешагнули официальную грань, найдя товарищеские нити связей, и потому приглашение Мехлиса было встречено экипажем радостно. Наша беседа затянулась надолго, товарищ Мехлис интересовался настроением, здоровьем и планами будущей работы экипажа.

Но самым замечательным на этом вечере был конец, когда Чкалов, Беляков и я передали товарищу Мехлису заявление в ЦК ВКП(б) о приеме нас в партию. В экипаже было двое беспартийных и я — кандидат ВКП(б). Валерий многое пережил и передумал и теперь с необычайным волнением

глядел на товарища Мехлиса, читавшего заявление Чкалова:

В ЦК ВКП(б)

Прошу о принятии меня в члены великой партии Ленина — Сталина.

Буду все силы отдавать за дело партии, за проведение в жизнь директив вождя и учителя великого Сталина.

Командир NO-25 ЧКАЛОВ

— Я рад, товарищ Чкалов! — Давно нужно было это сделать.

— Передам ваши заявления товарищу Сталину, — заключил товарищ Мехлис.

Через несколько дней решением ЦК ВКП(б) нашу тройку приняли в члены Великой Коммунистической партии. Радость лилась через край чувствительной и мягкой души Чкалова. Он был тронут огромным доверием партии и поклялся положить все силы, чтобы оправдать надежды ЦК.

ГЛАВА VI

1. НА ЮГЕ

После прилета в Москву в течение долгого времени Чкалов не знал покоя, выступая то на многотысячных митингах москвичей, то рассказывая о полете своим бесконечным друзьям и знакомым.

С трудом нам удалось вытащить Чкалова из Москвы на юг, чтобы отдохнуть всем вместе после перелета.

Природное здоровье волгара позволяло Чкалову не считаться с мнением докторов, но товарищам он отказать не смог, и мы трое, с семьями, вскоре прибыли в Сочи.

Санаторий был рад приезду таких гостей, и лишь доктор не знали, каким образом можно затащить Чкалова на какую-нибудь процедуру, в пользу которых Валерий почти не верил. Он больше всего увлекался бильярдом или пропадал целые дни на пляже, зачитываясь книгами. А когда наступал шторм, Чкалов тянул меня к морю, и мы иногда, не вытерпев, бросались в гущу пены бесившихся волн.

Однажды, в результате такой затеи, мы отделались легким испугом, но зато следу-

ющий шторм наградил кровоподтеками и шишками наши буйные головы и непослушные ноги. Правда, синяки проходили быстро, и мы забывали уроки неудач, вновь пытались посостязаться со стихией. Добродушный директор санатория был в панике, не зная, что делать с такими оригинальными пациентами.

Чкалов часто успокаивал его:

— Ты не обижайся, а пойми: ведь где, как не здесь, можно потренироваться на случай вынужденной посадки на воду. Посмотрел бы ты на Охотское море — вот там штормит, так штормит, а тут ведь курортное море... — и он, обняв директора, тащил его в бильярдную, чтобы выяснить, кто же все-таки полезет под стол после проигрыша.

В один из дней нашего пребывания в Сочи, часов в десять утра, когда все еще сидели за завтраком, раздался телефонный звонок. К аппарату вызвали Чкалова. Он вышел в коридор и спустя несколько минут позвал меня. Я увидел взволнованное лицо Валерия. Это было необычайно для него.

— Слушай, Егор, товарищ Сталин сегодня, в шестьнадцать часов, приглашает нас с женой к себе, — сказал Валерий тихим, взволнованным голосом.

— Что ты с утра начинаешь фантазировать? — пошутил я и повернул было прочь.

Но выражение глаз моего друга и его слегка вздрагивающие пальцы, потянувшиеся к коробке за папиросой, заставили меня пове-

рить, что, может быть, он и не шутит. Да и разве можно шутить такими вещами?

И мною овладело волнение. Сердце заби-лось частыми, радостными ударами.

— Да, да, Егор! Ровно в шестнадцать ча-сов к товарищу Сталину, — сказал Чкалов.

Счастливые, мы побежали к своим женам поделиться важной новостью. Не описать их радости и изумления.

Буквально через пять минут с завтраком было покончено.

Каждый по-своему переживал предстоящую встречу. Но в одном мы были единодушны: поскорее закончить свои личные приготовления! И вот — кто пошел к парикмахеру по-бриться, кто начал отглаживать платье, кто бегом бросился на берег купаться. То и дело поглядывали мы на часы, и каждый из нас втайне проклинал этот механизм, так медлен-но передвигающий стрелку... Хотелось ско-рей увидеть еще раз этого чудеснейшего чело-века, близкого друга по нашей работе. Но, как ни торопись, солнце диктует время. Наконец, стрелка подползла к 15.30.

Пора выезжать, а Чкалов никак не может напаялить крахмальный воротничок. Он спе-шит, со всех сторон на него кричат, торопят... В конце концов, я предложил ему надеть шелковую косоворотку. Валерий послушался. Через десять минут мы уже мчались на ав-томобиле вслед за Михаилом Ивановичем Калининным к товарищу Сталину.

Товарищ Сталин и Жданов встретили нас на улице у парадного входа. Сталин радуш-

но здороваясь, внимательно оглядывал каж-дого. Очевидно, он проверял, понабрались ли мы на курорте сил.

Исключительная простота, искренняя скромность товарища Сталина сразу привле-кают к нему и вызывают необыкновенное чувство расположения. Товарищ Сталин зна-комится с моей женой и женой Белякова. Рас-спрашивает, как отдохнули. Затем ведет к даче, по дороге рассказывая о каждом кустике и дереве, которых так много здесь. Видно, Сталин очень любит фруктовые деревья.

У одного лимонного куста он заботливо поправляет бамбуковую палочку, поддержива-ющую отяжелевшие от плодов ветви.

Срывает листья эвкалипта, растирает на руке и дает понюхать. Сильного запаха эвкалипта, оказывается, не терпит малярийный комар. Мне очень неловко, что я не знаю дей-ствия этого замечательного дерева. Иосиф Виссарионович рассказывает нам о том, как американцы и англичане избавлялись от ко-маров во время постройки Панамского кана-ла и при освоении болотистой Австралии.

Так мы незаметно обошли весь сад. За-тем, обратившись к гостям, — не пора ли ку-шать? — наш хозяин повел нас к себе и пред-ложил осмотреть комнаты. Здесь было все исключительно просто, чисто.

По пути в столовую Сталин пооткрывал шторы и оконные рамы, спросил, готов ли стол. Зашел разговор об авиации.

Иосиф Виссарионович возмущенно стал говорить о том, что конструкторы и заводы

еще мало работают над усовершенствованием электрообогревания, что часть вины за это ложится и на летчиков, которые не следят за своим здоровьем и не требуют от промышленности улучшения условий их работы. Сталин тонко подмечал наши авиационные недостатки, обнаруживая при этом явное недовольство тем, что еще не все летчики пользуются парашютом при аварийных положениях. Лучше построить тысячи новых самолетов, чем губить летчика! Человек в глазах Сталина — самое дорогое.

Затем зашел разговор о метеорологии. Товарищ Жданов был когда-то большим любителем этого дела. Он рассказал, что во время нашего перелета внимательно следил за изменениями метеорологической обстановки. Я обнаружил, что Жданов прекрасно разбирается в законах метеорологии, отлично знает названия стационарных циклов Европы и Севера.

Так, оживленно беседуя, мы всей группой подошли к веранде, на которой были видны расставленные кегли. Иосиф Виссарионович предложил сыграть. Сам первый взял шар и ловко пустив его по доске, сбил короля и несколько солдат. После него стал играть Беляков. Он долго пускал шары, пока не приспособился докатывать их до места назначения.

Когда мы наигрались вдоволь, товарищ Сталин посоветовался с гостями — не пора ли приступить к обеду? Все выразили согласие. Он повел нас к столу. За обедом все держа-

лись непринужденно и весело: так приветлив был хозяин. Я все время чувствовал себя необыкновенно легко, как на большом веселом празднике.

После обеда наша тройка обратилась к товарищу Сталину с планами насчет полета через Северный полюс. Иосиф Виссарионович доказывал, что мы еще недостаточно изучили все материалы и что к этому делу нужно еще крепче подготовиться, что нужно как следует изучить метеорологические условия. Нужны еще метеостанции. С этим нельзя рисковать, нужно делать все без «авось», наверняка.

Сталин любит авиацию. Он с увлечением говорил о полетах Коккинаки, Алексева, Юмашева и других летчиков.

Незаметно разговор перешел на прошлое. Иосиф Виссарионович рассказал нам, как, будучи в ссылке, он чуть не погиб в Енисее, когда провалился в полынью и вынырнул уже обледеневшим перед глазами собравшихся у проруби женщин. Женщины с испуга бросали коромысла, ведра и убежали в деревню. Долго пришлось уговаривать, чтобы пустили отогреться. Только исключительно крепкий организм спас его тогда от смерти.

Потом Иосиф Виссарионович рассказывал, как во время возвращения из ссылки один ямщик вез его за «аршин водки». Ямщик подрядился добросовестно везти только при условии, если на каждой остановке будет получать сверх всего этот самый «аршин водки».

Аршин составлялся в длину из стопок, в которых подавалось вино на дорожных постоялых дворах. Ямщик оставался доволен пунктуальным выполнением договора, после каждой станции он веселел и веселел. И, наконец, при прощании все говорил товарищу Сталину:

— Хороший ты мужик. Откудова ты такой, парень?

Во время этого рассказа Иосифа Виссарионовича я сидел рядом и видел, как поблескивали его глаза, как они загорались искренним смехом. Он умеет так рассказывать, что слушатели от души хохочут вместе с ним.

Перешли в просторную соседнюю комнату. Сталин показал карточки своих детей. Он с большой нежностью говорил о дочке Светлане. Она недавно уехала в Москву. У нее начались занятия в школе.

— Она у меня дисциплинированная: раз начались занятия — значит, нужно учиться!

Иосиф Виссарионович бережно поставил карточку на место. Мы стали просить, чтобы он отдал нам на память фотографии, где он снят вместе с ребятами. Что делать с такими напористыми гостями? Он отложил для нас три карточки.

Сталин просит молодежь потанцевать. Сам идет выбирать пластинку, заводит патефон, ставит плясовую.

Когда танцоры исчерпали свой репертуар, Сталин, все еще не отходивший от патефона, выбрал пластинку с хоровой волжской песней. Поставив ее, он сам стал подпевать, и

мы хором грянули протяжную русскую песню. Сталин, видимо, в Сибири выучился петь и очень ладно подтягивал запевавшему Жданову. Я также подтягивал. Так мы дружно пели бы еще и еще, если бы не пора было собираться Михаилу Ивановичу Калинин.

После проводов Калинина Чкалов лег отдохнуть на кушетку и крепко заснул. Иосиф Виссарионович достал одеяло, тщательно накрыл Валерия. Открыв настежь дверь веранды, Сталин вновь начал развлекать нас плясовыми, русскими и грузинскими песнями. Уже часов в одиннадцать Жданов потянул всех играть в билиард.

Игра затянулась. Когда я посмотрел на часы, было около половины второго ночи. Не хотелось уезжать от этого исключительного человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой. Но ведь ему больше, чем кому бы то ни было, нужно отдыхать.

Распрощавшись с товарищем Сталиным и Ждановым, мы уехали к себе на дачу, на всю жизнь запечатлев в сердце замечательный образ простого, радушного хозяина, гениального вождя.

2. В ПАРИЖ

На следующий день Чкалов, изменив своей привычке с утра поиграть на билиарде, рано позавтракав, ушел в город и только к вечеру появился на даче.

Я чувствовал, что Валерий чем-то озабочен.

— Ты что, Валерий, загрустил?

— Думаю ехать в Москву!

— Зачем? Отдохни, ведь ты же впервые на курорте!

— Нет, не хочу! Надоело — на Волге лучше — в Васильево поеду, — и он серьезно стал предлагать мне бросить курорт и отправиться на его родину, соблазняя охотой на дичь и рыбной ловлей.

Валерий чего-то не договаривал:

— Ну, а после Волги что думаешь делать?

— У меня машинка новая на заводе: испытать надо — мировой истребитель, — и он загадочно улыбнулся.

Мы вышли на веранду.

— Как думаешь, Егор, насчет полюса?

— А что?

— Товарищ Сталин сказал, что погоду нужно знать, а кто узнает?

— Это загадка, — сознался я.

— Сегодня целый день думаю: а как же узнать-то погоду? Может, взяться слетать на Землю Франца Иосифа?

— Подумать стоит, — согласился я, и мне теперь стало ясно, почему Чкалову не сидится в Сочи.

На следующий день мы проводили Валерия в Москву.

Через месяц мы вновь встретились втроем на Щелковском аэродроме. По решению правительства наш самолет NO-25 должен был

быть на Всемирной авиационной выставке 1936 года в Париже. Густые осенние туманы покрыли всю Европу, чрезмерно усложнился наш полет. Но экипажу, испытывавшему много трудностей в большом перелете, полет в Париж казался не таким уж сложным. Мы вылетели из Москвы в самую паршивую погоду, какую только могла приготовить природа. Сплошной туман от наших границ вплоть до Кенигсберга, дожди и вновь туманы по пути к Кельну и Парижу, и, наконец, мы на аэродроме Ле-Бурже.

Дни за границей Чкалов переживал, как флюс, болезнь не весьма опасную, но такую нудную и тягучую, что вместо нее лучше бы перенести тиф, если не холеру. Его угнетала картина внешнего блеска Парижа, неуклюже сочетаемого с огромной нищетой и проституцией, унижением человека без денег, без труда и без крова.

Чкалов по целым дням просиживал в номере гостиницы и был рад, как ребенок, когда к нему заходили товарищи поговорить.

Но кончились мучения заграничной командировки, и мы вновь на своем испытанном NO-25 летим в Москву.

Наступила зима 1937 года...

ГЛАВА VII

1. СТАЛИНСКИЙ МАРШРУТ БУДЕТ ПРОДОЛЖЕН

Прошла зима, и вновь наши сердца и мысли потянулись к бесконечным просторам воздушного океана, к вольным и далеким льдам Арктики, которые еще в прошлом году проплывали под крылом NO-25.

Мы с Валерием часто беседовали по душам до поздней ночи, не возбуждая особых подозрений у своих жен и детей. Зимой еще несколько раз ездили на аэродром ЦАГИ, где стоял наш NO-25. Летали на нем. Держали совет с инженерами и техниками по поводу мотора и самолета. Писали докладные М. М. Кагановичу и, наконец, решили открыть все свои планы товарищу Ворошилову, который тепло нас всегда выслушивал и поддерживал. Товарищ Ворошилов неоднократно давал нам дружеские советы, помогал нам в решении нашей задачи.

Задача же в основном сводилась к тому, чтобы добиться от правительства разрешения на полет из Москвы в Соединенные Штаты Америки через Северный полюс на самолете NO-25. С Валерием Чкаловым мы напи-

сали письмо товарищу Сталину и с вполне понятным волнением и напряжением ожидали сталинского ответа. В эти же дни воздушные корабли Водопьянова, Молокова, Алексеева и Мазурука заканчивали под руководством Шмидта свою величайшую по риску и важности экспедицию по высадке десанта на Северный полюс.

Условия складывались настолько благоприятно, что мы почти были уверены в положительном разрешении нашего дела. Невольно вспоминалось, как Иосиф Виссарионович говорил нам, когда мы были у него в гостях, что лететь в Америку через полюс еще рано. Нужно изучить полярный бассейн, советовал товарищ Сталин, и только тогда предпринимать такой грандиозный полет. И теперь условие, выставленное товарищем Сталиным, выполнила экспедиция О. Ю. Шмидта, и мысленно мы больше уже не видели возражений к полету со стороны дальновидного Иосифа Виссарионовича.

Наконец, часы и дни томительного ожидания прошли. Это было 25 мая. В этот день, как и всегда, я летал. В 11-м часу утра меня разыскали на аэродроме и сообщили о вызове к наркому обороны товарищу Ворошилову. Немедля прибыл в наркомат, где застал Чкалова и Леваневского. Оттуда мы направились в Кремль.

В 16 часов мы трое были приглашены в кабинет товарища Сталина.

Как только вошли, Иосиф Виссарионович встал из-за длинного стола, за которым сиде-

ли товарищи Молотов, Ворошилов и Л. Каганович, и, приветливо улыбаясь, пошел к нам навстречу.

Поздоровавшись с товарищами Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем, мы трое уселись на противоположном конце стола. Я продолжал смотреть на стоявшего у стола Иосифа Виссарионовича, затем стал разглядывать всех остальных товарищей.

Обрадованный прекрасным видом наших руководителей партии и правительства, я, пользуясь затишьем, оглянулся по сторонам, разглядывая кабинет товарища Сталина. На письменном столе я заметил модель NO-25, очевидно, преподнесенную товарищу Сталину после прошлогоднего перелета. Не скрою, что в этот момент счастье и гордость охватили меня, стало как-то теплее и радостнее от сознания, что мы в кругу больших, замечательных и чутких людей нашей страны.

Иосиф Виссарионович, поглядывая на нас, с улыбкой спросил:

— Что, опять земли нехватает? Опять собираетесь лететь?

— Да, товарищ Сталин, — сказал Чкалов, — время подходит, пришли просить разрешения правительства на перелет через Северный полюс.

Все сидящие за столом смотрели на нас и слегка улыбались.

— Куда же вы собираетесь лететь? Кто будет из вас докладывать? — вновь спросил товарищ Сталин.

— Здесь не одна группа, товарищ Сталин, —

заметил Климент Ефремович и, весело подмигивая в нашу сторону, добавил, что здесь Байдуков сидит на двух стульях, — и Леваневский и Чкалов просят его в свой экипаж.

— Ага, группировки, — шутиливо бросил Иосиф Виссарионович и еще раз внимательно оглянул нас. — Ну, давайте, товарищ Чкалов.

Чкалов спокойно рассказал наши планы, просил разрешения на полет на NO-25 в Америку через Северный полюс.

— Экипаж — наша прошлогодняя тройка, — говорил Чкалов, — готов к полету, и самолет также подготовлен.

Затем высказался товарищ Леваневский, прося разрешения на такой же полет, но на четырехмоторной машине. Следующее слово было за мной. Я объяснил, что мой окончательный выбор пал на NO-25 и мое мнение высказано в заявлении правительству о перелете, которое мы подали вместе с Чкаловым. Я говорил о том, что наш самолет вполне может установить рекорд дальности — самый трудный авиационный рекорд, что время весьма благоприятствует полету, учитывая огромные возможности помощи со стороны полярной экспедиции.

Когда мы наговорились вдоволь, товарищ Сталин обратился к своим соратникам:

— Ну, что же — разрешим полет?

Товарищи Молотов, Ворошилов и Каганович сразу же поддержали Сталина, и дело принципиально было предпринято. Товарищ Сталин, немного подумав, сказал, что

все же следует вызвать непосредственного руководителя авиационной промышленности.

Товарищ Сталин начал нас расспрашивать о самолетах, которые мы испытывали. Мне, в частности, пришлось рассказать о машине конструктора Болховитина, на которой мы недавно установили два международных рекорда. Затем разговор перешел на боевые свойства наших истребителей, и тут товарищи Сталин и Ворошилов проявили свою способность подмечать такие решающие мелочи, о которых иные люди иногда считают не нужным говорить. Забота о крепкой и надежной обороне и о хорошей авиации все время сквозила в вопросах, замечаниях и рассказах товарища Сталина.

Незаметно перешли на тему о качествах американских самолетов. Товарищ Сталин подробно интересовался, что можно взять у американской авиации, чему у них следует поучиться. Леваневский подробно рассказал об американском самолетостроении, о закупленных им там машинах.

В дружеской беседе мы сравнивали свои самолеты с американскими, находя в последних хорошую отделку и поучительные мелочи, которые нам следует перенять.

Разговор длился уже более полутора часов. Товарищ Сталин изредка подходил к кому-либо из наркомов, делал разные пометки в бумагах, затем, переговорив с товарищем Молотовым, вновь стал прохаживаться по кабинету, беседуя об экспедиции на полюс.

Тепло отзываясь о смелом коллективе поларников, товарищ Сталин заметил, что теперь, наверное, нам будет легче лететь через Северный полюс.

— Товарищ Сталин, — смеясь, сказал Чкалов, — для нас это «хуже»: ведь Папанин будет давать нам с полюса все плохую да плохую погоду... Так никогда и не улетим...

— Вот тебе и на! Мы думали — будет лучше, а вот оказывается, что для летчиков лучше бы и не делать полета на полюс, — шуточно сказал товарищ Сталин, обращаясь к Молотову.

Товарищ Молотов, бросив свои дела, поглядел на товарища Чкалова и, улыбнувшись, отложил папку. В это время вошел товарищ М. Каганович, которого Сталин сразу же в упор спросил, как он смотрит на перелет через Северный полюс.

Михаил Каганович посмотрел на нас и, помня, как мы не раз его осаждали со своими планами, сразу же сказал свое положительное мнение.

— Ну, что же, значит — нужно записать наше решение? — спросил товарищ Сталин, обращаясь ко всем.

Товарищ Молотов стал записывать решение правительства о перелете через Северный полюс в Америку. Уже первый пункт был сформулирован и записан, когда товарищ Сталин предложил еще новый пункт о том, чтобы обязать экипаж, в случае неблагоприятной обстановки, сделать посадку в любом

пункте Канады, а в случае угрозы экипажу — произвести немедленную посадку.

Как взволновало нас это мудрое, сталинское отношение к людям! Забота о человеке еще раз ярко выразилась на конкретном факте, который выражен во втором пункте решения правительства.

Итак, решение составлено. Мы пробывали среди любимых руководителей партии и правительства три часа. Сколько драгоценного времени мы у них отняли! Мы спешим встать. Отблагодарив за внимание, просто и крепко прощаемся с товарищами Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем и, радостные от большого доверия своих вождей к своей родине, уезжаем на аэродром, где в ангаре стоит большая краснокрылая птица.

Прошлогодний Сталинский маршрут будет продолжен еще на несколько тысяч километров через пространства Арктики и Америки, из сердца пролетарского государства Москвы в США.

2. СИГНАЛ ДАН

17 июня. Время 18 часов. Из Москвы сообщили, что вылет разрешен. Чкалов вместе с М. М. Кагановичем долго обсуждали прогноз погоды. Затем позвонили Иосифу Виссарионовичу. Товарищ Сталин сразу ответа не дал. Он тщательно проверил сведения и только вечером дал согласие.

Мы с Сашей, точно бешеные, начали окончательно готовить все штурманское хозяйство. Не обошлось без казусов. Только что принесли карты Америки, самые новые. Хочется взять, но их некогда даже просмотреть. Саша все же часть этих новинок укладывает в чемодан. В комнату часто вбегают с чересчур серьезными лицами инженеры. Каждый из них приносит какую-нибудь инструкцию. Они просто чудачки: думают, что самолет предназначен лишь для перевозки их инструкций и для чтения их в виде легкой, веселящей литературы.

Мы их не обижаем. Они — прекрасные работники и хорошие ребята. Пусть инструкции все лежат в одной папке и посмотрят Северный полюс.

Наконец, собрано все. Что нужно — это маленькая стопка ценных бумаг. А что лишнее — это огромная куча исписанной бумаги. Саша увидел книгу Стефенсона «Гостеприимная Арктика». Взять или не брать? Саша без колебания кладет ее в маленькую стопку, предназначенную к полету.

19 часов. У нас все готово. Врач настойчиво укладывает нас спать. До вылета осталось шесть часов. Но Беляков решил побриться и подстричься. Очевидно, на случай вынужденной посадки на лед, чтобы своим благообразным видом привлечь моржиху. Я решил, наоборот, не бриться: на льду буду отпугивать своей бородой всех любопытных медведей.

В 20 часов приехал Чкалов и увидав, что мы еще не спим, начал ругаться. Мы очень

спокойны на этот раз и быстро разлеглись по койкам. Без лишних разговоров все незаметно уснули. Доктор следит за нами и охраняет наш покой.

Четыре часа крепкого сна нас здорово освежили.

3. ПЕРЕД ВЗЛЕТОМ

18 июня. Первый час ночи. Нужно вставать. Я кричу во все горло, это действует на остальных. Предстоит самое серьезное дело — клизма перед полетом. От этого во многом зависит самочувствие человека в воздухе. Делается это с шутками из времен детства. Врачи весьма довольны нашим кротким поведением. Дальше следует не менее ответственная процедура — одевание сложного обмундирования. Вниз — шелковое белье. Дальше — тонкое шерстяное. Затем носки — шелковые и шерстяные, вязанные. Затем свитер и кожаные брюки на гагачьем пуху и, наконец, нерпичьи торбоза. Куртки наденем в самолете. Все это рассчитано и на полет, и на случай посадки в Арктике. Наконец, пришел за нами автомобиль. Прощаемся с комнатой и едем в столовую, где ждут метеорологи с самыми свежими сведениями о погоде.

На аэродроме много народу. Это больше всего провожающие. Они увидели, что буксирный автомобиль тащит самолет NO-25 по бетонной дорожке на горку, откуда будет дан старт.

И теперь мы свободно выпиваем по стакану крепкого чаю и съедаем бутерброды с икрой и маслом. Погода, как и вчера, не хуже, но и не лучше. Метеорологи не обещают хорошей погоды. Валерий уже уехал к самолету.

Начало рассветать. Аэродром как-то затих, и огромное зеленое поле приглядывалось к чистому голубому небу. Ветра почти нет. Прозвучало. От леса надвигается низкая пелена утреннего тумана.

Переставляю свои часы на единое мировое время — Гринвичского меридиана: сейчас 20 минут 18 июня. Пора на самолет! На машине быстро отвозят нас к ожидающему самолету. Моноплан раскинул свои красные крылья и, высоко стоя на горке, кажется, хочет взять в объятия и узкую бетонную полосу, и всех провожающих товарищей. Нас тепло приветствуют, и каждый крепко жмет руку. Нам передают привет от Климента Ефремовича Ворошилова и его теплые пожелания. Благодарим и прощаемся с друзьями. Скорее в самолет, там нужно еще разложить имущество. И вот в фюзеляже все кажется лишним, все будет мешать в полете. Но спокойная укладка показала, что это не так, и мы через пятнадцать минут уже были совсем готовы. Товарищ Бердник, наш механик, запускает мотор. Он его долго греет и тщательно слушает.

4. СТАРТ

Мотор опробован. Мы из задней кабиныжимаем десятки дружеских рук. Многие этим не удовлетворяются и, подставив ладонь, крепко обнимают и целуют нас. Еще рукопожатия, и, наконец, Валерий уселся на свое место. Саша закрыл люк. Люди отходят в сторону. Стартер взмахнул белым флагом, и самолет тронулся. Ревущий на полных оборотах мотор потянул своим пропеллером самолет вниз с горки. Он с каждой секундой набирает скорость. Удары учащаются. Панели дорожки мелькают ровно с каждой стороны — значит, самолет бежит посередине. Только бы не свернуть в сторону! Иначе — катастрофа. Но крепкая рука Чкалова уверенно ведет сложный взлет. Вот и ангары! Самолет, еще раз прыгнув, остается висеть в воздухе, и я быстро начинаю убирать шасси. Время 1 час 06 минут по Гринвичу. Мелькают дымящиеся трубы заводов Щелкова, и все — люди, аэродром, ангары — остается в хвосте краснокрылого гиганта. Ну, вот мы и летим через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки.

Теперь это не волнует, а больше обязывает следить в оба! Начинается первая вахта: Валерий — летчик, я — штурман, а Саша первые четыре часа отдыхает.

Занимаю штурманскую рубку, вписывая в красный бортовой журнал первые цифры навигации. Саша приспособливает масляный бак под спальное место. Я начинаю устанав-

ливать двустороннюю связь с Москвой. Слышимость прекрасная. Даю первую радиogramму. 1 час 30 минут. Мотор ревет в полную мощность своей металлической груди. В кабине слышится его непрерывная песня.

Высота — четыреста метров. В лощинах проплывающей местности густые туманы. Они неподвижные, как старость. Валерий в кепке и кожаном обмундировании кажется не полярным летчиком, а просто шофером, который собрался прокатить нас за город. Он спокоен и от нечего делать заглядывает вниз. Очевидно, поджидает свою родную Волгу. Саша уже спит. Ну и способности!

Справа встает солнце и, заглядывая через стекла кабины, сильно слепит глаза. Я надеваю очки. По нашим расчетам, теперь солнце должно светить часов пятьдесят пять, не заходя за горизонт. Нас многие будут винить в том, что мы излишне жестоки к почетному светилу, заставляя его работать сверхурочно. Ничего, ведь не каждый день летают через полюс! Туманы серебрятся от скользящих лучей солнца и кажутся светлыми реками и озерами на зеленом фоне лесов и колхозных полей. 2 часа 30 минут. Давно уплыли под крылом города Калязин и Кашино. Начинается обширный озерно-болотистый район Северного края. На горизонте появились высокие перистые облака. Валерий надел кепку козырьком вперед, прячась от утреннего солнца. Оно уже забралось высоко. Чкалову хочется пить. Я достаю термос. Но передать его, не разбудив Сашу, невозможно.

За нами все еще гонятся два сопровождающих самолета. Один — старинный двухмоторный и другой — современный скоростной моноплан. Чтобы легче было подстраиваться, он не убирает шасси. Минут через десять белоснежный моноплан ловко «поджал под себя ножки», пулей обогнал наш тихоходный корабль и, сделав перед нашим носом два прощальных круга, повернул назад и скрылся на чистом горизонте. За ним последовал и более ранний его предок, на развороте показывая свою неуклюжую форму. А наш краснокрылый гигант, теперь осиротев, продолжал уверенное движение на север.

Я делаю очередные записи в навигационный журнал. Прошли город Череповец. Высота — одна тысяча двести метров. В кабине очень тепло, и поэтому отопление еще не включаем.

4 часа 25 минут. К моему удивлению, Саша проснулся раньше положенного срока. Валерий сосет пустую трубку. И ему и мне сильно хочется курить. Жаль, что нет папирос. Все идет, как по маслу. Мотору уже сбавлено несколько оборотов, и, следовательно, самый напряженный для него режим пройден.

7 часов. На небе появляется очень много всевозможных перистых облаков. По графику сдаю Саше вахту штурмана-радииста. У меня в полете универсальные обязанности. Я — летчик, штурман и радиист. Не знаю еще, выдержим ли график на всем протяжении полета, а то, может, какая-нибудь специальность

для меня останется теоретической. Беляков внимательно осмотрел все и уселся на свой штурманский стул, устроенный на водяном резервном баке. Я теперь должен четыре часа отдыхать, а затем сменить Чкалова. На глаза попадает огромная резиновая шляпка. Она свернута в тюрк и укреплена около радиостанции. Слишком не на месте ее пристроили, и я решил переложить ее на заднее сидение, куда никто никогда не ходит. Очевидно, потому лишь, что это слишком далеко. Мы с Сашей эту резину еле перетаскивали назад — уж очень тесно в самолете.

Пойду спать. Я подлез к Валерию и за его спиной разглаживаю большой мягкий спальный мешок из собачьих шкур. Отто Юльевич Шмидт считает такие мешки лучшими. Мы его опыту верим.

Чкалов захотел курить по-настоящему и теперь страшно злится. Я решил его успокоить. Полез в крыло и из своего рюкзака достал трубочный табак под названием «Капитанский». Название подходящее. Наше плавание весьма дальнее. Валерий, набив трубку, сразу же притих, как ребенок, которому дали соску. Я не удержался и тоже сделал несколько затяжек.

5. ТРЕВОГА

Как ни хорош табак, но все же думаю, следует выбросить его за борт, чтобы не смущал. 7 часов 30 минут. Я окончательно

решил отдохнуть. Но что-то не спится. Долго лежу на спине с открытыми глазами и через фонарь солнечного указателя курса, или, как мы его зовем, СУК, вижу голубое небо, а внутри фюзеляжа медленно ползающие бесчисленные тени различных приборов.

Валерий попросил подкачать масло. Действительно, масломер показывает только восемьдесят килограммов. Я переключил два тройниковых крана и начал старательно подавать свежее масло из резервных масляных термосов в моторный бак. Хотя я качал долго, все же масломер показал прибавление лишь на два килограмма. Боясь перекачать, мы прекратили подкачку масла, и я сразу же после этого уснул.

Буквально через десять минут Саша поднял тревогу на корабле. Он разбудил и меня, стащив за ногу с весьма удобной койки. Не понимая, в чем дело, я недовольно лезу к Белякову и по его глазам вижу, что на самолете тревожные минуты.

— Масло откуда-то бьет, — сказал Саша, указывая на пол.

Действительно, пол фюзеляжа, у штурманского люка и около радиостанции, весь был залит чистым авиационным маслом. Сообщили об этом и Валерию. Кто бы знал, какая у него была физиономия в этот момент! Но я его понимаю и по своим переживаниям. Неужели что-нибудь лопнуло? Но этого ведь не может быть! Хочется сразу зацепиться за то, что врет масломер и сейчас, наверное, полный бак выбрасывает излишки.

Я финкой режу первый попавшийся прорезиненный мешок и им протираю места, где сочится масло. Теперь я смогу увидеть, будет ли увеличиваться течь или, наоборот, уменьшаться. Валерий предлагает откачать масло обратно. Что же — дельное предложение! Быстро работаю насосом, но альвеер обратно качает почему-то хуже.

После этого я осмотрел весь низ фюзеляжа при помощи оптического навигационного прицела. Ясно видно, как жирная струя течет от радиатора и чуть справа. Наверняка, это садит из дренажа. Ну, это не страшно. Только больше не перекачивать масло! А контролировать будем прогревом средней магистрали, чтобы не упустить до половины бака. Через двадцать минут стало видно на-глаз уменьшение потеков в кабине. Мне до смены Чкалова остался один час. Скорей спать!

Самолет начал набирать высоту в две тысячи метров, как положено по графику. Перерасхода бензина пока нет. Это замечательно. Мы все успокоились.

6. ПЕРВОЕ ОБЛЕДЕНЕНИЕ

Прошли тревожные часы. Жители красного крыла корабля работали спокойно, изредка окидывая привычным взглядом многочисленные приборы и горизонт бесконечных просторов. Самолет, еще сильно перегруженный, не может сразу вскочить на большую

высоту, чтобы избежать коварного обледенения в облаках. Поэтому Чкалов, насупив брови, тщательно разглядывает лежащую впереди часть неба. Там действительно что-то белее в виде узкой ленты. Но это еще где-то далеко впереди. Да и чего волноваться, если метеорологи заранее предупредили нас о циклоне над Кольским полуостровом.

Я пролез между левым бортом фюзеляжа и радиостанцией к баку, где лежал большой спальный мешок, и, закутав им ноги, быстро уснул.

В девять часов меня разбудили на вахту летчика.

Валерий, мастерски совершив взлет и отсидев восемь часов за рулем, устал. Как мне не хотелось просыпаться! Но Валерий уже откинул заднюю спинку сидения и ждал, когда я рыбкой проскользну в неимоверной тесноте на его место. Я не особенно торопился и, медля, искал свои очки со светофильтром. Затем поговорил с Сашей и, удовлетворившись тем, что масло не бьет и идет хорошо по маршруту, наконец полез на первое сиденье. Когда я перекинул ноги на управление, Валерий что-то прокричал, но из-за шума мотора, врывавшегося в открытые окна, я ничего не разобрал. Валерий скрылся сзади, а я, внимательно прослушав моторные приборы, занялся пилотированием самолета. Мне сразу не понравилось поведение машины, — она сильно вышла влево и требовала для равновесия систематической поддержки элеронами. Это очень утомляло ру-

ки и ноги. И только после этого я заметил, что мы летим между двумя слоями облачности, которые вот-вот сейчас соединятся. Как будто не летим, а падаем в ущелье, заканчивающееся узеньким дном. Высотомер показывает две тысячи метров — ну, это правильно. А вот температура наружного воздуха минус 4°. Это дело куда хуже, чем кажется с первого взгляда. Я спокойно оглядываюсь назад. Чкалов лежит и курит трубку, Беляков копошится у радиостанции. И, не почувствовав поддержки, я еще больше напрягся, ожидая облачность. «Только бы не обледенеть», — все вертится в голове. Верхний слой не просвечивает, и близость его чувствуется через сырость на стеклах кабины и на руках без перчаток. Внизу та же облачность, отгораживающая землю. И солнце где-то тоже бесsilно прячется за хитрыми тучами. Вот уже белизна водяных паров окутала плотно фюзеляж и крылья, и я становлюсь автоматом, подчиняясь приборам, и только им. Чувства — к чорту: они обманчивы в таких делах! Вера в каждый прибор и знание их до тонкости заменяют все, и по ним же вы выбираете правильное положение для полета. Слепой полет — моя специальность в перелетах. Валерий и Саша спокойно сидели за моей спиной. Но у меня этого спокойствия на сей раз было так мало, что через пять минут я заорал благим матом, призывая Валерия. Тот с красными глазами, встревоженный, подлез ко мне и сразу же понял, что мне надо, увидев появляющийся ледок на стеклах и

крыльях самолета. Мотор слегка затрясся мелкой дрожью.

— Давай скорей давление на антиобледенитель!

— Сейчас! — крикнул во все горло Валерий и, быстро спустившись с бака, начал качать насос.

Я открыл капельник, и вместо капель пошла солидная струя благородной жидкости, очищающей винт от льда. Самолет стал спокойнее, удары уменьшились, и лишь хвостовые стяжки, отяжелев, разбалтывали фюзеляж сильными рывками. Вот они, тревожные минуты, наложившие отпечаток седины на русой голове Чкалова. Обледенение — страшнейший враг авиации — взяло нас за горло и повторяло нам: куда вы лезете? вернитесь! Мы поняли: если пробудем хоть час в этих тисках, мы или разломаем самолет, или сядем, перегруженные от льда, на землю. Скорее вырваться из объятий обледенения наверх! Полный газ, и самолет медленно берет метр за метром! Вот уже две тысячи пятьсот метров — слева тускло просачиваются лучи солнца. Значит, конец облачности близок. Через пять минут появилось солнце, и мы, так же сияюще веселые, как его лучи, с гордостью посматривали на оставшиеся внизу облака. Я с облегчением вздохнул и поглядел через плечо на Валерия. Он пережил немало и теперь, как-то по-серьезному улыбнувшись, стал кутаться потеплее в спальный мешок.

Под солнцем быстро очистились стекла мой кабины от льда, и я уже забыл о первом

уроке борьбы. Теперь мне хочется больше всего курить, и я, не стесняясь, бужу только что заснувшего товарища. Чкалов, не понимая, в чем дело, долго вопрошал мимикой и, когда увидел, что я выразительно сосу палец, срочно занялся приготовлением трубки. Передав ее по назначению, он крепко заснул. Часы показывали 11 часов 32 минуты. Где-то далеко внизу сквозь разрывы нижнего слоя облачности зачернели воды Баренцева моря, мелькнуло под туманом какое-то морское судно, и вновь потянулась, точно снежная степь, облачность и облачность. В некоторых местах она темнела длинными дорогами, и казалось, что нет под нами холодных вод Баренцева моря, а есть сибирские степи, занесенные метелями долгой зимы. От нечего делать я оглядываю лишний раз все приборы, сбавляю подогрев. Вдруг резкий щелчок в карбюратор заставляет опомниться и сбавить вновь высокий корректор. Когда попался на глаза масломер, я, долго его осматривая, решил: не может быть, что у нас в баке восемьдесят килограммов масла, наверное врет указатель, и стал отвинчивать стекло циферблата. Как только вывернул один оборот, стрелка резко скакнула на 120, указывая, что масляный бак заполнен. Ясно, что заедало циферблатную стрелку. Теперь уже нечего контролировать расходный бак бесконечным прогревом магистралей. В течение последних двух часов полет шел настолько нормально, что становилось скучно, тянуло, под слепящими лучами высокого солнца, поспать за рулем. Но 14 ча-

сов — конец моей вахты. Я бесцеремонно тормозу Чкалова, и мы вновь фокусничаем, меняясь местами.

7. НАД БАРЕНЦОВЫМ МОРЕМ

Полет продолжается уже тринадцать часов. Земли не видим часов семь. Как назло, у Белякова выбыл из строя секстант. На эту тему я с ним слегка переругнулся, заглядывая в бортовой журнал. В нем видны голые цифры. Куда снесло и какой силы ветер — пока неизвестно. Беляков, устало наклонив голову, силится принять радиограмму. Его посиневшие губы и резко очерченные морщины говорят об утомлении.

В 14 часов 25 минут я сел на вахту штурмана, а Беляков пошел на спальное место. Его длинные ноги не вмещаются на койке-подмостке, и неуклюжие нерпичьи торбоза смешно выглядывают из-за радиостанции, изредка пошевеливаясь. Саша очень быстро засыпает в любых условиях, а уж в этом случае он не потерял ни одной лишней минуты.

Мотор ровно рассыпает звуки по фюзеляжу самолета. Солнечный указатель курса исправно превращает огромный световой шар в маленькую точку, сбрасывая его затем на матовый диск. Высота — три тысячи метров, температура минус 10°, внизу облачность, насколько видит глаз, вверху солнце, а впереди... Что это там впереди?

Уже слышно, как по-новому напряженно работает мотор и альтиметр начал показывать постепенный подъем. Да, впереди и слева небо начало темнеть — подступает обещанный циклон. Скорее определиться — иначе солнце скоро скроется, и тогда неведение, продолжающееся более семи часов, будет угнетающе действовать на экипаж. Я достаю искаленный секстант и — о счастье! — нахожу в нем маленький пузырек. Подержав его возле отопления, добился увеличения пузырька, и в 14 часов 42 минуты взял несколько высот. Линия положения шла вдоль меридиана и явно указывала на отклонение вправо — вернее, на снос вправо от маршрутной линии полета. Записав это в журнал, я приблизительно уже мог предположить, что мы, следуя прежним курсом, выйдем к западной части архипелага Земли Франца Иосифа.

В кабине стало быстро темнеть. Мы вновь влезли под крышу из облаков. Влево стояла сплошная темная стена. Чкалов резким изменением курса вправо пошел вдоль этой неприветливой стены. Но верхний и нижний слои облачности неумолимо стремятся соединиться, закутав самолет в это пуховое одеяло. Я с любопытством слежу, что будет делать Валерий, и только часто вписываю курсы и время отхода. Мы сильно уклонялись вправо, и циклон, как назло, все больше и больше загибал свое крыло также вправо, словно стараясь преградить нам дорогу.

В 16 часов 10 минут я дал радиограмму «Всем, всем», что находимся на широте 76° и

долготе 44°, что обходим облачность и идем в направлении острова Рудольфа.

Чкалов забрался на высоту четырех тысяч метров. Наружная температура упала до минус 24°. В кабине стало холодновато, несмотря на включенное отопление. Чкалов часто оглядывался назад, делая знаки, что погода ухудшается, и в семнадцать часов стал требовать смены. Мне вновь заулыбалось пилотское сиденье и, конечно, слепой полет.

Бужу Сашу. Протирая глаза, он медленно сползает вниз, убирает койку. Я уступаю ему круглое сиденье — водяной бачок, а сам ползу по баку к первому сиденью. Чкалов указывает вперед и говорит:

— Уж ты, Егор, води вслепую, как условились, кстати, у меня сильно ломит ноги.

Лицо Валерия, несколько осунувшееся, стало более сухим и как будто постаревшим. На высоте четырех тысяч метров, скорчившись в три погибели, не так легко пробраться среди тесноты на первое место, но все же и на этот раз мы сменились быстро. Валерий далеко не отходил, подкачивая давление в бачке антиобледенения винта. Я подобрал подогрев. Включил все гироскопы на мотор. Развернувшись вновь точно на север, я полез в темную стену циклона с постепенным набором высоты. Меня воодушевляла на этот раз слишком низкая температура, равная минус 24° С. Не ожидая обледенения, я внимательно начал пилотировать самолет вслепую. В 17 часов 15 минут все скрылось из поля

зрения, и, точно отрезанный от мира, заэкранированный облаками, наш NO-25 спокойно шел на подъем.

Но первые же минуты горько разочаровали меня и Чкалова. Самолет начал мгновенно покрываться на лобовых частях прозрачным белым льдом. Затем ощутились тряска и вздрагивания. Валерий сзади тормозил меня, чтобы я воспользовался антиобледенителем. Открыв кран доотказа, я добился прекращения биения винта. Но плоскости, стабилизатор и антенны леденели молниеносно, и их-то уж очистить было нечем.

Никто не поймет, что ощущаем мы, пилоты, в такой момент. До слез обидно и до жути страшно подумать, что вот сейчас твой самолет превратится в ледышку и ты безвольно подчинишься слепым силам природы. Нет, не сдаваться! Полный газ! Мотор берет ровно, отдавая все свои силы. Метр за метром все выше и выше, и — о радость! — через двадцать минут на высоте четырех тысяч ста пятидесяти метров облака были уже под нами. Вверху — солнце, многообещающее солнце! Как мы устали от переживаний, от физической работы на высоте! А кислород! Нет, кислород нужно еще экономить, придет, быть может, более трудный момент!

Вновь напряжение спало, и усталость берет свое. Боясь уснуть за рулем, я прошу трубку, и она меня кое-как развлекает, хотя и вредно влияет на организм. Проходит час, а самолет никак еще не может отойти от обледенения. Рамка пеленгатора и передние

Кромки словно покрашены свежими белилами — на них образовался лед толщиной до полутора сантиметров. Вот тебе Арктика! Вот тебе ее прелести! Подумать только: какая же должна быть влажность, чтобы обледенеть в течение десятков минут при температуре минус 24°. Ну, ладно, еще урок, уже третий по счету.

Да, нужно не забывать: больше в облачность лазить не следует — антиобледенительной жидкости осталось мало. Будем бороться высотой — это вернейший способ в таком перелете. Ну, а уж если и высота не поможет, то обходить, елико возможно. Не рисковать зря, — так учил нас товарищ Сталин. Мы вспоминали о нем еще и еще раз, когда требовалось поучиться выдержке и благоразумию для выполнения сложной летной задачи.

Уже семнадцать часов полета. Нужно подкачать масло. Я бужу Валерия, хотя на этот раз и жалко мне его будить. Он поднялся, быстро оглядел самолет и, довольный хорошей погодой, начал подкачку масла из запасных баков в резервный.

Легко качается масло — оно еще и до сих пор горячее. Закончив эту процедуру, Валерий сменил меня.

19 часов по мировому времени. Самолет идет спокойно. Солнца так много, что Саша не может вытерпеть, чтобы не взять несколько высот. Он по естественному горизонту секстантом взял высоту. Переведя все сложные расчеты на карту, Саша сказал, что ско-

ро Земля Франца Иосифа и что не будем менять курса, пока не услышим радиомаяка острова Рудольфа.

8. ЗЕМЛЯ

20 часов по Гринвичу. В Москве уже укладываются спать. Вероятно, и моя маленькая дочь давно уже видит во сне петушка или медвежонка. А здесь не пробуждавшаяся всю зиму Арктика теперь берет свое, не спит круглые сутки и творит свои «темные дела». Солнце стоит высоко и двадцать четыре часа рассматривает суровую природу холодных вод и льдов.

Я лежу на спине и чувствую, как холодно стало в кабине. Внутренний термометр сполз до 6°. Залезаю в спальный мешок и разглядываю весь фюзеляж самолета.

Вон на заднем сиденьи лежит лодка, под ней прижат чей-то парашют. Неужели мы просто безумцы? Почему ни один не надел парашюта? Ну вот, предположим, что сию минуту нужно прыгать, и мы действительно через две-три секунды оставляем своего любимца и плавно опускаемся в кипящие от шторма воды холодного моря Баренца... Какой смысл такого прыжка? Ведь здесь не регулярная линия Нью-Йорк—Лондон. Здесь не ходят пароходы через полчаса. Ну, а если на лед?.. Вот мы, радостные, уже спустились на льдину и замечаем, что у нас нет ни оружия с собой, ни патронов, ни рюкзаков с

бельем и спальными мешками, ни продовольствия... И, конечно, мы спокойно откладываем парашюты в сторону, совершенно не собираясь прыгать в Арктическом районе, надеясь на свою машину, на тех людей, которые ее готовили, и, конечно, веря в свои силы. И окончательно установив свою правоту, я начал постепенно засыпать.

— Земля! Земля! — закричал Валерий, и сон мой улетел, как вспугнутая синица! Я заторопился вылезть из мешка. Но, как часто бывает, торопливость подводит, и я еще долго не могу освободиться от своих спальных принадлежностей. Пробираюсь к Беякову. В его красном журнале записано: «20 часов 20 минут мыс Баренца на острове Нордбрук архипелага Земли Франца Иосифа».

Через окно кабины блестят, ослепляя, ровные и чистые снега и ледяные поля, из которых как-то таинственно и молчаливо вылезли острова архипелага. А! Здравствуйте, прошлогодние знакомые! Вы попрежнему не изменились и выглядите, точно недовольные своей жизнью. Ледяные купола прикрывают внутренности островов, и только те, ни из-за густых лучей солнца создают очертание берегов — иначе они так маскируются Арктикой, что трудно неопытным взглядом определить, какой же это остров.

Самолет летел на высоте четырех тысяч трехсот десяти метров, и отсюда раскрывались все более и более величаво острова архипелага. Через полтора часа появился остров

Луиджа, и Беяков, окончательно определив наше местонахождение, спешит дать сведения штабу перелета.

Уже на широте 82° видимость измеряется сотнями километров, жаль только, что нижний ярус облачности вновь сомкнулся.

Беяков усиленно ищет радиомаяк острова Рудольфа. Его штурманская душа не может успокоиться, пока не перепробует все средства навигации. Радиостанция послушно работает на Сашу. Довольный, что слышит долгожданные буквы, штурман гордо поглядывает на карту Арктического бассейна. На ней ясно теперь видно, что путь лежит по 58-му меридиану к полюсу. Полюс! Сколько мечтаний, сколько страданий и жертв! И вот 1937 год открыл миру глаза. Советский народ и его вождь товарищ Сталин дали задание экспедиции Шмидта: сесть на полюс, высадить людей и сказать, что же там делается?

Шмидт уже на материке. Лишь Мазурук со своими ребятами и своим кораблем где-то близко от нас и следит за работой четырех смельчаков-ученых, обосновавшихся на льдине Северного полюса.

К полюсу, где сидит Папанин с товарищами, и за полюс, где еще таится неизвестность, — такова наша задача.

22 часа по Гринвичу, Валерий просит смеяться. Отдохнув, я с радостью сажусь за штурвал.

9. ВНИЗУ ПОЛЮС

22 часа 30 минут. Давным-давно мы не видели такой прекрасной погоды. Вверху и внизу — ни облачка. Вверху — солнце, обрамленное концентрическими кругами спектра. Внизу — бесконечные ледяные поля с длинными трещинами. Они чернеют, словно весенние дороги, и это вносит некоторое оживление в арктический пейзаж.

Я не могу укрыться от навязчивых лучей солнца. Они словно жгут тело. Хорошо, что глаза надежно охраняют светофильтровые очки.

Видимость из кабины пилота сейчас настолько велика, что, кажется, одновременно видишь полмира.

В кабине еще тепло: 1° . Высота — четыре тысячи метров. Наружная температура — минус 25° .

Через двадцать минут внизу появились облака, закрыв льды. Мы медленно продвигались к Северному полюсу. Навстречу дули ветры со скоростью 40—50 километров в час, удлиняя полет и нагоняя расход ценного бензина.

Наступило 19 июня. Время — 24 часа. Мы летим только сутки, а кажется, что уже прошел месяц. Это действуют высота и отсутствие аппетита. Мы только один раз принались за еду — больше аппетит не появлялся. Все многочисленные бутерброды, курицы,

ветчина, апельсины и пр. и пр. — все лежало нетронутым в резиновых мешках.

В 1 час 19 июня, то есть когда мы пролетели двадцать четыре часа, я решил, что пора смениться. Сдав вахту Чкалову, я первым делом полез за водой. Попить простой, холодной воды, когда пересыхает горло на высоте, — нет ничего лучше.

Присев рядом с Сашей, я все допытывался: когда же будет полюс?

— Очень сильные встречные ветры. Будем, вероятно, не раньше 4—5 часов, — ответил он.

Успокоившись, что полюса не прозеваю, я ушел на бак, чтобы подкачать масло. Масло начало густеть, и это немного усложняло операцию перекачки. Выполнив эту физическую процедуру на высоте четырех тысяч двухсот метров, я почувствовал учащение пульса и решил пользоваться кислородом от Сашиного баллона. Саша, уткнув лицо в маску, уже давно посасывал кислород, и это значительно освежало как голову, так и весь организм. Омоложение в буквальном смысле — вот действие кислорода после трудов праведных. Беляков протянул мне кислородную маску, и, надев ее, я прилег на бак, чувствуя освежающую струю кислорода. Дыхание стало ровным, пульс вошел в норму, и я уснул, забыв о полюсе и обо всем на свете. А в это время Чкалову портил настроение появившийся справа циклон. Эти циклоны в Арктике, вопреки всем теориям, бродят в большом количестве, развеивая над собой высокие

перистые облака, желтоватые под действием лучей солнца. Они бродят, как призраки, по огромному воздушному океану, иногда продвигаясь с большой скоростью. Их-то мы и боялись после неоднократных уроков обледенения, после того, как они коали нашу скорость продвижения вперед. И понятно, что Валерию не понравился и очередной циклон справа, постепенно надвигавшийся поперек нашего маршрута. Курс стал изменяться. Самолет уклонился влево, компенсируя тем самым прошлый снос ветрами вправо. Внизу все еще тянулась сплошная облачность. У Беякова что-то случилось с радиостанцией. По всем приборам она исправна, но приема нет.

Саша долго возился у радио, но принять ничего не удалось. Он перебрал все лампы, и это не помогло. Тогда он решил передать несколько радиogramм. Меня разбудили, когда обход циклона закончился и самолет шел по солнечному указателю курса точно на север, при отличной погоде, хотя где-то далеко внизу туман еще прикрывал льды.

В 3 часа 35 минут я, покурив и выпив воды, забрался на место Чкалова. С затаненным дыханием начал следить за компасами и за поведением всех гироскопов. Ведь вот-вот должен быть полюс. Саша, не торопясь, систематически снимает высоты солнца. Солнце, будучи справа от нас, давало представление об отклонении от маршрута, а затем, уходя назад, отсекало нам траверз.

Внимательно следя за поведением линий положений, можно было заключить, что мы идем слегка левее полюса и что рубеж 90° северной широты, то есть точки оси земного вращения, мы пройдем в четыре часа. С высоты четырех тысяч ста пятидесяти метров мы оглядывали гигантские ледяные пустыни, испещренные трещинами в различных направлениях. Компасы стали более чувствительны и при небольшом крене сильно крутятся. Но гироскопы работали так, как будто бы и нет здесь никакого полюса. Человек тоже не чувствует никаких изменений, ибо Валерий, как уснул, так и продолжал крепко спать, поджав под себя ноющие ноги. У меня сразу же пропала вся торжественность, и я стал думать о том, как иногда исследователи ввали о б этом злосчастном полюсе. Из-за этого я даже пожалел будить уставшего товарища. Но, взглянув вниз, мы с Сашей еще лишний раз поморщились от однообразной дикости льдов и преклонились перед именами четырех советских ученых, борющихся на благо родины и мировой науки за овладение полюсом. Они где-то совсем рядом, возможно, что левее. Привет вам, товарищи Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров! Большое и нужное дело вы творите. Ну, а мы пойдем дальше, на другой полюс. Пространство между Северным полюсом и Канадой исследователи Арктики называли почему-то Полюсом неприступности. Вот через этот-то полюс мы и начинаем лететь. Здесь еще не гудели самолеты. И честь быть первым выпала на долю

советского самолета. Он, нужно сказать, с гордостью неся над этими льдами.

Мы идем по солнечному курсу, так как наступили часы пересечения густого пучка магнитных склонений. Компас магнитный начинает своим северным концом все больше косить влево к магнитному полюсу, который лежит впереди и левее нашего маршрута.

10. ПОЛЮС НЕПРИСТУПНОСТИ

В сущности, летчику ровным счетом наплевать на полюс, — прошли полюс, ну, и шут с ним! Наше дело, чтобы мотор и самолет работали, как им полагается всегда работать, и исправно пилотировать машину, выдерживая заданный курс. Другое дело у Саши. Полюс ему наделал массу хлопот. В самом деле, почему это мы идем курсом «север»? Ведь мы же полюс перевалили и летим в Америку, то есть на юг? Что-то неладное! Поэтому Саша должен установить солнечный указатель курса так, чтобы он попрежнему работал, показывая курс на «юг». Точные часы — морской хронометр, секстант, таблицы и сложные вычисления дали, наконец, все данные для перестановки важнейшего прибора. В 4 часа 42 минуты СУК был переставлен и время переведено на 123-й меридиан, ведущий в Америку. Теперь сомнения рассеялись, самолет идет попрежнему, а курс — «юг». Все в порядке! Саша запиской просит не пользоваться маг-

нитными компасами, а вести самолет по солнечным часам, укрепленным на капоте мотора перед глазами летчика. Белый круг, разбитый на часы, и небольшой штырь, отбрасывающий тень на цифры, был еще лишним солнечным компасом, сделанным для удобства вождения по заданному курсу. Мы его в шутку прозвали СУК-4. Это была незаменимая вещь на всем протяжении полета от полюса до берегов Канады.

В 5 часов 10 минут Беляков передал радиogramму о выполнении первой части задания:

«ЦЩде РТ + нр 24 + 38 — мы перевалили полюс — попутный ветер — льды открыты — белые ледяные поля с трещинами и разводьями — настроение бодрое».

Справа впереди опять виднеется циклон. Он вначале лежит параллельно маршруту. Это приятно.

В 6 часов разбудили Валерия. Беляков ему сообщил о проходе над полюсом. Валерий рад, как ребенок. Он смеется, и от этого множество морщин на его лице собираются, точно меха гармошки. Выглядывает часто за борт и, ослепленный блеском льдов, щурится, отыскивает очки и вновь оглядывает просторы двух океанов — воздушного и Ледовитого. Валерий составил радиogramму на имя товарища Сталина и просил Белякова ее передать.

Полюс позади. Идем над Полюсом неприступности. Полны желанием выполнить Ваше задание. Экипаж чувствует себя хорошо. Привет.

ЧКАЛОВ, БАЙДУКОВ, БЕЛЯКОВ».

Такова радиограмма, которую мы отправили Иосифу Виссарионовичу с пути над Полюсом неприступности.

11. НОЧЬ НАД ТИХИМ ОКЕАНОМ

Валерий, покуривая трубку, подаренную ему летчиком Степанченком, все идет вдоль берега. Облачность нижнего яруса постепенно поднимается, и самолет в вечерних сумерках постепенно влезает в пасть многослойных стратокумулюсов. Внизу изредка мелькают разрывы, но ничего не видно, так как земля уже не освещается солнцем.

— Егор, вставай, вставай! — сквозь сон я чувствую сильную руку Валерия и вскакиваю совершенно заспанный.

В кабине горят огни, и я долго не понимаю, где нахожусь, — очень уж давно был в ночном полете. Часы показывают 6 часов 30 минут, а наступает ночь.

Мир весьма странно устроен. Но об этом потом. Сейчас нужно сменить Чкалова.

— Давай, вон видишь, облака начинают

сходиться! — сказал Валерий, освобождая мне свое место.

— Вот дьяволышка! Опять слепой полет! Опять облака, да еще ночью, да еще над океаном!

Увеличиваю освещение всех приборов.

Наружная температура минус 7°. Высота четыре тысячи метров — неплохо. Солнце скрылось совсем. Куда ни кинь взор — темно. На всякий случай зажигаю бортовые огни и лампочку освещения водомера. Приборы-гироскопы включаю на мотор.

В 6 часов 30 минут самолет незаметно влез в облака, и начался слепой полет. Медленно набираю высоту. Изредка высовываю из окна руку и чувствую покалывающие удары ледяной крупы. Лучшего и не нужно. Проверив состояние бензина, выключаю свет своей кабины. Фантастически красиво засветились фосфоресцирующими циферблатами десятки приборов. Они кажутся одушевленными и живыми, — так быстро и тонко подмечает каждый из них все, что делается внутри и снаружи самолета.

Проходит напряженный час. Ледяная крупа влетает невидимо в открытые окна кабины и приятно холодит лицо и руки.

Температура на высоте четырех тысяч пятисот метров минус 20°, но от напряжения в слепом полете я сильно разогрелся, и мне жарко. Расстегиваю куртку. Стало свежее. В горле пересохло, и хочется пить. Валерий не нашел воды, предлагает лед. Ну что же, давай пососем. Но куска было недостаточно,

чтобы утолить жажду, и я вскоре получил еще добавочную порцию.

Самолет летит устойчиво и требует небольших физических усилий для управления. Мы запакованы в двойную коробку. Одна коробка — сплошные облака с ледяной крупой, другая — длинная южная ночь. Вместе они дают полную изоляцию от мира. Очень скучно!

Лампочка, укрепленная на передней части моторного капота, окутывает тусклым светом стекло, а заодно и винт. Поэтому впереди, в туманной каше, виднеется какой-то огромный спектр в виде сияния, и мы его никогда не догоним. Тушу лампочку. Веселящее сияние сгинуло, а на лобовом стекле передней кабины появилась, как в зеркале, вся задняя часть самолета. Оглядываясь назад, я вижу сонное царство. И Чкалов и Беляков спят, освещенные многими лампами. В кабине, как после боя в окопах, — беспорядок. Стало тоскливо от одиночества. Но что могут сделать мне ребята, чем помочь? Ничем, но все-таки приятней, когда видишь, что они живут, двигаются, улыбаются. Кто знает, может, они плохо себя чувствуют? Но стало сильно трепать, и я, забыв обо всем, весь отдаюсь внимательному пилотированию. Через полтора часа слепого полета справа тускло засветила луна. Это сильно помогло разобраться в обстановке. Я прибавил еще газу и вскоре вышел в новый промежуток облачности. Вверху были нетолстые, высоко-слоистые облака. Мотор вновь получил об-

легчение и, словно кот, которого чешут за ухом, непрерывно что-то мурлычет, выказывая довольство показанием всех приборов. Включаю на время огни. Да, температура масла всего 80° , давление высокое, бензин в порядке. И мне становится весело от этой безотказно-четкой работы советского мотора. Луна иногда вдруг прячется за полосой густого облака. Я настороженно вглядываюсь в приборы, затем через минуту серебристые лучи кокетливой планеты вновь заливают верхний облачный слой, над которым мы продолжаем лететь на высоте четырех тысяч пятисот метров, и я опять развлекаюсь ландшафтом. Саша уже проснулся. У него работает радио. Просит Сиэттль, чтобы дали радию пеленгом. Через несколько минут Саша написал записку: «Смотри на радиокompас и веди по нему по пеленгу». Маяк почти совпадает с компасным курсом, и я лечу, контролируясь двумя показаниями. Луна осела к горизонту и густо покраснела. Через полчаса она стала совершенно раскаленной и быстро скрылась, словно почувствовав стыд за свою плохую помощь нашему экипажу. Стало темнее. Зато над головами замелькали мириады звезд. Небо почти не отличается от нашего московского, и я вскоре нахожу Полярную, затем Арктур. Восток все более розовеет, резко очерчивая границу облачности. Кажется, что там огромный зубчатый хребет. Наступает утро. Звезды одна за другой постепенно гаснут. Слева вдалеке вылез из-за горизонта Юпитер. С каждой минутой полоса

слева все более светлела и ширилась по горизонту. Я могу уже выключить все освещение внутри. Оставляю только одну нижнюю лампу бензиномера.

Температура понизилась до минус 20°. В кабине похолодело. Самолет сильно подбрасывает. Но в общем настроение не плохое. Верно, внизу еще океан, но что его бояться на сухопутном самолете, если мотор, как всегда, работает ровно и бесперебойно? Я все еще иду по радиокompасу. Саша связался с Анкорейджем, но не может разобратся в том, что принял. Наверное, передают на английском языке. Мы ни черта в нем не смыслим. От обиды Беляков вскоре вновь улегся, проверив правильность курса следования. Валерий все еще спит. Моя вахта затянулась, но мне приятно сидеть, освещая льдом пересохшее горло. Настоящее блаженство! Впереди темнота раздвигается перед верхними лучами солнца, как шторы окна, и я вижу безоблачное небо. Радости нет границ. Бензина имеется еще часов на семь. В 11 часов солнце выскочило слева из-за облаков и, словно проспавшее свой нормальный час подъема, торопится наверстать, оглядывая, что тут наделали за его пятичасовое отсутствие. И вместе с солнцем я вижу внизу еще двухслойную облачность. Верхняя, выше — более плотная, нижняя же представляет собой разрывающийся туман. В 12 часов внизу заблестели огни каких-то городов. Я опускаюсь ниже, до трех тысяч метров, и различаю в окна какую-то бухту и горы. В

самолете — как на улице утром. Он оживился, и теперь в нем копошатся все жители. Больше всего заглядывают в окна левого борта и с радостью констатируют, что начался берег настоящей Америки. Расчеты оправдываются целиком.

12. НАД АМЕРИКОЙ

Саша подсчитывает путевую скорость. Оказывается, вдоль побережья нас держали все время встречные ветры. Мы много потеряли на этом. Особенно жалко бензин. Теперь вряд ли хватит более чем на пять часов. Ну что ж, используем время на продвижение к югу.

Водомер показывает легкое снижение уровня в расширительном бачке. Нужно подкачать. Работая насосом, убеждаюсь в беспечности такого занятия — помпа захватывает только воздух. Но это не так уже страшно. Мотору еще сбавлены обороты, и он идет, как положено по графику, с минимальной скоростью горизонтального режима.

Шестьдесят часов полета. Беляков раскопал все материалы об Америке и по радио настраивается на Сиэттль. Я изменяю курс по его настройке. Странно, магнитный компас дает 200°. Показания радиокompаса обратные. Все ясно. Сиэттль прошли и идем от него опять к берегу. Нужно ждать маяка Портланда. Саша все нервничает. Наконец, долгожданные позывные ПД (Портланд)

приятно действовали на слух штурмана, и он немедленно пишет записку: «Слушай Портланд и иди в зоне «А» — «Н». Надеваю наушники и ничего не пойму: кто-то быстро и монотонно бормочет на английском языке. Я ругаюсь. Но вот позывные, а вот и точка. тире. Есть маяк. Слышу хорошо и стараюсь войти в нейтральную зону. В общем мы за эти полчаса овладели техникой американских маяков для самолетов и теперь уверенно идем на сигналы.

В 14 часов 30 минут перед нами вновь оказалась облачность, и я на высоте трех тысяч метров полез в облака. Прекрасная погода по сравнению с Арктикой. Здесь нечего бояться обледенения. Мое лицо иногда покрывается каплями дождя, врывающегося в окна. Температура 7°. Как долго тянется моя вахта! Уже прошло восемь часов. Но ничего, скоро погода улучшится, и тогда я отдохну.

Беляков доволен, что овладели маяками. Действительно, вещь в хозяйстве подходящая, и я, прислушиваясь к непрерывным сигналам, часто уточняю свой курс на Портланд.

Чкалов сидит за спиной на баке и изучает карту, затем переговаривается с Беляковым. По подсчетам, горючее скоро кончается, и Саша об этом уведомляет меня официальной запиской. Я кладу ее в карман кожаных брюк и прошу Чкалова еще раз заняться осмотром бензобаков. В это время мне показалось, что водомерный поплавок («чортик») слишком понизился, а мне нужна вода. Помпа не берет, так как там только лед. Мои

товарищи собирают все, что похоже на воду, и все это — немедленно в бак. Но и это не помогает — помпа все еще захватывает воздух, но не воду, в которой мотор так нуждается.

Мы смотрим на карту. По времени — скоро Портланд. Перед ним — долина реки с невысокими горами. Нужно опуститься, чтобы растаял лед. Сбавляю газ и лезу вниз, не теряя маяка. Иду в зоне буквы «Н». Самолет очень облегчен и весьма неохотно опускается вниз, хотя скорость с убранными газом достигает двухсот километров. С тысячи метров зачернела земля. Справа шли невысокие горы, прямо под нами — извилистая и солидная река. Температура резко лезет вверх. Как и предполагали, теперь водяная помпа станет накачивать воду.

Кстати, мы ознакомились с подходом к Портланду, теперь полезли вверх. Вновь те же дождевые облака приветливо окружили самолет, и я по маяку продолжаю держать курс на Портланд.

Вновь записка от Белякова: «Портланд под нами, давай курс на Медфор или обратную зону ПД».

Замечательно, Америка уже твердо под нами. 15 часов 20 июля, то есть шестьдесят два часа мы висим в воздухе. Краснокрылый NO-25 под дождем моется после длинного и опасного пути.

Что такое? В расходном бензиновом баке началось понижение? Эге! Неужели действительно скоро горючему конец? Прямо не хо-

чется верить, что мы скоро должны садиться. Но простая арифметика показывает, что как ни крути, а горячее, по расчетам, уже должно кончаться.

Я сообщаю об этом Чкалову и Белякову. Они не верят, и каждый из них хочет еще накачать из центральных баков бензин. Но помпа абсолютно не берет. Под нами город Юджин. Решаем повернуть назад на Портланд, как самый ближайший культурный аэродром Америки. Курс точно на север, и вновь те же сигналы маяка. По ним лететь настолько легко, что, несмотря на слепой полет, я не чувствую непрерывной десятичасовой вахты за штурвалом.

Минут через пятнадцать начинаю снижение. Один слой, затем другой — и мы несемся над разорванными клочьями тумана, часто прикрывающего небольшие горы и леса, которых здесь так много.

Вот и река. Чкалов дал мне две карты. Но все это не удовлетворяет. Я прошу самую лучшую. По ней видно, что Портланд не имеет военного аэродрома. Он чуть дальше, у города Ванкувера. Пойду туда.

Чкалов развернул перед глазами справочник по аэродромам. Я лечу низко и рассматриваю посадочное поле. Вот и два моста. Там, направо вдоль реки тянется узкая зеленая полоса. Для нашего самолета этого маловато. Прохожу низко над аэродромом и ангарами. Знаков никаких нет. Аэродром узкий. С одной стороны его тянется река Колумбия, с двух других сторон — высокая

насыпь железной дороги, и только четвертая совершенно открыта.

Я над землей закладываю вираж, и красное крыло лезет к земле. Самолет проходит на один-два метра над верхушками деревьев. Мелькает болото. Мотор окончательно сбавлен, и самолет, опорочившись от нескольких тонн горючего, теперь долго несется над землей. Вот он начинает присаживаться вниз.

Чкалов сидит сзади и нервничает. Я его понимаю.

Но пусть не обижается — я в прошлом году так же сидел позади и нервничал.

— Газ давай! — кричит Валерий, и я действительно вижу, что нужно немного подтянуть, иначе попадем в какую-то запаханную часть поля. Вновь мотор утих, самолет плавно проваливается к земле. Я подтягиваю руль глубины, и вот колеса коснулись земли. Мы бежим по отсыревшему аэродрому. Выключаю зажигание. Чувствую небольшой прыжок. Это поперек идет дорога. И, наконец, окончательно утвердившись на американской земле, самолет медленно заканчивает свой пробег. Винт еще по инерции вращается. Включаю вновь магнето, мотор послушно заревел знакомым голосом. Идет дождь. Откуда-то бегут военные. Чкалов прыгает из самолета и о чем-то говорит при помощи пальцев с американским солдатом. Навстречу бежит и гражданская публика. Скоро появилась колодка. Валерий подкладывает ее под правое колесо, и я, завернув к ангару, подруливаю к каким-то воротам.

Красная птица NO-25 с надписью по фюзеляжу «Сталинский маршрут» привлекает много публики. Уже десятки автомашин сгрудились на рядом идущем шоссе. Я выключаю мотор и, открыв верхнюю крышку пилотской кабины, чувствую духоту и дождь. От десятичасовой вахты слегка устал, и хочется курить. Скорей на землю. Саша еще в воздухе невозмутимо начал уборку самолета, и никакие крики Чкалова не могли отвлечь его от этой работы. И сейчас еще он, не торопясь, делает уборку, выбрасывает веревочки, бумагу, складывает карты и журналы. Я оставил его за этим занятием и выскочил на землю.

Вот она, настоящая земля!

Ноги твердо ее чувствуют, и теперь мне ясно, что задание своего народа и своего вождя Иосифа Виссарионовича мы выполнили целиком.

Теперь Сталинский маршрут продолжен еще на восемь тысяч восемьсот шестьдесят восемь километров из Москвы в Америку через Северный полюс.

Новая дорога, связывающая два Света через неприступную Арктику, открыта советскими летчиками.

13. СКОРЕЕ БЫ ДОМОЙ...

Днем мы сидели в уютной квартирке американского генерала Маршалля, любезно приютившего усталых пилотов.

Мы оказались в забавном положении —

меховые куртки слишком усердно охраняли наши тела от холода, а нижнее белье было совсем неподходящим костюмом, чтобы в нем можно было щеголять по Америке.

Внимательный хозяин неимоверного роста быстро оценил наше затруднение. Через несколько минут он притащил все костюмы гражданского образца, какие были в его гардеробах.

Чкалов покатывался со смеху, когда я решил примерить брюки distinguished хозяина дома — верхняя пуговица свободно застегивалась перед моим носом, а солидная доля клеши еще волочилась по полу.

Стало ясно, что нужно искать костюмы по размеру. Через час солидный отряд портных местного магазина выручил нас из беды, одев в новые летние костюмы, хорошо подогнанные и проглаженные.

Наши лица, сбросившие накопившуюся за четверо суток растительность, посвежели, и посторонним трудно было представить, что несколько часов тому назад эти люди завершили исторический полет через полюс.

Весть о посадке облетела мир с молниеносной быстротой. Тысячи приветствий посыпались со всех концов мира к нашей тройке.

Вскоре прибыл полпред товарищ Трояновский. Это было большим облегчением — мы стали подшефными, и все хозяйственные заботы были сняты с наших плеч.

Чкалов быстро подружился с Трояновским, и они уже весело беседовали в соседней комнате о перелете, о жизни в Союзе и в Америке.

После ванны Чкалов совсем посвежел, и только заботливая складка все еще прорезала широкий лоб Валерия. Он напряженно ждал ответа на нашу последнюю телеграмму в Москву, думая, как было бы хорошо сейчас отправиться на родину, домой, и доложить товарищу Сталину о всем, что пережито за последние дни. И сколько радости появилось в этом суровом на вид человеке, когда Трояновский начал переводить телеграмму:

*«Соединенные Штаты Америки
Штат Вашингтон, город Портланд. Экипа-
жу самолета*

ЧКАЛОВУ, БАЙДУКОВУ, БЕЛЯКОВУ.

Горячо поздравляем вас с блестящей победой. Успешное завершение героического беспосадочного перелета Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты Америки вызывает любовь и восхищение трудящихся всего Советского Союза.

Гордимся отважными и мужественными советскими летчиками, не знающими преград в деле достижения поставленной цели. Обнимаем вас и ждем ваши руки.

СТАЛИН
МОЛОТОВ
ВОРОШИЛОВ
Л. КАГАНОВИЧ
КАЛИНИН
МИКОЯН
ЖДАНОВ
ЕЖОВ
АНДРЕЕВ».

Чкалов выслушал телеграмму и как-то задумчиво тихо сказал:

— Значит, страна довольна нами! Что может быть лучше этого!

Он прошелся по комнате, насвистывая арию из какой-то оперы, затем подошел ко мне.

— Ты что, Егор, пишешь?

— Заканчиваю заметки о перелете, — ответил я.

— Ну, это еще успеешь — давай-ка, составь телеграмму в Москву.

Я поглядел на товарища и понял, что у этого человека, давно потерявшего родителей, есть отец и есть мать, которым он хочет излить свои чувства любви. Отец — это Сталин, а мать — это Родина. О них-то и думает сейчас Валерий. Я быстро составил телеграмму:

«Москва

*Товарищам СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ,
ВОРОШИЛОВУ, КАГАНОВИЧУ, КАЛИНИНУ,
ЖДАНОВУ, ЕЖОВУ, МИКОЯНУ, АНДРЕЕВУ*

Из Портланда, 21.6—1937 г.

Безмерно счастливы, получив ваше приветствие, и рады вместе с вами и своим народом очередной победе советской авиации. Сталинский маршрут продолжен. Задание своего правительства мы выполнили, несмотря на исключительно сложные затруднения, связанные с полетом.

Исключительная настойчивость у нас выработана большевистской партией и вождем народов товарищем Сталиным.

Сердечное спасибо за крепкое большевистское воспитание, которое способствовало очередной победе. Крепко жмем ваши руки и еще раз благодарим товарища Сталина за внимание и отеческую заботу о нашем экипаже.

Тебя, товарищ Сталин, мы вспоминали вместе всегда и особенно в трудные минуты, и это во многом помогало нам драться с препятствиями и побеждать.

Экипаж здоров и готов к новым заданиям своего правительства.

Желаем вам также здоровья, новых успехов.

ЧКАЛОВ, БАЙДУКОВ,
БЕЛЯКОВ».

Валерий несколько раз заставлял перечитывать текст и, взяв перо, подписался под ответом. Вдохнув, он заметил:

— Всего, брат, в телеграмме не скажешь. Да и ты, Егор, скуповат — мало написал.

С этой минуты Валерий, словно забыв о перелете, превратился в веселого и умелого партнера по преферансу, играя с товарищами, прибывшими из Вашингтона.

Туго пришлось и Трояновскому и остальным двум игрокам — Валерий их быстро обыгрывал, часто расспрашивая, сколько же они получают жалованья. Тем временем мы с Сашей Беляковым составили еще телеграмму

с краткими выводами о полете. Нам хотелось, чтобы Громов учел все наши ошибки, так как мы знали, что его экипаж вот-вот вылетит вслед за нами.

Следующие дни были заняты бесконечными приветствиями, митингами, ужинами и обедами в Портланде, Сан-Франциско, Вашингтоне и Нью-Йорке.

Американские трудящиеся увидели в нашем лице представителей социалистического общества, и это рассеивало в их головах туман, пущенный реакционной печатью. Как и везде, Чкалов быстро завоевал симпатию, и американцы рукоплескали при каждом появлении Валерия на трибуне, на улицах или просто в ресторане, или кафе.

Валерий был рад, что народы США хорошо относятся к гражданам Советского Союза, и в то же время с каждым днем все чаще говорил:

— Ребята, скорее бы домой!

Отвращение к стилю буржуазной жизни, зародившееся еще в 1936 году в Париже, нарастало в Чкалове с каждым днем. Наблюдательный и острый взгляд Валерия быстро обнаружил сочившиеся язвы на теле роскошного Нью-Йорка. Особенно сильное впечатление на него произвели темные негритянские кварталы с детской проституцией на улицах, ночные свистки полицейских, очищающих сады от безработных, не имеющих крова.

Валерий наотрез отказался от дальнейших поездок по Америке и с нетерпением ждал, когда вылетит Громов. После посадки второ-

го экипажа можно было со спокойной совестью отправляться домой.

12 июля узнали о вылете Громова. Мы с напряжением следили за каждым шагом экипажа. И вот радостная весть — Громов, побив рекорд дальности, сел на юге Америки.

Теперь домой, в Москву!

В тот же день мы отплыли к берегам Европы. Пробыв несколько дней в Париже, экспрессом выехали в Москву.

С западной границы Родины и до Кремля ликованием встречал народ своих сынов. В Кремле мы вновь увидели Сталина, который нас обнял, как родной отец.

ГЛАВА VIII

(последняя)

1. НОВЫЕ ПЛАНЫ

И вновь началась жизнь, полная радости и счастья.

Чкалов не успевал отвечать на тысячи телеграмм и писем, поздравлявших с победой. Чкалов не мог в одно и то же время бывать на десятках митингах в честь экипажа.

Телефон непрерывно донимал Чкалова. Чкалов стал популярнейшим и любимым человеком страны. Валерий это чувствовал и дорожил народной любовью, черпая в ней новые силы для новых побед.

В конце года начались выборы в Верховный Совет СССР. И народ доверил свои судьбы Чкалову, питомцу Сталина. Чкаловские земляки из Горьковской области единогласно выбрали его депутатом в Верховный Совет СССР.

Валерий жадно взялся за новую работу. Он часто навещал избирателей, вникал в их нужды и активно помогал строить счастливую жизнь. Чкалов появлялся на заводе, испытывал новую машину, затем садился в поезд, и уже на завтра он ходил по колхозным полям, щупая колос пшеницы, осматривал птице-

ферму, или заходил в детский сад и составлял список мебели и игрушек для ребят.

Позже, с ружьем в руках, он стоял в засаде на медведя в лесах Горьковской области, а через неделю его голос раздавался в Киеве с трибуны перед физкультурниками. Не пропускал он и хорошего концерта и новой постановки в театрах, не забывал в нужную минуту дать совет молодым пилотам, отправляющимся в перелет. Везде жизнерадостный Чкалов вселял бодрость и уверенность.

После полета через полюс Чкалов стал еще сильнее, значительнее, глубже пуская корни в жизнь. Он любил жизнь, умел ею пользоваться и дорожил ею. Но, несмотря на все новые заботы и дела, Чкалов все чаще задумывался о новом полете. Дух летчика в нем ни на минуту не угасал.

— Эх, вокруг бы шарика!.. — говорил часто Чкалов. Он садился ближе к карте мира и думал о новых грандиозных полетах, которые советские летчики совершат во славу своей Родины.

2. НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ДЕНЬ

Телефонный звонок застал Валерия Павловича за разбором обильной почты, которая пришла утром. Он снял трубку.

— Слушаю... Хорошо, приеду на аэродром в 11. Готовьте самолет к вылету, — закончил спокойно Чкалов.

В комнату вошел сын. Валерий оглядел

Игоря и, погладив белокурую голову, поцеловал его в лоб.

— Ну, иди, Игорюха, а то опоздаешь в школу. Да смотри у меня — не шали.

Сын больше всего на свете любил отца, и ему не хотелось так быстро уходить из кабинета. Валерий Павлович посадил Игоря на колени, продолжая читать письмо избирателя, жаловавшегося на беспорядок ремонта тракторов в их районе.

Второе письмо пришло из родных краев Горьковской области — просили помочь оборудовать детский сад мебелью и игрушками. Чкалов заботливо сложил письмо и положил его в карман гимнастерки.

— Видишь, Игорюха, сколько дел нам сегодня подвалило, все нужно разрешить срочно, а для ребят вне очереди.

И, еще раз обняв сына, он отпустил его в школу.

Непрерывные звонки так и не дали окончательно разобрать письма. По телефону с утра начинались атаки школьников, студентов, представителей печати и учреждений, которым хотелось заручиться обещанием Чкалова приехать к ним и рассказать о своей летной и депутатской деятельности.

Валерий Павлович был добрый человек, и особенно детям он не мог отказать, хотя времени на все никак не хватало.

Он посмотрел на часы. Пора трогаться. Зашел в детскую — маленькая дочка кинулась к отцу. Валерий присел на корточки. Лерочка обхватила ручонками толстую шею, взгромоз-

дья на спину Валерия. Изобразив из себя лошадку, отец, расцеловав дочь, вышел в коридор, накиннул шинель.

— Лелик! — позвал жену Валерий.

Ольга Эразмовна вышла из спальни. У нее побаливала голова, и муж сразу заметил бледность лица жены.

— Что ты сегодня, Лелик, плохо выглядишь?

— Сын, наверное, дает о себе знать.

Валерий улыбнулся. Он настороженно следил за ходом беременности жены, и напоминание о будущем ребенке делало его еще более ласковым и мягким. Подошел к Ольге и нежно поцеловал ее в губы:

— Кто будет звонить, скажи — на аэродроме. Я часа через три вернусь.

Жена, как всегда, с тенью тревоги проводила мужа и вернулась в спальню.

На аэродроме инженеры и механики заканчивали последние работы.

Чкалов вылез из автомобиля, поздоровался с присутствующими и, убедившись, что самолет скоро будет готов, направился в летную комнату. Он надел комбинезон, шлем и очки, взял перчатки и, закулив на дорогу папиросу, направился к машине.

Морозный безоблачный день был в полном разгаре. Синеватое небо манило к себе, и лишь коварный ветер холодил не только лицо и руки, но и сталь краснокрылого маленького самолета.

— Мороз-то сильный сегодня — около

30°, — услышал Валерий голос из толпы, всегда собирающейся в таких торжественных случаях первого полета новой машины.

Чкалов не замечал мороза. Перед первым вылетом он находился в состоянии сосредоточенности и подтянутости, когда все внимание приковывалось только к машине.

Чкалов обошел самолет. Пилоту нравились его точеные и хищные формы и какая-то особенная подобранность и сжатость всех частей. Затем он отошел в сторону, прислушиваясь к сильному реву мощного мотора. В кабине сидел механик, и Валерий нетерпеливо ждал, когда оттуда покажется знак о готовности.

Вскоре подошел конструктор. Чкалов перед вылетом еще раз спросил о предполагаемых минимальных режимах. Наконец, мотор утих. Механик вылез из самолета, доложил Чкалову о состоянии машины.

— Мороз только сильный — мотор быстро стынет, — заметил механик, помогая летчику удобно усесться в кабине.

Затем Чкалов закрыл плотно колпак и начал пробовать мотор.

Внимательно он вглядывался в приборы, тщательно ощупывал множество рычагов и кранов. Летчик был спокоен. Давно уже прошли минуты тревожнейших волнений перед первым полетом. Что будет с самолетом на взлете? Не свалится ли он беспомощно на крыло и не погибнут ли пилот и машина? Не завибрирует ли какая-нибудь маленькая деталь, из-за которой может на куски разлететься самолет? Не подведет ли мотор?

Тысячи мельчайших, часто трудно уловимых причин могут привести пилота в безвыходное и катастрофическое положение. Но Чкалов был спокоен — уже много конструкций прошло через его руки, и он наметал глаз, умело отличая скверную машину от хорошей. Сегодня он был твердо убежден, что самолет не подведет. Он все внимание сосредоточил на приборах, контролирующих мотор. Лишь бы не подвел мотор — остальное должно работать хорошо.

В трепетном волнении стояли сбоку столпившиеся конструкторы, инженеры и рабочие, создавшие этот самолет.

Но вот Чкалов отпустил тормоза, и красивая короткокрылая птица резво понеслась по запорошенному снежному полю. Затем летчик сбавил газ, резко затормозил самолет. Он пробовал действие рулей на земле. «Все в порядке», — заключил пилот, подруливая к старту.

Стартер взмахнул зеленым флажком. Валерий повел машину на взлет. Частые удары колес о закопченную землю передавались по всей машине, но крепкая рука пилота твердо удерживала самолет. Машина в воздухе. Чкалов осторожно отжимает ручку, набирая скорость. Самолет послушно летит над землей. Чкалов улыбается — с самолетом все в порядке. Перед ангарами он плавно берет ручку на себя, и краснокрылая птица мгновенно уходит ввысь.

Набрав метров пятьсот, летчик медленно покачивает машину с крыла на крыло — значит,

элероны, управляющие креном самолета, работают. Только теперь он решается сделать первый разворот. Но это не те лихие повороты, какие мы привыкли видеть, зная, что Чкалов в воздухе. Нет, это маленький крен и медленное движение по плавной кривой. Но ведь и сидит сейчас в самолете Чкалов — испытатель, а не виртуоз на изведенной машине...

Подождите день-два и вы увидите, как на этой же машине Валерий от земли загнет такой головокружительный иммельман, что у зрителей замрет сердце. Все свое время — рассуждает Чкалов, заканчивая первый разворот на 90° .

В морозном небе слышен ровный гул, а быстроходная машина точно выписывает круг по границам аэродрома. Поглядывая на указатель скорости, Чкалов сиял — солидная цифра глядела с циферблата, и пилот чувствовал, что это лишь часть того, что может дать машина.

«Вот, наконец-то, мы добились той скорости о которой так долго мечтали», — думал Валерий, оглядывая остальные приборы. «Что такое? Почему падает температура масла?» Чкалов взглянул вниз. Аэродром был под левым крылом. «Что-то неладное с мотором», — подумал пилот и осторожно начал снижаться.

На секунду в голове Валерия мелькнула тревога: «Дотяну ли до аэродрома?» Машина шла на высоте двухсот метров, и летчик решил подтянуть, чтобы точнее рассчитать на посадку.

ку. К великому ужасу, пилот обнаружил, что мотор его не выручит. Он взглянул вперед. До границы аэродрома оставалось не больше двух километров. Самолет круто снижался на какие-то бараки. «Жилье», — мелькнуло в голове Чкалова, и он резким движением положил самолет в левый вираж, похожий на те зазорные боевые виражи, какие пилот делал шестнадцать лет подряд. Машина послушно отвернулась от жилых домов и навсегда отвернулась от аэродрома, видневшегося невдалеке.

Пилот понял, что он попал в ловушку. Но высота была так мала, что воспользоваться парашютом было невозможно. «Неужели...», — страшная мысль оборвалась. Чкалов слева увидел небольшой кусок, изрытый оврагами, но свободный от построек. «Вот туда бы — там нет людей, и никого не убью». Летчик напряженно и чутко повел машину, выжимая из нее все возможное. Но высота неумолимо, с каждой секундой, уменьшается. Впереди летчик заметил столбы и какой-то сарай, преграждавший ему путь к площадке, до которой он думал добраться. «Плохо», — подумал пилот, и его сердце впервые тревожно заняло от частых ударов. В голове молниеносно пролетела вся жизнь. «Неужели так глупо?.. Неужели так глупо... и себя, и машину?» — неслись обрывки тревоги.

Вот он отвернулся от сарая, чтобы не ударить его крылом. И вдруг в трепетных мыслях пилота мелькнуло имя Сталина, его недавние слова — «Береги себя», и его постоян-

ная забота о Чкалове, которая не раз уберегала бесстрашного пилота от смерти.

Самолет с большой скоростью приближался к земле. Многие строения уже были выше линии полета. Нужно было уклоняться от прямых ударов. И Чкалов, прилагая все искусство, до последней секунды отворачивал голову от меча смерти, занесенного над его головой. Перед глазами неожиданно показались вновь жилые дома. Валерий видел, как в паническом беге разбегалось все живое, прячась в закоулки.

«Нет, в дома невозможно», — твердо решил Валерий, и благородная рука советского пилота спокойно начала класть самолет в последний разворот, отводивший удар по жилью.

Через секунду Чкалов навсегда распрощался с жизнью. Мертвый пилот лежал на промерзлой земле, рядом с обломками новой машины, которую он облил своей кровью.

3. ПРОЩАЛЬНЫЕ КРУГИ

В этот страшный миг я ходил по аэродрому, поджидая самолет для полета. Мороз крепчал с каждым часом, а зимнее солнце, лениво поглядев на часть нашей планеты, уже собиралось отдать концы и уйти смотреть новые края. Я знал, что Валерий сегодня должен был вылететь на новом самолете, и по старой привычке зорко оглядывал горизонт и пространство, висевшее над соседним аэродромом, где летал Чкалов. В полдень кто-то

заметил краснокрылую птицу, когда она проходила в стороне от нашего аэродрома над городом. Я успокоился, надеясь, что Валерий благополучно облетал свой самолет, как вдруг послышался крик:

— Байдуков! Срочно к телефону!

Я заковылял через аэродром к диспетчеру. По телефону меня просили полетать над городом и найти место посадки Чкалова.

— А что с Чкаловым?

Неуверенный, но тревожный голос мне подсказал больше того, что я знал до сих пор.

Мое сердце сжалось от боли. Я остолбенело глядел в окно диспетчерской будки, чувствуя, что я осиротел, лишился друга и боевого товарища. Но слабая надежда теплилась в уголке мозга, я быстро взял себя в руки и пулей понесся к самолетам.

Экипаж уже занял свои места. Быстро оглядев машину, запустили мотор, я отдал последние инструкции своим партнерам по полету и вырулил на старт. Через минуту мы уже делали непрерывные виражи, проглядывая улицы, парки, кладбища и шоссе, прилегающие к аэродрому.

Я менял высоту, то опускаясь к крышам Москвы, то забираясь вверх, чтобы видеть побольше пространства. Но и намек на машину мне не удалось увидеть, хотя иногда кружился рядом с местом вынужденной посадки Чкалова.

В этот морозный день Москва жила торопливо и деловито. На площадях двигались вереницы автомобилей, пешеходы спешили,

подгоняемые холодом, трубы города выпускали седые космы дыма. Все шло своим чередом. Из одного конца города я проносился в другой, делая бесконечные круги, оглядывая каждый кусочек свободной земли. Солнце ушло за горизонт, пелена морозной дымки стущала темноту, внизу загорались огни города, а я с отчаянием и нарастающей тревогой, оглушенный тяжелой думой, вертелся над землей, отыскивая своего друга. Стало темно, и я нехотя пошел на посадку на свой аэродром. Меня уже ждали товарищи.

— Чкалов погиб. Тебя срочно вызывают к Кагановичу.

Я вяло соображал, не зная — верить ли этому страшному сообщению. Неужели мои круги были последним прощанием с другом?

Я вспомнил, что всего три дня тому назад, 12 декабря, я заходил к Чкалову. Сколько ласковых слов высказал в тот день Валерий по моему адресу! Сколько мечтаний и надежд выразил Чкалов!

В этот вечер, как и всегда, у Валерия собралось множество гостей. Среди них — родственники, горьковчане, художники, писатели и просто знакомые, часто посещавшие гостеприимную семью.

Открыв дверь его квартиры, я услышал радиолу, — исполняли музыку Чайковского. Мне сразу же представилось тихое, сосредоточенное лицо Валерия. Склонив голову, он внимательно ловил мягкие, ласкающие звуки, не обращая внимания на шум и гам. Валерий сильно любил музыку; людей,

хорошо владеющих этим искусством, он искренне уважал. Эта привязанность к волнующим звукам шла с далекого детства, когда Валерий слышал сильные и певучие приволжские песни своих земляков. Поглядывая на Чкалова, я думал: как широка и ласкова душа этого, сурового на вид, человека и как часто обманчива внешность!

За ужином Валерий много говорил о какой-то книге, которую он недавно прочитал, расхваливал ее автора. Незаметно разговор перешел на перелеты. Я взглянул на часы, а затем — на Чкалова.

— Ты все, Егор, торопишься, спешишь? Посиди — мы и так редко видимся.

Мы вышли в коридор.

— Погоди, давай зайдём в кабинет, поговорим еще.

Чкалов усадил меня в кресло.

— Весна скоро, брат. Пора начать готовиться... Как Саша-то?..

— Вчера уехал в санаторий — решил подлечиться.

— Ему нужно отдохнуть — позеленел наш Сашка. Но ведь он и там себе работу найдет — непоседа он, — заботливо и серьезно заметил Валерий.

— А ты был в отпуске? — осведомился я.

— Да как-то не клеится, начну — вызовут... Ничего, вот сделаю испытание новой машины, да возьмусь за перелет. Это лучше всякого отпуска, Егор. — И он невольно потянулся к глобусу. Я подсел к нему поближе.

— Я так думаю: сначала бы в Австралию

слетать, разведать — можно ли оттуда подняться на юг, а пока будут делать новую машину, махнем вокруг земного шара...

— У тебя губа не дура, — заметил я, громко посмеиваясь.

— А чего ты ржешь? — недоумевал Чкалов.

— Да над тобой... Уж очень просто стал ты смотреть на земной шар — махнуть вокруг... Это дело серьезное, Валерий.

— Я и не говорил, что простое. Поготовимся, приготовимся, да махнем... А ты что, не веришь?..

— Верю, верю, Валерий, но все думаю: какой же ты фантазер...

— Брось, Егор, смеяться, где тут фантазия? Вокруг шарика — это не фантазия... А через Южный полюс перелетим обязательно. Ну, не мы, так другие, но это не меняет дела. Тут другая загвоздка встает — скоро маршрутов на дальность не выберешь — земля мало становится для техники.

Я слушал Валерия с любопытством, разглядывая этого жизнерадостного, полного надежд человека. Что его влечет в неведомые края Южного полюса, что тянет его к полям над бушующими океанами, над вечными снегами, горами и непроходимыми болотами земного шара? Чего ему нехватает? Славы? — но он и так прославлен навеки своими подвигами. Наград? Нет, его грудь вся украшена орденами. Где эта причина, заставляющая человека менять спокойную жизнь на путь опасных схваток со стихией, на путь

борьбы, полной трудностей и неожиданности? Ведь никто же его не заставляет идти на это, не по военному приказу он кидается навстречу опасности, — ведь все это исходит от себя. И я невольно улыбнулся, когда припомнил нашу прошлогоднюю беседу.

— Там, где трудное и неизвестное, там я нахожу свое место. Там, где речь идет о счастье и славе моего народа, там я ищу себе работу. Остальное — почести, опасности, — над ними я никогда не задумываюсь. Лишь в борьбе я чувствую жизнь, иначе — теряю ее величие, ощущаю скуку... — Так сказал Валерий в тот раз.

Чкалов держал на коленях глобус, медленно поворачивая его вокруг оси, задумчиво оглядывая страны мира.

— А знаешь, Егор, как ребята наши жить будут: утром сядут на самолет, поднимутся тысяч на двадцать метров вверх, а часа через три они уже купаются на берегу Южной Америки или охотятся в Австралии. И не нужно перелетать границы, и не нужно запрашивать разрешения на посадки — границы сотрутся, народы сольются, и станут люди летать над миром так же вольно, как птицы...

Я думал над его словами, и мне стало ясно, чем живет мой товарищ. В этот вечер мы еще долго вертелись у глобуса и разошлись, полные надежды и уверенности...

Мы составили с ним конкретный план полета «вокруг шарика» и в Австралию.

И вот теперь мне предстояло хоронить своего боевого командира. Как хорошо бы не знать этой проклятой вести и на всю жизнь запомнить Валерия таким, каким я видел его тогда! С трепетным сердцем помчался я в город, который переживал вместе со всей страной тяжелую утрату.

Москва. Суровый морозный день еще больше леденит скорбные сердца сотен тысяч прощающихся со своим любимцем.

В огромном зале Дома Союзов тишина. На высоком постаменте мертвый Валерий. Венки, цветы и ленты, среди которых утопает гроб. Непрерывно движутся колонны, меняются караулы. Напряженная тишина изредка прерывается траурными мелодиями оркестра, тяжелым вздохом или криком.

В зал входит Сталин. Вместе с ним его соратники — Молотов, Ворошилов, Л. Каганович и Калинин. Скорбь, глубокая человеческая грусть на лице Иосифа Виссарионовича. Сталин скорбно прощается со своим любимейшим сыном.

Не стало Валерия Чкалова — одного из лучших соколов нашей Родины.

Образ Чкалова — это дерзновенная воля, концентрированная сила, бесстрашие, знание и большевистское упорство. Валерий Павлович Чкалов выразил в себе все лучшие черты советского гражданина, поднявшегося из гущи народа, выросшего в Сталинскую эпоху. Его подвигам аплодировал весь мир.

«Я буду держать штурвал самолета до тех пор, пока в моих руках имеется сила, а глаза видят землю». Так однажды сказал Валерий Павлович товарищу Сталину.

Чкалова влекло в неизведанные места земного шара.

Три ордена украсили грудь Героя Советского Союза Валерия Чкалова за его мужество, доблесть, великолепное летное искусство.

Подвиги Валерия Чкалова вошли в историю дерзновенных исканий лучших представителей человечества.

В каждой боевой машине, на которых бойцы Воздушного флота защищают нашу Родину, вложены частицы энергии этого народного самородка, любимца нашей страны.

До последней минуты Чкалов, лучший гражданин Советского Союза, не выпускал штурвал боевого самолета; до последней минуты он честно служил Родине своей, которая никогда не забудет его обаятельного образа настоящего большевика — народного героя.

Прощай, любимец советского народа! Прощай, любимец товарища Сталина! Прощай, наш славный товарищ и друг!

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I	
1. Воздушный боец	5
2. Игра со смертью	16
Глава II	
1. Разворот по душе	43
2. Двое упрямых	50
3. Болевой командир	55
Глава III	
1. Великий день	64
2. За жизнь машины	72
Глава IV	
1. Я встречаю старого друга	78
2. В ЦК	82
3. Сталин следит за подготовкой	84
4. Контрольный рейс	86
5. В Кремле	93
Глава V	
1. По Сталинскому маршруту	96
2. Ночь над Землею Франца Иосифа	101
3. Через Охотское море	103
4. Посадка	106
5. После полета	109
6. День на острове Удд	113
7. Финиш	115
Глава VI	
1. На юге	126
2. В Париж	133

Глава VII

1. Сталинский маршрут будет про-	
должен	136
2. Сигнал дан	142
3. Перед взлетом	144
4. Старт	146
5. Тревога	149
6. Первое обледенение	151
7. Над Баренцовым морем	156
8. Земля	161
9. Внизу полюс	164
10. Полюс неприступности	163
11. Ночь над Тихим океаном	170
12. Над Америкой	175
13. Скорее бы домой	180
Глава VIII (последняя)	
1. Новые планы	187
2. Незаконченный день	188
3. Прощальные круги	195

Редактор О. Резник. Художник А. Мануйлов. Техни-
ческий редактор С. Симонов. Выпускающий Н. Юкель.
Корректора М. Зевин и Е. Мевис.

Сдано в набор 8/III 1939 г. Подписано в печать 13/III
1939 г. Уполномоченный Главлита А-2664. Индекс X-11.
Б 12. Заказ изд. № 63. Тираж 20.000. Печ. л. 6³/₄. Авт.
л. 6,59, учетно-авт. лист. 7,5. Формат бумаги 68×92¹/₂.
Отпечатано на бумаге Красновишерского бумкомбината
им. Менжинского. Заказ тип. 213.

Цена в переплете 2 р. 75 к.

17-я фабрика нац. книги Огиза РСФСР треста „Поли-
графкинига“, Москва, Шлюзовая наб., 10.